

302.7
СБ6

С
Э

О В Е Т С К А Я
Т Н О Г Р А Ф И Я

1936

6

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК
С С Р

1937

174

Академия Наук СССР
и Народный Комиссариат Просвещения РСФСР

56

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

№ 6

1936

139945^w

Тульская Областная
Библиотека
им. А. С. Пушкина

к

Издательство

Академии Наук · Москва · 1937 · Ленинград

Ответственный редактор издания директор Института
антропологии, археологии и этнографии академик
И. И. Мещанинов

Редакционная коллегия:
Председатель редколлегии акад. И. И. Мещанинов
Ответственный секретарь Е. Г. Кагаров

Члены редколлегии:
М. К. Азадовский, М. О. Косвен,
В. И. Равдоникас

Секретарь редакции В. В. Храмова

Технический редактор О. Г. Давидович. — Ученый корректор А. В. Сорокина

Сдано в набор 11 января 1937 г. — Подписано к печати 16 декабря 1937 г.

166 стр. + 3 вкл. карты

Формат бумаги 72X110 см. — 10³/₈ печ. л. + 1¹/₈ печ. л. вкл. — 68 905 печ. зн. в л. — 18,99 уч.-изд. л. — Тираж 2000

Ленгосиз № 6023. — АНИ № 1473. — Заказ № 87

Типография Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12

От редакции

Процесс троцкистско-зиновьевского террористического центра и в особенности недавний процесс троцкистского так называемого параллельного центра разоблачили неслыханно гнусную преступную деятельность заклятых врагов народа, контрреволюционных троцкистов, зиновьевцев и правых бандитов. Вся наша страна с чувством глубочайшего удовлетворения встретила справедливый приговор суда, по заслугам покаравший этих реставраторов капитализма, шпионов, вредителей, подлых убийц. И на тех участках нашего социалистического строительства, где троцкистские агенты фашизма, воспользовавшись притуплением большевистской бдительности, сумели причинить вред, трудящиеся развернули напряженную борьбу за ликвидацию всех последствий вредительства, за разоблачение и выкорчевывание из своих рядов врагов народа.

Прямые уроки из этого должны извлечь для себя и работники тех научных учреждений, куда, как выяснилось на московских процессах, пробрались враги народа, чтобы под маской якобы научной работы заниматься преступной контрреволюционной деятельностью.

Так было, в частности, в некоторых звеньях Академии Наук, в том числе и в Институте антропологии, археологии и этнографии. Обманув доверие партии, использовав отсутствие большевистской бдительности и гнилой либерализм, в этом институте вели свою подрывную работу враги народа, троцкисты-зиновьевцы Маторин, Бусыгин, Быковский, Седых. Двуручнически прикидываясь рьяными сторонниками марксизма-ленинизма, они на деле занимались контрреволюционной фальсификацией марксизма-ленинизма и взяли прямой курс на ликвидацию тех наук, которые разрабатываются в институте, явившемся ареной их подлой деятельности. Под видом необходимости объединения всех видов источников в исследовании они и их последователи проповедывали упразднение этнографии и археологии как специальных отраслей науки и объявили поход на все приемы конкретного этнографического и археологического исследования, как будто бы свойственные лишь буржуазной науке. Вместо конкретного изучения фактов на основе методологии марксизма-ленинизма они занимались в своих писаниях псевдосоциологической схоластикой и требовали этого от других, дезориентируя целый ряд научных работников, отклоняя их от выполнения прямых задач, стоящих перед институтом. Борьбу с враждебными советской науке теориями, и в особенности актуальнейшую борьбу с фашизмом, они подменили вредной фразеологией, в которой

вместо критики давалась по существу пропаганда якобы критикуемых взглядов. В целом это была последовательная линия систематического вредительства в науке.

Рупором этих вредительских установок в известной степени являлся журнал «Советская этнография», редакторами которого были враги народа, террористы: Маторин, Бусыгин и Быковский. В результате их «руководства» и отсутствия бдительности членов редакционной коллегии журнал отклонился далеко в сторону от выполнения основных своих задач — от изучения народов СССР, разработки истории доклассового общества, ведения борьбы против фальсификации марксизма-ленинизма, буржуазных теорий и фашистской лженауки в области этнографии. «Советская этнография» могла бы оказать большую помощь национальному строительству, освещая грандиозный исторический процесс экономического, политического и культурного возрождения в условиях СССР угнетенных при царизме народов и содействуя разработке путей и способов национально-культурного строительства. Но находясь «под руководством» вредителей, журнал был оторван от жизни, от актуальных вопросов социалистического строительства. Он ни разу за последние годы не откликнулся на важнейшие политические, экономические и культурные события, волновавшие всю нашу страну. Даже в таком исключительно важном и для советской этнографии деле, как подготовка всесоюзной переписи населения 1937 г., журнал не принял ни малейшего участия. В номере журнала, сданном в печать вскоре после подлого убийства незабвенного С. М. Кирова, журнал никак не откликнулся на этот злодейский террористический акт, зато в этом же номере нашла место вредительская передовая статья, написанная участником этого убийства, подлым террористом Бусыгиным.

Оторвав журнал от практики социалистического строительства, вредители широко использовали его для прямой борьбы против марксизма-ленинизма. В их статьях взгляды основоположников марксизма-ленинизма подвергались подлой фальсификации. Под видом, например, «критики» Моргана на деле «критиковались» взгляды Маркса и Энгельса. Так, Быковский объявил на страницах журнала периодизацию истории первобытного общества Моргана «устарелой», в то время как она была принята Марксом, Энгельсом и Лениным и подтверждается новейшим материалом. Пропагандировавшаяся в журнале собственная периодизация Быковского представляет грубую антинаучную схему, в которой фигурирует так называемая «тотемическая стадия», представляющая не что иное, как патриархально-тотемистический круг кардинала В. Шмидта, злейшего врага марксизма.

Другой прием борьбы против марксизма-ленинизма заключался в том, чтобы подменить конкретные этнографические исследования абстрактной псевдосоциологической схоластикой. В этом антимарксистском плане написаны статьи Маторина, Бусыгина, Быковского. Быковский, например, отвлекал советских этнографов и археологов от конкретного изучения фактов в сторону абстрактных формально-логических поисков закона противоречия развития доклассового общества, и сам строил всю свою антинаучную периодизацию формально-логическим путем только на основе противоречия между разделением труда и первобытнокоммунистическими отношениями.

Чтобы вести свою подрывную работу беспрепятственно, враги народа стремились вытравить опасную для них критику и самокритику в журнале. Критические обзоры нередко сводились по существу к перепечатке высказываний буржуазных и даже фашистских авторов, как, например, «Обзор иностранной литературы по этнографии за 1933—1934 гг.» Б. Н. Вишневого, протаскивавшего в нашу печать враждебные советской науке установки. Вместо последовательной и принципиальной самокритики в «Советской этнографии» насаждалось низкопробное подхалимство, свидетельствующее о неумении за звонкими квазимарксистскими фразами различить подлинное лицо и антисоветскую направленность «концепций» вредителей на археологическом и этнографическом фронте. Так, например, Е. Г. Кагаров превозносил антинаучную статью Быковского о «тотемической стадии» как якобы «выдающуюся по четкости формулировок и представляющую большой методологический интерес работу»,¹ а К. В. Вяткина и Н. П. Гринкова выставляли Быковского как авторитет в области истории первобытного общества.² Под влиянием вредительских установок Быковского, К. В. Вяткина и Л. П. Потапов в своих статьях вместо конкретно-исторического анализа занимались жонглированием элементами, а А. Н. Бернштам, В. П. Петров и С. П. Толстов — трескучей, но совершенно бессодержательной фразеологией о «стадиальности». Известное постановление ЦК ВКП(б) и правительства об истории ни в малейшей мере не нашло отражения на страницах «Советской этнографии».

Зато без всяких затруднений нашли доступ в «Советскую этнографию» статьи откровенно-идеалистического характера, как, например, статья А. К. Супинского, рассматривающая начальную функцию одежды в виде «предметов культурного значения» и относящая возникновение одежды к «эпохе космического мировоззрения».

Критика и самокритика подменялись в журнале беззубыми статьями, написанными в духе буржуазного объективизма. Типичным примером такой «критики» является, например, статья Е. Г. Кагарова «Новый опыт построения „методики“ этнографии», в которой реакционнейшая теория культурных кругов критикуется с выявлением лишь якобы «недостатков».

Из этого не следует, что все статьи, публиковавшиеся в журнале, отражали влияние троцкистского руководства. Основная масса научных работников, сотрудников журнала, стремилась идти по правильному направлению и занималась конкретными этнографическими исследованиями.

Обновленная редакционная коллегия журнала должна сплотить вокруг него кадры советских этнографов и вместе с ними перестроить всю работу «Советской этнографии» в направлении окончательного изжития вреда, причиненного врагами народа.

Важнейшей задачей журнала должно быть этнографическое изучение народов СССР с выявлением огромных успехов, достигнутых народами СССР в области национально-культурного и экономического строительства. На большую высоту должно быть поставлено в журнале изучение народного творчества,

¹ «Советская этнография» за 1935 г., № 3, стр. 140.

² «Советская этнография» за 1934 г., № 1/2, стр. 85; за 1935 г., № 2, стр. 91 и за 1936 г., № 2, стр. 22.

выражающегося в различных формах искусства. Всю свою работу журнал должен строить в тесной увязке теории с практикой в связи с актуальными задачами социалистического строительства. В частности, пережитки должны изучаться с выявлением способов их скорейшего изжития в экономике и сознании людей.

Изучение народов и племен, живущих за пределами СССР и находящихся под гнетом капиталистической эксплуатации, журнал должен вести на основе марксистско-ленинского учения о национально-колониальной политике.

Существеннейшей задачей журнала является и разработка исторических проблем на этнографическом материале, в особенности изучение истории первобытного общества, которое должно осветить и вопросы этногенезиса, т. е. вопросы происхождения различных народов СССР.

По всему фронту своей работы журнал должен вести непримиримую, решительную борьбу с буржуазными теориями, со всеми формами извращения и фальсификации марксизма-ленинизма. Особо актуальным для журнала является разоблачение фашистской лженауки и ее каннибальской «расовой теории».

Редакционная коллегия уверена, что путем коренной реорганизации ее работы, создания крепкого авторского коллектива, состоящего из этнографов, работников по национальному строительству, а также привлекая авторов из состава сопредельных с этнографией научных дисциплин, «Советская этнография» выполнит возложенные на нее теоретические и политические задачи, и станет действительно ведущим печатным органом в своей научной области.

СТАТЬИ

Е. Г. Кагаров

Маркс и Энгельс о древнекельтском обществе

В то время, как взгляды Маркса и Энгельса на природу древнегерманского общества не раз подвергались изучению в трудах советских ученых, высказывания основоположников марксизма о кельтах, их экономическом и социальном строе, их праве остаются в советской литературе до сих пор совершенно неосвещенными. Между тем эти высказывания имеют глубокий научный и методологический интерес, а в наши дни огульного отрицания фашистской «наукой» наличия первобытного коммунизма, группового брака и матриархата в прошлом «арийских» народов приобретают особую актуальность и большое политическое значение.

Энгельс посвятил анализу структуры кельтского общества всю первую половину VII главы «Происхождения семьи, частной собственности и государства» (стр. 117—120 по русскому переводу, изд. ИМЭЛ. Л.—М., 1934). Он отмечает здесь в качестве основных черт древнекельтского общества родовой строй, общинную обработку земли целыми селами и общее пользование болотами и выгонами, яркие черты парного брака, отнюдь еще не вытесненного моногамией, пережитки материнского права и даже пуналуальной семьи и т. д. Особенно подробно останавливается Энгельс в своей характеристике древнекельтского общества на аграрном коммунизме и семейно-брачных отношениях по кельтскому обычному праву.

Эти два момента выступают на первый план и в переписке между Марксом и Энгельсом. В письме к своему другу и соратнику от 14 III 1868 г. К. Маркс выражает свое удивление, что Маурер (известный немецкий историк древнегерманской общины и политический деятель), часто приводящий для примера Африку, Мексику и т. д., ничего не знает о кельтах и потому и развитие общинной собственности во Франции приписывает целиком германским завоеваниям. «„Как будто бы“, сказал бы господин Бруно, „как будто бы“ у нас еще нет вполне коммунистического кельтского (Уэльс) сборника законов XI века и „как будто бы“ французы как раз за последние годы не раскопали кое-где первоначальные общины с кельтскими формами! Как будто бы! Но дело объясняется просто. Кроме германского и древнеримского строя, old Маурер изучал только восточный (греко-турецкий)».¹

Уже здесь подчеркивается роль первобытно-коммунистических отношений в быте древних кельтов, в частности — в уэльском обычном праве, причём

¹ Соч. Маркса и Энгельса, т. XXIV, стр. 29.

имеется в виду сборник законов, составленный при короле Гоуэле Добром (Howel Dda) и сохранившийся в рукописях XI—XIII вв.¹ 29 XI 1869 г. Энгельс, сообщая своему другу о своих занятиях источниками по кельтской истории, а именно, сочинениями сэра Джона Дэвиса, генерального атторнея Ирландии при короле Иакове,² отмечает, что еще в 1600 г. общинная собственность на землю в Ирландии существовала *in full force*, и что переделы происходили там каждые два-три года.³

29 IV 1870 г. Энгельс писал Марксу: «Древнеирландские законы, в которых я теперь роюсь, — крепкий орех. 1) Текст сам по себе не очень ясен, поскольку предполагает знакомство со *всем* древнеирландским правом, которого ныне больше не существует; 2) он очень искажен; 3) перевод плох, а местами совершенно неправилен; но все же законы эти ясно показывают, что аграрные отношения были не столь просты, как изображает их — не без пристрастия — бравый Дэвис. Но законы, поскольку можно судить по уже опубликованному материалу, дают картину сложных, а не простых отношений». Далее Энгельс сообщает, что он принужден местами заглядывать в кельтский текст изданных материалов по древнему праву Ирландии.⁴

Это письмо Энгельса замечательно в том отношении, что здесь он вскоре после выхода в свет первых двух томов известного издания «Ancient Laws of Ireland» (I—1865, II—1869) дает им чрезвычайно меткую и правдивую оценку, указывая на искажение кельтского текста и скверный, а местами и совершенно неправильный перевод; буржуазная наука много позже подметила эти недостатки издания. Так, проф. Н. Zimmer в 1894 г. писал: «Издание (Ancient Laws of Ireland, Dublin, I 1865, II 1869, III 1873, IV 1879) в отношении обработки текста более чем неудовлетворительно, а английский перевод во всех трудных случаях абсолютно ненадежен» (*absolut unzuverlässig*).⁵ С другой стороны, Энгельс даже на основании этого несовершенного материала мог установить сложность аграрных отношений в древней Ирландии.

Если в письме от 29 IV 1870 г. Энгельс говорит об аграрном строе у древних ирландцев, то письмо от 8 V 1870 г. он посвящает семейному праву у них. «Самое лучшее в древнеирландском законе — семейное право. Распутным, должно быть, было то время. Многоженство было во всяком случае *терпимо*, и притом конкубины делились на шесть-семь разрядов, в том числе «*imris*», «whom he (the man) has with the consent of her husband». В высшей степени наивны также правила о распоряжении имуществом. Если имущество у обоих одинаково, муж и (первая или главная) жена распоряжаются им сообща. Если мужу принадлежит все, а жене — ничего, распоряжается муж. Если у жены все, а у мужа ничего, то жена становится на место мужа, а муж на место жены».⁶

¹ Старое издание, которым пользовались Маркс и Энгельс — Ancient Laws and Institutions of Wales I—II, 1841. Новое издание — A. W. Wade-Evans, Welsh Medieval Law being a text of the Laws of Howel the Good, Oxford, 1909

² О Джоне Дэвисе (Sir John Davies) см. P. W. Joyce, A Social History of Ancient Ireland I, Lond., etc., 1903, стр. 120, 170, 171, примеч., 197.]

³ Соч. Маркса и Энгельса, т. XXIV, стр. 263 сл.

⁴ Там же, стр. 328.

⁵ Н. Zimmer. Das Mutterrecht der Pikten. Zeitschrift f. Rechtsgeschichte XV, Rom Abt. 1894, S. 237.

⁶ Соч. Маркса и Энгельса, т. XXIV, стр. 336.

В этих словах прекрасно схвачена сущность семейно-брачных отношений у кельтов и характер норм обычного права об имущественных отношениях супругов,—вопросы, которые впоследствии нашли себе более полное и подробное освещение в начале VII главы «Происхождения семьи». В частности, конкубины (незаконные побочные жены) делились по кельтскому обычному праву на следующие 6 или 7 разрядов: 1) половое сожителство, заключающееся в посещении женщины мужчиной (connexion of a frequenting man, i. e. the woman whom the man habitually visits to cohabit with her or a «carrthach»-woman); 2) женщина, принятая по приказу (a woman received by comand), т. е. получающая содержание от мужчины-любовника; 3) союз с похищенной женщиной (connexion of abduction); 4) насильственное половое общение (connexion of force); 5) связь странствующего воина (connexion of a wandering soldier); 6) половое общение издевки ради (connexion of mockery); 7) тайная связь с женщиной (connexion of secrecy, i. e. committed on a woman secretly). Имущественные отношения, связанные с отдельными формами брака, строго регулируются древнеирландским правом.¹ Энгельс, как мы видели, пишет: «В высшей степени наивны также правила о распоряжении имуществом. Если имущество у обоих одинаково, муж и (первая или главная) жена распоряжаются им сообща. Если мужу принадлежит все, а жене ничего, распоряжается муж. Если у жены все, а у мужа ничего, то жена становится на место мужа, а муж на место жены». В законнике, известном под именем *Senchus Mor*, говорится: «В случае союза одинакового имущества, с равными количествами земли, скота и домашней утвари, и если положение брачующихся одинаково независимо и законно, в этом случае жена называется женою равного ранга. Договоры, заключенные одной из сторон, не считаются законными без согласия другой стороны. . .² В брачном союзе, в коем женщина живет на счет мужа, договоры, заключенные мужем, действительны без согласия жены. . .³ При брачном союзе, в коем муж живет на средства жены, муж становится на место жены, а жена на место мужа».⁴

Тремя днями позже, 11 мая 1870 г. К. Маркс, отвечая на письмо своего друга, сообщал ему следующее: «Общность имущества сопровождалась известною уже в древности кельтской непрочностью брачного союза, а вместе с тем и правом голоса женщины в собрании племени».⁵ Маркс ссылается при этом на книгу В. Ваксмута «История европейских нравов», II. Лейпциг, 1833».⁶

Рассмотрим те три черты кельтского общества, которые выдвигает в приведенном отрывке Маркс.

1) Общность имущества. Несмотря на совершенно непроверяемые свидетельства наших источников об институте общинной собственности у кельтов, весьма многие буржуазные ученые, отвергая в своих классовых интересах

¹ Ancient Laws of Ireland II 1869, стр. 357 сл., 363 сл., 381 сл., 389 сл., 399 сл., 405 сл., III, стр. 187, 396 сл., 401 сл.

² Соч. Маркса и Энгельса, т. XXIV, стр. 357—359.

³ Там же, стр. 381.

⁴ Там же, стр. 391.

⁵ Там же, стр. 339 сл.

⁶ E. Wilh. G. Wachsmuth. Die europäische Sittengeschichte в пяти томах. Leipzig, 1831—1839.

существование первобытного коммунизма вообще, а у народов Европы в особенности, резко отрицают наличие коллективной собственности у кельтов, в то время как некоторые исследователи, более прогрессивные по своим убеждениям и более добросовестные по научным приемам, признают наличие общинной собственности у кельтских племен. Так, Е. О'Сиггу в своем труде, посвященном быту и нравам древних ирландцев, резко возражает против утверждения Henri Martin в его «Истории Франции»,¹ что первоначальной собственностью у кельтских народов была племенная собственность, и что следы этого древнего коммунизма заметны в брегонских законах. «Я убежден, — пишет О'Сиггу, — что право безусловной собственности отдельных лиц среди ирландских и так наз. кельтских обитателей Британии на часть земли остается более чем достоверным».² Каких-либо доказательств он, однако, в пользу своего мнения не приводит. С резкою критикой взглядов одного из крупнейших знатоков истории Ирландии Джойса, отмечающего коммунистический характер экономического и общественного строя древних ирландцев, выступил профессор Дублинского университета Е. Mac Neill, полагающий что Джойс со своей теорией общинной собственности впадает в гипнотический транс, и что древнеирландская клановая или родовая система являются «очень поздними выдумками».³

Между тем, наличие коллективной собственности в древнекельтском обществе не подлежит никакому сомнению. Брегонские законы различают племенную территорию (dibadh), семейные наделы и участки, находящиеся в индивидуальном пользовании.⁴ «Каждый член племени (tribesman) имеет право управлять своей землей, но он не может ни продавать ее, ни отчуждать, ни утаивать, ни предоставлять в качестве пени за преступления или по договорам».⁵ У кельтов существовали общинные дома, пастбища, леса и болота.⁶ Отрицание этих исторически засвидетельствованных фактов буржуазными ирландскими исследователями служит одним из ярких примеров той фальсификации истории своего народа, о которой говорил Г. Димитров в своей речи на VII Конгрессе Коминтерна.

2) Непрочность брачных союзов, отмечаемая Марксом, нашла себе яркое отражение не только в законодательных памятниках кельтов, говорящих о временных браках (на год), о различных категориях конкубин, о последовательных брачных союзах (до 21 раза), но и в ирландском эпосе, в котором «королева»

¹ Henri Martin. Histoire de France (1-е изд. Paris, 1833—1836, 3-е переработ. изд. 1838—1854) в нескольких томах.

² But I believe that the right of individuals among Irish and so-called Celtic inhabitants of Britain, to the absolute possession of part of the soil, rests upon as certain (Eug. O'Curry. Manners and Customs of the Ancient Irish. I, 1879, p. CXXXVIII).

³ The ancient Irish «clan system» or «tribal system» are very modern inventions (E. Mac Neill. Celtic Ireland. Dubl. — London, 1921, p. 144).

⁴ The tribe lands, being those held in common by the members of the tribe are manifestly described as the dibadh lands, in which the share of each occupier was for life only (из Введения издателя к IV тому «Ancient Laws of Ireland», стр. XXXIV). Ср. там же, стр. XXXV.

⁵ Every tribesman, — гласит текст законника Senchus Mór, — is able to keep his tribe-land: he is not to sell it, or alienate it, or conceal it, or give it to pay for crimes or contracts (Ancient Laws of Ireland. II, p. 283).

⁶ План такого родового (точнее — большесемейного) дома, рассчитанного на 16 семейств, приведен у G. Grupp'a, Kultur der alten Kelten und Germanen, München, 1905, S. 124. Об общинных угодиях см. Anc. Laws of Ireland IV, p. 101—103.

Медб рисуется «идеологом» парного брака и даже полиандрии.¹ Свидетельства античных писателей равным образом подтверждают существование у кельтов парной семьи и пережитков более ранних форм брачных отношений.² К вопросу о семейном праве и положении женщины мы вернемся ниже.

3) Право голоса в народных собраниях, принадлежавшее кельтским женщинам, засвидетельствовано нам, между прочим, Плутархом (*de muliere virtutibus* б) и законодательством, разрешающим женщинам участвовать в общественных собраниях, развлечениях, играх, ярмарках и т. д.³

В дальнейшей части своего письма К. Маркс упоминает о ряде своеобразных предписаний ирландского обычного права, касающихся семейной жизни. «Мужчина, желающий прогнать свою сожительницу ради другой, платит, как штраф, столько динариев, сколько нужно для того, „чтобы покрыть ягодицы жалобщицы“. . .» Мы находим соответствующее правило, напр., в одном из валлийских законников: «Если женщину, отдавшуюся мужчине, в чаще и кустах, покидает муж, желающий вступить в связь с другой женщиной, а первая придет с жалобой к родственникам или в судилище. . . то в виде компенсации пусть он заплатит ей денег в таком количестве, чтобы покрыть ее ягодицы».⁴

Опуская некоторые подробности, приводимые в письме «в качестве курьеза», остановимся еще на предписании, касающемся наказания жены за измену. «Если женщина спала с другим мужчиной, и муж побил ее, он теряет право на возмещение. . .»

На это законоположение обращает внимание и Энгельс: «Если женщина нарушила супружескую верность, муж мог избить ее (один из трех случаев, когда это ему дозволялось, в других случаях он подлежал за это взысканию), но уже затем не имел права требовать другого удовлетворения, ибо «за один и тот же проступок полагается либо искупление, либо месть, но не то и другое вместе».⁵ В *codex Venedotianus* мы находим соответствующее определение: «. . .saraad (выкуп, возмещение) женщины есть то, что дается ей за всякие побои нанесенные ей мужем, исключая трех случаев; эти три случая, когда она может быть побита, суть: если она отдаст какую-либо вещь, которую не имеет права отдавать; если она будет застигнута в скрытном месте с другим мужчиной, и если она пожелает, чтобы ее мужу наплевали в бороду. Если муж побил ее за то, что застал с другим мужчиной, он не может требовать какого-либо удовлетворения кроме этого, ибо за один и тот же проступок не может полагаться и месть, и удовлетворение».⁶

¹ Ирландские саги в перев. и под ред. А. А. Смирнова, Л., 1933.

² Caes. b. Gall. V, 14, 4; Dio Cass. LXII, 6, 3; LXXVI, 12, 2; Euseb. praep. evang. VI, 10; Strab. IV, 5, 4; Zimmer. Zeitschr. Sav. Stift. R. Abt. XV, 1894, S. 209—240; ergo-же Kulturhist. Hintergrund. . . der irischen Heldensage, Berlin, 1911.

³ D'Arbois de Jubainville. Études sur le droit celtique, I, p. 316.

⁴ If a woman abandon herself in bush and brake to a man, and be deserted by the man who shall form a connexion with another woman, and she come to complain to her kindrer, and to the courts. . . if he make compensation, let him pay her a penny as broad as her buttocks (Ancient Laws and Institutes of Wales. I, 1841, p. 755).

⁵ Энгельс. происхождение семьи . . ., Партиздат, 1934, стр. 118.

⁶ . . .her saraad is, for every beating given to her by her husband, except for three things; and those three for which she may be beaten, are: for giving any thing which she ought not to

Далее Маркс пишет: «Точно указано — различно в зависимости от социального положения — что могла отчуждать женщина. Жена крестьянина (*taenigh*) могла отчуждать только свое ожерелье и отдавать в займы только решето, причем при требовании обратно достаточно было только ее устного заявления. Жена благородного (*nihelms*) могла отчуждать свой плащ, рубашку, обувь и т. п., а отдавать в займы — всю утварь». Это предписание мы находим к кельтском тексте валлийского права и в латинской редакции его, напр. «Да будет ведомо, что жена дворянина может отдавать свою рубашку, плащ, башмаки, верхнее платье, муку, молоко, сыр и масло без разрешения своего супруга; а отдавать займы всю свою домашнюю утварь. Жена же крестьянина не может отчуждать без позволения (мужа) ничего, кроме головного убора и отдавать займы может только решето».¹

Маркс отмечает еще одно положение ирландского права: «достаточным основанием для развода являлось для жены импотентность, чесотка и зловонное дыхание мужа». Это положение в различных вариантах мы находим как в ирландском, так и в валлийском праве. Например в *cod. Venedot.* говорится: «Если муж болен проказой или имеет зловонное дыхание или неспособен к исполнению супружеских обязанностей, то в силу одного из этих трех условий жена оставляет своего мужа и может получить обратно все свое имущество».² В *Leges Wallicae* читаем: «По трем причинам жена может получить обратно свое приданое, даже если оставит мужа, а именно, если муж болен проказой, если он имеет зловонное дыхание и если не может с нею иметь сношение».³

Маркс заканчивает свое письмо от 11 V 1870 г. указанием на некоторые английские сочинения о Ирландии, а именно: «*Ogygia*» R. O'Flaherty, London 1865; Charles O'Connor, «*Scriptores rerum Hibernicarum*», Buckingham, 1814—1826; «*The Antiquities and History of Ireland*» by Jam. Ware, London, 1705; Ware, «*Two Books of the Writers of Ireland*», Dublin, 1709.

В письме Энгельса Марксу от 6 VII 1870 г.⁴ мы находим выдержки на английском и латинском языках из *Cod. Venedot.* о судебной процедуре в случаях жалобы жениха на нецеломудрие невесты.

Спустя двенадцать лет, в письме от 8 XII 1882⁵ Энгельс сообщал Марксу: «... Я нашел подтверждение своему предположению, что найденное в Европе

give; for being detected with another man in a covert; and for wishing drivel upon his beard; and, if for being found with another man he chastise her, he is not to have any satisfaction besides that; for there not to be both satisfaction and vengeance for the same crime (*Ancient Laws and Institutes of Wales. I, 1841, p. 93*).

¹ *Sciendum (est) quod uxor optimatis potest dare camisam suam, et clamidem, et subtales, et peplum, et farinam, et lac, et caseum, et butirum sine licentia mariti sui; et omnem subpellectilem domus suae (=suae. E. K.) accomodare; uxor vero villani nihil potest dare sine licentia villani nisi mitram, nec aliquid accomodare nisi cribrum etc. (Leges Wallicae II, 23, 10. Anc. Laws and Instit. of Wales II, p. 847). Ср. там же, I, стр. 95 (Cod. Venedot. II, I, 39).*

² *Should her husband be leprous, or have fetid breath, or be incapable of marital duties; if on account of one of these three things she leave her husband, she is to have the whole of her property (Anc. Laws and Instit. of Wales. I, p. 85).*

³ *Tribus de causis potest femina habere suum egweddy (suam dotem), licet ipsa virum relinquat: scilicet, si sit leprosus vir; et si habeat fetidum anhelatum; et si cum ea concumbere non possit (там же, II, стр. 795; ср. 847).*

⁴ Соч. Маркса и Энгельса, т. XXIV, стр. 351 сл.

⁵ Там же, стр. 598 сл.

первоначально у кельтов и славян *jus primae noctis* является пережитком старой общности полов». По поводу этого замечания Энгельса следует иметь в виду, что право первой ночи у кельтов засвидетельствовано валлийскими законами [*Puella dicitur desertum regis esse, et ob hoc regis est de ea amobyr (amobragium) habere*, т. е. девушка считается собственностью короля и поэтому право короля получать с нее выкуп за первую ночь],¹ ирландскими сагами (король Ульстера Конхобар должен был лишать невинности всех девушек своих владений)² и другими источниками. Что касается славян, то характер и структура права первой ночи у них как нельзя больше подтверждает правильность мнения Энгельса, что оно является пережитком былой общности полов. В самом деле, у славян право первой ночи имеет еще коллективный характер. Невеста принадлежала всем — говорит один из лучших знатоков доисторического прошлого славянских народов, Любор Нидерле,³ — прежде чем перешла в собственность одного лица, т. е. жениха.

У аугиляров, по словам Мелы, существовал обычай, согласно которому женщины в брачную ночь отдавались всем гостям, явившимся с подарком, и считалось почетом совокупиться в это время с наибольшим числом мужчин; в остальное же время они отличались стыдливостью [*feminis eorum solemne est nocte qua nubunt omnium stupro patere, qui cum munere advenerint, et tum cum plurimis concubuisse maxime decus; in reliquum pudicitia insignis est*. (Mela 1, 8)]. То же сообщает Геродот (IV, 172) о насамонах.

Впоследствии это право всей социальной группы осуществлял один лишь дружка; следы этого сохранились в старинных свадебных обрядах южных славян, русских и украинцев.⁴ Таким образом первоначально невеста в первую ночь принадлежала членам рода, resp. гостям, позднее, с возникновением власти племенного вождя, последнему; и этот порядок перешел затем в феодальное право, предоставлявшее невесту вассала на первую ночь феодальному владельцу.

В письме к Николаю — ему от 10 VI 1890 Энгельс снова возвращается к вопросу об аграрном коммунизме у ирландцев, отмечая, что в начале XVII в. английский юрист сэр Джон Дэвис нашел в Ирландии сельскую общину с общим владением землей, переделывавшейся периодически между членами клана, платившими известную подать главе своего клана.⁵

Яркую и меткую характеристику кельтского клана Маркс и Энгельс дали еще в 1853 г. в работе «Выборы. — Печальное финансовое положение. — Герцогиня Сутерленд и рабство». Мы читаем здесь следующее: «*Klann*» значит по-кельтски «дети». Все обычаи и традиции шотландских кельтов основаны на предположении, что все члены клана принадлежат к одному и тому же роду. «Великий муж» — вождь клана — с одной стороны, обладает столь же неограниченной

¹ Anc. Laws and Instit. of Wales. II, p. 829.

² Ed. Westermarck. Short History of Marriage. London, 1926, p. 14. В полном согласии со своими реакционными взглядами на историю брака, Westermarck отказывается видеть в праве первой ночи пережиток былого промискуитета.

³ L. Niederle. Život starých Slovanů. I, 1, Praha, 1911, стр. 87.

⁴ См. указанную в книге Niederle на стр. 87—88, примеч., литературу.

⁵ Летопись марксизма, XIII, 1930, стр. 102.

властью, а с другой — столь же связан кровным родством и т. п., как любой глава семьи. Та округа, границы которой род, клан, сам для себя установил, принадлежит клану, роду¹ подобно тому, как в России, где земля, на которой живет крестьянская община, принадлежит не отдельным крестьянам, а всей общине. Округа также является общою собственностью рода. Таким образом при этом строе столь же мало можно говорить о частной собственности в современном смысле слова, как и сравнивать общественное положение членов клана с гражданами современного общества. Деление и распределение земли соответствовали военным функциям отдельных членов клана. В соответствии со своими военными способностями получали они различные наделы от вождя, который увеличивал или урезывал земельные держания своих слуг всецело по своему усмотрению. Эти слуги в свою очередь разделяли отдельные участки земли между своими вассалами и подвассалами. Но вся округа оставалась собственностью клана¹ и как бы ни менялись притязания отдельных членов, держание земли оставалось всегда постоянным; точно так же никогда не увеличивалась военная повинность или дань лэрду, который был одновременно и военным вождем, и верховною властью во время мира. . . Во всяком случае земля являлась собственностью рода.²

Эта характеристика кельтского клана совпадает в своей сущности с тою, которая дана в I томе «Капитала».³ В «Анти-Дюринге» Энгельс также отмечает существование общинного земледелия у кельтов.⁴

Но особенно подробно останавливается Энгельс на структуре древнекельтского общества, в частности на многочисленных пережитках первобытного коммунизма, группового брака и матриархата, в первой части VII главы своего «Происхождения семьи». Мы уже видели, что Энгельс приводит ряд доказательств того, что у кельтов в XI столетии парный брак отнюдь не был вытеснен моногамией. Эти доказательства он черпает из памятников кельтского права.

«В Уэльсе, — пишет он, — лишь по истечении семи лет брак нельзя было расторгнуть или, вернее, предупредить о его расторжении. Если не хватало только трех ночей до семи лет, супруги могли разойтись. Тогда производился раздел имущества: жена делила его на две части, муж выбирал свою часть. Мебель делилась согласно определенным, весьма юмористическим правилам». (Стр. 117сл.) Энгельс имеет в виду предписание Cod. Venedot. «Если женщина выходит замуж, она может сохранять свое приданое до конца седьмого года; и если не хватает трех ночей до истечения седьмого года, и супруги расходятся, то каждый предмет, принадлежащий им, пусть делится на две части. Жена производит раздел, муж выбирает свою часть. . .» Далее в законе излагаются поистине юмористические правила раздела имущества, в частности — домашней утвари и запасов пищи: все сосуды для молока, за исключением одного дойника, получает жена, вся посуда, исключая одной тарелки, отходит к жене; жене предоставляется повозка и ярмо для того, чтобы вывезти утварь из дома. Муж получает все сосуды для питья. . . Мужу принадлежит верхний камень ручной мельницы, жене — ниж-

¹ Разрядка моя. Е. К.

² Соч. Маркса и Энгельса, т. IX, 1932, стр. 81 сл.

³ К. Маркс. Капитал, т. I, изд. 1930, стр. 584.

⁴ Соч. Маркса и Энгельса, т. XIV, 1931, стр. 178 сл.

ний. Из постельных принадлежностей муж получает все нижнее, жена — все верхнее, пока он снова не женится; но если он женится на другой, то должен послать все постельное белье той, с которой развелся; если же новая жена станет спать на прежней постели, то она должна уплатить своей предшественнице выкуп... Далее, муж получает хлеб и амбар, и все, что находится на земле и под землей, кур и всю домашнюю птицу и одну кошку, а если последних много, то все кошки поступают в собственность жены за исключением одной, как сказано выше. Жене принадлежит соленое мясо и сыр, лежащие на земле, и т. д.¹

Энгельс указывает далее на следующие положения семейного права у кельтов. Из детей муж получал при разводе двух, жена одного и притом — среднего.² Если жена после развода вступила в новый брак, а первый муж хотел снова взять ее к себе, она должна была следовать за ним, хотя бы ступила уже одной ногой на новое супружеское ложе.³ Но если они прожили вместе семь лет, они считались мужем и женой и в том случае, когда брак не был заранее оформлен. Если женщина нарушала супружескую верность, муж мог избить ее, но уже затем не имел права требовать другого удовлетворения, ибо «за один и тот же проступок полагается либо искупление, либо месть, но не то и другое вместе».⁴ Причины, в силу которых жена могла требовать развода, ничего не теряя из своих прав при разделе, были весьма широкого свойства: достаточно было дурного дыхания у мужа.⁵

Не ставя себе задачей каждое положение Энгельса иллюстрировать цитатами из первоисточников (что составляет предмет подготовляемого мною к печати обширного комментария к «Происхождению семьи, частной собственности и

1 If a woman be given in marriage, she is to abide by her «agweddi» unto the end of the seventh year; and if there be three nights wanting of the seventh current year, and they separate, let them share into two portions every thing belonging to them. The wife is to share, the husband is to choose... The household furniture is to be thus shared: all the melting vessels except one pail, go to the wife; all the dishes, except one dish, go to the wife... the wife is to have the car and the yok to convey her furniture from the house. The husband is to have all the drinking vessels... The husband is to have the upper stone of the quern, and the wife the lower. The clothes that are under them belong to the husband until he marries again; and after he marries, the clothes are to be given up to the wife: and if another wife sleep upon the clothes, let her pay a «wyneb-werth» to the other etc. (Anc. Laws of Wales. I, p. 82—83); сходно и в *Leges Wallicae: Si mulier habuit datorem vel datores, sub dote sint usque ad VII annos; et si tres habuerint se septimo anno noctes, omnis substantiae ejus medietatem mulier de judicis habebit... omnia vasa lactis praeter unum bayol (mulctrale) mulieris sunt; et omnes disci praeter unum vernum id est kydyshil, viri sunt; palustrum vero et jugum unum mulieris sunt; omnia dolia et omnia vasa potus viri sunt. De vestimento lecti vir habebit omnes vestis quae subtus sunt; mulier quae supra. Postquam aliam duxerit uxorem, vir debet mittere vestimenta lecti mulieris quam repudiavit etc.* (Anc. Laws of Wales. II, p. 792—793).

2 Of the children, two shares to the father, and one to the mother; the oldest and the youngest to the father, and the middlemost to the mother (Anc. Laws of Wales. I, p. 81, § 3).

3 Si quis uxorem suam dimiserit et postea penituerit, et illa alteri viro data fuerit, si vir prior potest (eam) attingere unum cum altero viro in lecto habentem et alterum pedem extra, prior de jure debet eam habere (там же, II, стр. 850; ср. стр. 793).

4 ... and if for being found with another man he (the husband) chastise her, he is not to have any satisfaction besides that; for there ought not to be both satisfaction and vengeance for the same crime (Anc. Laws of Wales. I, p. 93, § 39).

5 Tribus de causis habebit femina suum agnedi (suam dotem) licet ipsa virum suum relinquat; id est, si leprosus sit vir; et si fetidum hanelitum habuerit; et si cum ea coire non possit (Anc. Laws of Wales. II, p. 847). Ср. Энгельс, указ. соч. стр. 118.

государства» Энгельса), я намечу в дальнейшем лишь основные линии изложения Энгельса и попытаюсь осветить их значение для истории кельтского общества.

Энгельс отмечает наличие у кельтов черт парного брака, еще не вытесненного моногамией (о чем мы уже говорили), подчеркивает стойкость родового строя и аграрного коммунизма в Ирландии (о чем также речь шла у нас выше) и указывает на пережитки материнского права и семьи «пуналуа» у различных кельтских племен. Мы остановимся несколько подробнее на последнем моменте.

Энгельс замечает: «Но что в Шотландии раньше господствовало материнское право, доказывает тот факт, что, по словам Беды, в королевской фамилии пиктов наследование шло по женской линии» (стр. 120). Здесь Энгельс имеет в виду показание Беды Достопочтенного (*Beda Venerabilis*) о том, что пикты в затруднительных случаях избирали себе короля более по женской линии, чем по мужской (*ut ubi res pervenerit in dubium, magis de femina regum prosapia, quam de masculina regem sibi eligerent*).¹ Буржуазная наука вслед за Н. Zimmer'ом, отвергает принадлежность пиктов к кельтской группе племен и усматривает в них «доарийское» население Шотландии. Но Zimmer и его последователи исходят из презумпции исконности патриархального строя семьи у всех «индо-европейских» народов. Между тем, конкретные, исторически прочно засвидетельствованные факты явно говорят о том, что и германцы, и греки, и италики, и славяне, и кельты, и все другие народы Европы (подобно остальным народам) прошли в свое время через стадию матриархата. В частности, давно уже подмечено, что герои ирландских саг называются обычно по имени матери (Конхобар, сын Несс, Конал, сын Финдхойм, Муйрхертах, сын Эрк и т. д.).² На матриархат указывают и экономическая самостоятельность кельтской женщины (напр., право распоряжаться принадлежащим ей лично имуществом, право заключать договоры и т. д.), и свобода любовных отношений (см. выше), и то обстоятельство, что среди вещателей права в Ирландии встречались женщины.³ Кельтские женщины принимают участие в битвах, в общественных собраниях и развлечениях; «королева» (т. е. начальница племени) творит суд и расправу и т. д.⁴ Таким образом, наличие стадии матриархата в прошлом кельтских племен не подлежит никакому сомнению.

Отголоском пуналуальной семьи у кельтов нужно считать упоминаемые Цезарем групповые браки нескольких братьев с одной женщиной (*uxores habent deni duodenique inter se communes et maxime fratres cum fratribus... Caes., De Bello Gallico V, 14; ср. Энгельс. Происхождение семьи..., изд. 1934, стр. 27, 46, 118*). А воспоминанием еще более древней стадии — кровнородственной семьи — является, напр., брак трех братьев Бреса, Нара и Лотура с их сестрой Клотру в ирландском эпосе.⁵

¹ *Beda Venerabilis, Historia ecclesiastica gentis Anglorum I, 1.*

² А. А. Смирнов. Ирландские саги. Л., 1933, стр. 17, примеч. 336, 338, *passim*.

³ *Brigh Ambui was a female author of wisdom and prudence... (Ancient Laws of Ireland. I, p. 23).*

⁴ Об общественной и семейной жизни кельтских женщин см. D'Arbois de Jubainville, *Etudes sur le droit celtique*, I 1895, §§ 21 & 25; А. А. Смирнов, назв. соч., стр. 31 сл.; Georg Grupp, *Kultur d. alten Germanen u. Kelten*, München 1905, S. 116 ff.; Georges Dottin, *Manuel pour servir à l'étude de l'antiquité Celtique*, Paris, 1906, p. 136 sq., 284 sq.

⁵ Н. Zimmer. *Zeitschr. d. Savigny-Stiftung. XI, Rom. Abt., S. 228, 238 sqq.*

На этом мы закончим свой краткий обзор высказываний Маркса и Энгельса о природе кельтского общества. Громадное научное и политическое значение этих высказываний заключается в том, что в них дана на основании тщательного изучения конкретного материала по первоисточникам единственно правильная концепция структуры кельтского общества эпохи раннего средневековья, как общества, находившегося на стадии распада первобытно-коммунистических отношений и родового строя. К кельтскому обществу этого времени вполне применима та характеристика, которую Энгельс дает «героической эпохе» в истории Греции, отразившейся в «гомеровских поэмах»: «Мы видим в греческом общественном устройстве героической эпохи еще в полной силе древнюю родовую организацию, но вместе с тем и начало ее разрушения» (стр. 98). В наши дни, когда фашистские псевдоисследователи резко отрицают существование в древнегерманском и кельтском обществах родового быта, аграрного коммунизма, группового брака, матриархата (Eug. Fehrle, Ed. Hermann, Mac Neill, E. Wahle, H. Güntert и многие другие), высказывания основоположников марксизма о кельтах приобретают особую актуальность. Для исследования германской и кельтской древности мысли Маркса и Энгельса о прошлом этих народов имеют первостепенное методологическое значение.

Résumé

E. Kagarov

Marx et Engels sur la société celtique ancienne

Les fondateurs du marxisme soulignaient le rôle des survivances du communisme primitif dans la vie des anciens Celtes. Les savants européens modernes (E. Mac Neill et autres) qui nient l'existence du régime de clan et de la propriété communale du sol, du mariage par groupe, du matriarcat, etc. faussent l'histoire, en dépit des témoignages formels fournis par les sources. La théorie du «substratum pré-aryen», dont les représentants seraient les Pictes, ne résiste pas à la critique.

З. Е. Черняков

К вопросу о статистике национальностей в современных государствах

Достоверные данные об общей численности и национальном составе населения имеются лишь для тех стран, в которых были произведены правильные переписи, повторяющиеся через определенные промежутки времени. Данные о численности населения остальных стран основаны по большей части лишь на предположении. Вследствие этого имеющиеся попытки вычислить население земного шара носят пока ориентировочный характер.

Статистика национальностей является наименее разработанной частью теоретической статистики. Правда, в программах переписей населения, принятых на международных статистических конгрессах, в числе обязательных признаков обозначен также признак национальности. Однако в различных странах этому признаку придают неодинаковое толкование, о чем подробно будет сказано ниже.

Попутно отмечу даты переписей населения отдельных стран, ознакомление с которыми весьма полезно для изучения статистики национальностей.

Первая народная перепись была произведена в Пруссии в 1686 г. В Новом Свете переписи начались еще раньше (Новая Франция и Новая Шотландия). Периодически повторяющиеся переписи начались примерно полтора столетия тому назад. В отдельных странах они проводятся различно, напр. в Великобритании и Соединенных Штатах Америки один раз в десять лет, во Франции один раз в пять лет и т. д.

Ниже приводятся даты переписей некоторых государств мира.¹

1. Австралия (брит. доминион): 1901; 1911 (3 IV); 1921 (4 IV); 1933 (30 VI).
2. Австрия: 1920 (31 I); 1923 (7 III); 1934 (22 III). До распада австро-венгерской монархии: 1857; 1869; 1880; 1890; 1900; 1910.
3. Албания: 1930 (25 V).
4. Аргентина: 1869; 1895; 1914.
5. Афганистан: переписей не было.
6. Бельгия: 1836; 1846; 1856; 1866; 1876; 1880; 1900; 1910; 1920; 1930 (критический день 31 XII).

¹ По данным *Statesman's year book* (за все годы) и подлинникам переписей, просмотренных автором. Более подробные списки у F. Hiess, *Methodik der Volkszählungen*, Jena, 1931, S. 17 ff. и в статистическом сборнике: *Aperçu de la démographie des divers pays du monde* publié par l'office permanent de l'Institut international de statistique 1931. La Haye, 1932, p. 2—7. Все указанные списки, составленные по разным источникам, до известной степени расходятся между собой и отчасти дополняют друг друга.

7. Болгария: 1905; 1910; 1920; 1926; 1934 (критический день 31 XII).
8. Боливия: 1900.
9. Бразилия: 1872 (неполная); 1890; 1900; 1920 (1 IX).
10. Великобритания: 1801; 1811; 1821; 1831; 1841; 1851; 1861; 1871; 1881; 1891; 1901; 1911; 1921; 1931 (критический день первое апрельское воскресенье).
11. Венгрия: 1920; 1930 (критический день 31 XII); см. Австрия.
12. Венесуэла: 1873; 1881; 1891; 1920 (31 XII); 1926 (31 I—3 II).
13. Гаити: Переписей не было.
14. Гватемала: 1920 (28 VIII).
15. Германия: 1861; 1871; 1875; 1880; 1885; 1890; 1895; 1900; 1905; 1910 (критический день 1 XII); 1919 (8 X); 1933 (16 VI).
16. Голландия: 1829; 1839; 1849; 1859; 1869; 1879; 1889; 1899; 1909; 1920; 1930 (критический день 31 XII).
17. Гондурас: 1903 (29 VI).
18. Греция: 1856; 1861; 1879; 1889; 1896; 1907; 1920; 1928 (16 V).
19. Дания: 1840; 1850; 1860; 1870; 1880; 1890; 1901; 1911; 1921 (критический день 1 II); 1930 (5 XI).
20. Данциг: 1929 (18 VIII).
21. Доминиканская республика: 1920 (24 XII).
22. Египет: 1846; 1882; 1897; 1907; 1917; 1927 (18—19 II).
23. Индия (Британская): 1871; 1881; 1891; 1901; 1911; 1921; 1931 (критический день начало полнолуния II).
24. Индия (Голландская): 1905; 1920; 1930.
25. Индокитай(Французский): 1924; 1931 (1 VII).
26. Ирак: 1920.
27. Иран: переписей не было.
28. Ирландское свободное государство: 1926 (18—19 IV).
29. Исландия: 1911; 1920; 1930 (2 XII).
30. Испания: 1857; 1860; 1877; 1887; 1897; 1900; 1910; 1920; 1930 (критический день 31 XII).
31. Италия: 1871 (31 XII); 1882 (1 I); 1901 (10 II); 1911 (10 VI); 1921 (1 XII); 1931.
32. Канада (брит. доминион): 1852; 1861; 1871; 1881; 1891; 1901; 1911; 1921; 1931.
33. Китай: переписей не было.
34. Колумбия: 1870 (включая Панаму); 1912; 1918 (14 X); 1928 (16 XI).
35. Корея: 1911 (3 XII); 1920; 1925 (1 I); 1930 (1 X).
36. Костарика: 1883; 1892; 1927 (11 V).
37. Куба: 1899; 1914; 1931.
38. Латвия: 1920 (15 VI); 1925; 1930; 1935 (12 II).
39. Либерия: переписей не было.
40. Литва: 1923 (17 IX).
41. Маньчжурия: переписей не было.
42. Мексика: 1879; 1895; 1900; 1910; 1921; 1930 (15 V).
43. Монголия: переписей не было.
44. Никарагуа: 1920 (1 I).
45. Новая Зеландия(брит. доминион): 1881; 1886; 1891; 1896; 1901; 1906; 1911; 1916; 1921; (17 IV); 1926 (20 IV).
46. Норвегия: 1815; 1825; 1835; 1845; 1855; 1865 (31 XII); 1875 (31 XII); 1891 (1 I); 1900 (3 XII); 1910 (1 XII); 1920 (1 XII); 1930 (1 XII).
47. Палестина; 1922 (23 X); 1931 (18 XI).
48. Панама: 1912; 1921; 1930. См. Колумбия.
49. Парагвай: переписей не было.
50. Перу: 1876.
51. Польша: 1921 (30 IX); 1931 (9 XII). До образования независимой Польши: 1861; 1897.
52. Португалия: 1838; 1858; 1868; 1878; 1890; 1900; 1911; 1920; 1930 (критический день 1 XII).

53. Румыния: 1899; 1912 (19 XII); 1930 (29 XII).
54. Сальвадор: 1886 (1 I); 1901 (1 III); 1930 (1 V).
55. США: 1790; 1800; 1810; 1820; 1830; 1840; 1850; 1860; 1870; 1880; 1890; 1900; 1910; 1920 (критический день 1 VI); 1930 (1 IV).
56. Сиам: 1909; 1919; 1929 (15 VII).
57. СССР: 1920 (неполная); 1926 (17 XII); 1937 (6 I). До революции: 1897 (28 I ст.ст.).
58. Тибет: переписей не было.
59. Турция: 1927 (28 X); 1935.
60. Уругвай: 1860; 1908; 1911.
61. Финляндия: 1920; 1930 (критический день 31 XII). До образования независимой Финляндии: 1858; 1897; 1910.
62. Франция: 1801; 1806; 1821; 1826; 1831; 1836; 1841; 1846; 1851; 1856; 1861; 1866; 1872; 1876 (31 XII); 1881 (18 XII); 1886 (30 V); 1891 (12 IV); 1896 (29 III); 1901; 1906; 1911; 1921; 1926; 1931; 1936.
63. Чехо-Словакия: 1921 (15 II); 1930 (1 XII). См. Австрия.
64. Чили: 1857; 1862; 1875; 1885; 1895; 1907; 1920 (1 I); 1930 (27 XI).
65. Швейцария: 1860; 1870; 1880; 1888; 1900; 1910; 1920; 1930 (критический день 1 XII).
66. Швеция: 1775; 1855; 1865; 1880; 1890; 1900; 1910; 1920; 1930 (критический день 1 XII).
67. Эквадор: 1885 (неполная).
68. Эстония: 1922; 1934 (1 III).
69. Югославия: 1921 (31 I); 1931 (31 III). В довоенной Сербии: 1861; 1874 (31 XII); 1895 (31 XII).
70. Южно-Африканский союз (брит. доминион): 1911; 1921; 1931.
71. Япония: 1898 (неполная); 1903; 1908; 1913; 1920; 1925 (10 X); 1930 (1 X).

На прилагаемой картограмме (рис. 1) отдельные страны сгруппированы по времени введения в них переписи населения. В конце XVIII и начале XIX вв. переписи были введены в передовых странах Запада — Англии, Голландии, Франции, Португалии, США, Швеции, Норвегии. В течение XIX в. переписями были охвачены почти все европейские страны и их колонии и также полностью территория США. В XX в. переписи были введены в Южно-Африканском и Австралийском союзах, Голландской Индии, Бельгийском Конго и других странах. Турция и Албания провели первые переписи несколько лет тому назад. В Китае, Монголии, Иране, Афганистане и ряде других стран переписей пока не было.

Следует подчеркнуть, что во многих странах переписи проводятся неперiodически и подолгу не повторяются. Периодичность переписей в разных странах показана на рис. 2. Мы видим, что периодически повторяются переписи в странах Европы и Сев. Америки, а также Австралии и Новой Зеландии. В царской России единственная всеобщая перепись была проведена в 1897 г. Вторая перепись населения была произведена после Октябрьской революции по инициативе В. И. Ленина в 1920 г., но могла охватить небольшую часть территории СССР. Вторая всеобщая перепись населения была произведена в 1926 г. (1-я всеобщая перепись населения СССР). Третья перепись (2-я всеобщая перепись населения СССР) состоялась 6 января 1937 г., т. е. ровно через 10 лет после 1-й всеобщей переписи населения СССР.

На других континентах переписи проводятся крайне нерегулярно или же не производятся вовсе. В Азии на карте выделяются колоссальных размеров белые пятна (Китай, Иран, Аравия и смежные с ними страны). Периодически проводятся переписи в Британской и Голландской Индии и Японии. В Африке

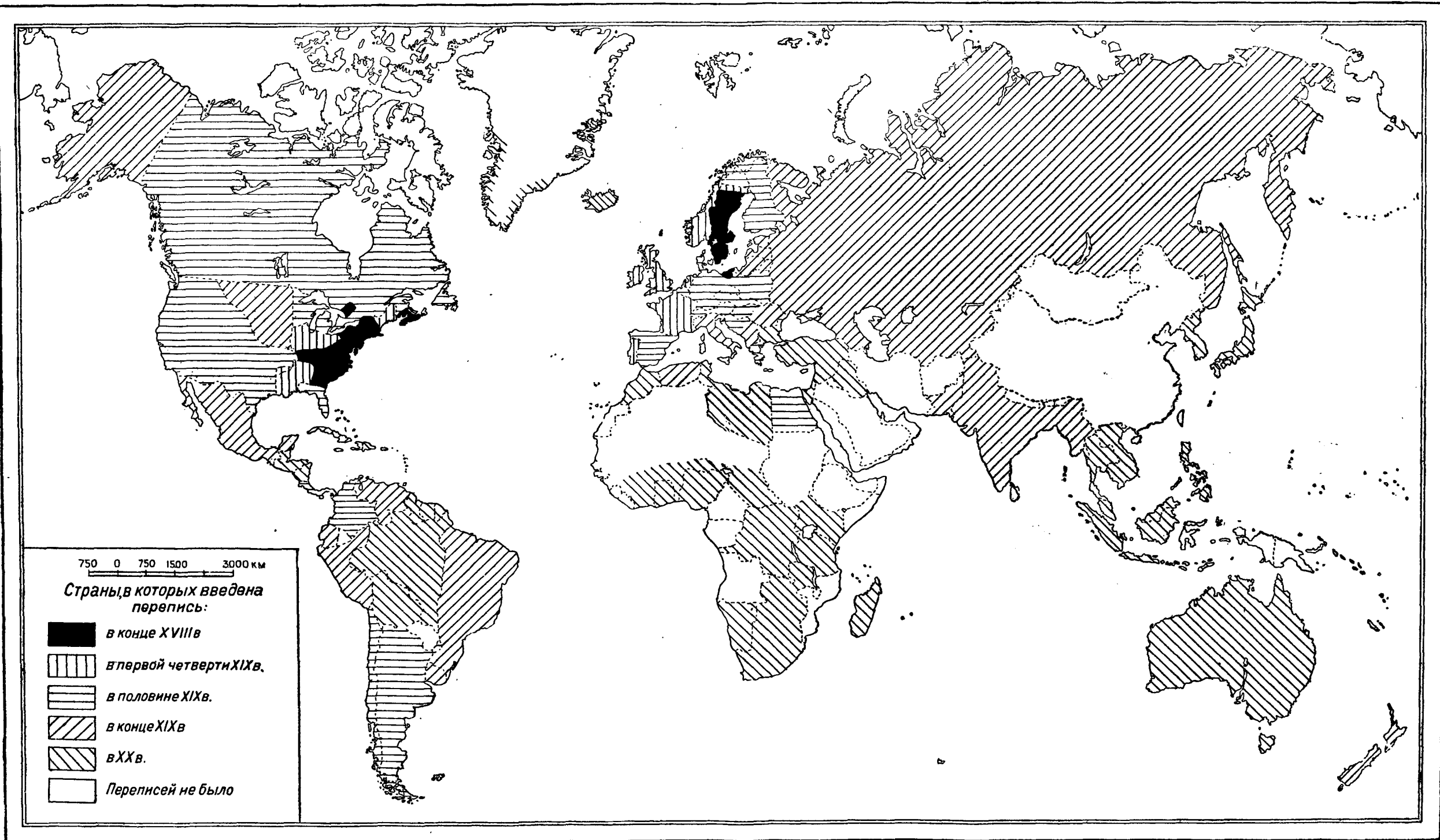

Рис. 1. Начало введения переписи населения в современных государствах.

Источник: собственные материалы автора.

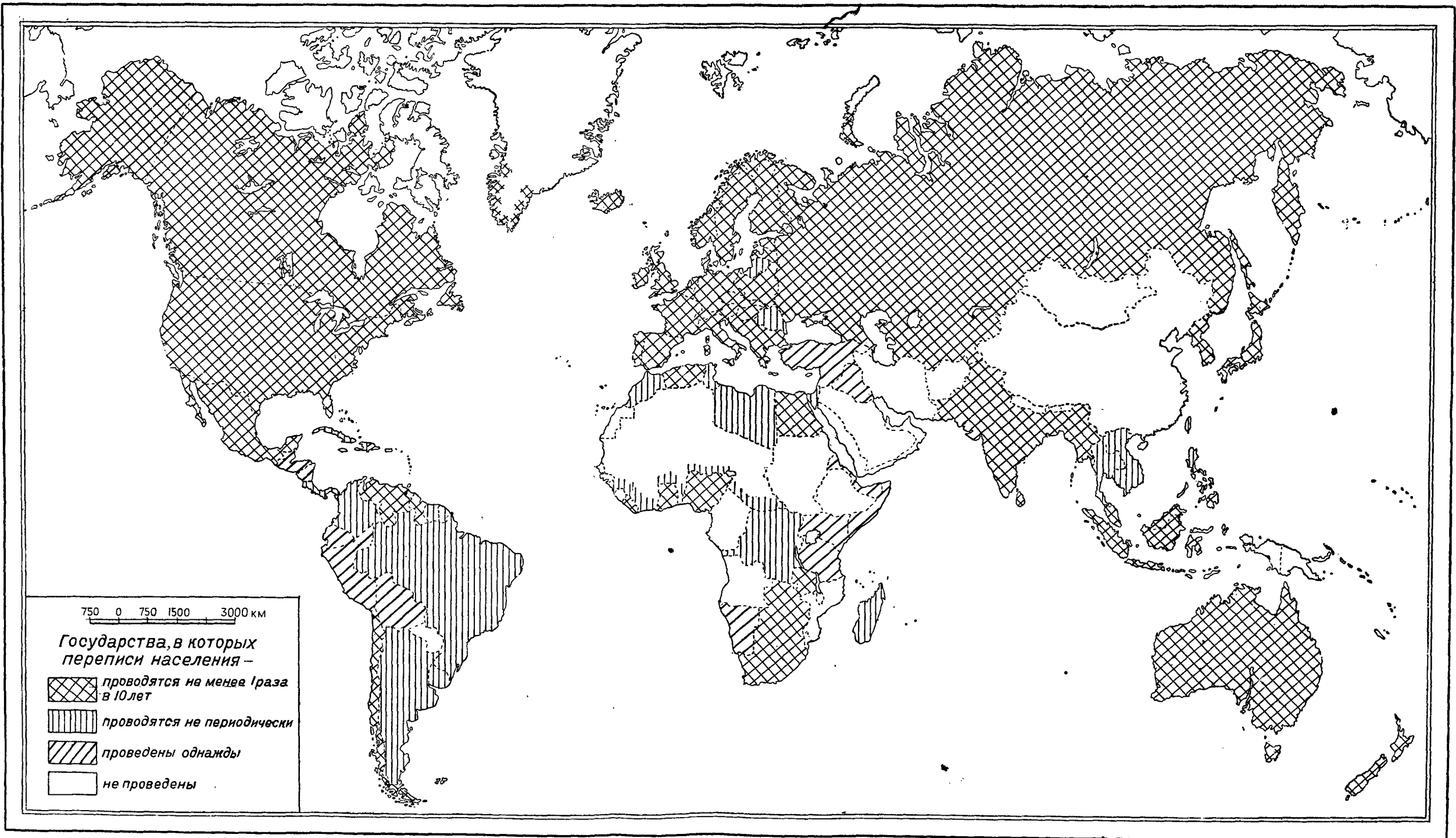

Рис. 2. Периодичность переписей в современных государствах.

Источник: собственные материалы автора.

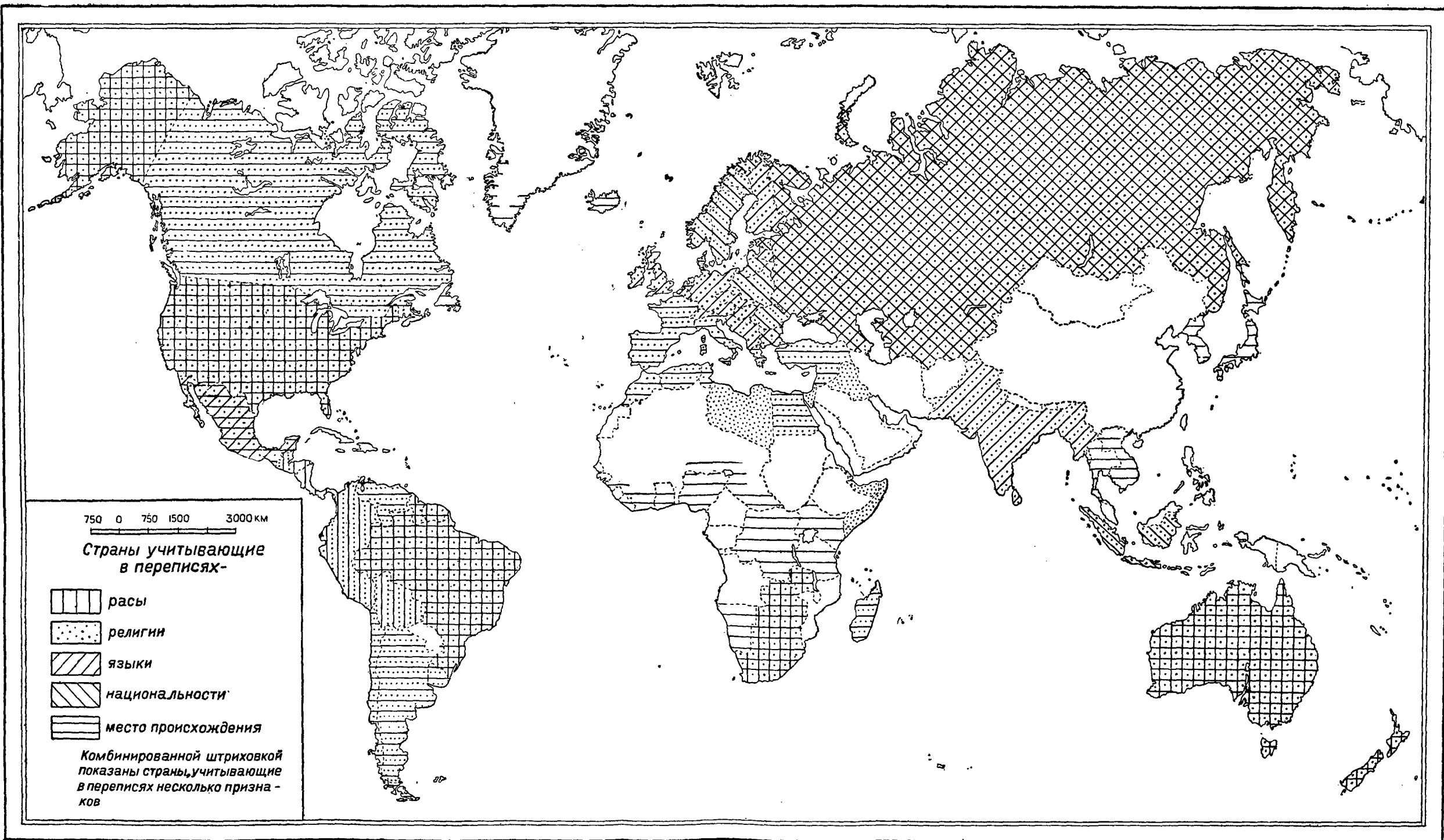

Рис. 3. Характер статистики национального состава населения в современных государствах.

Источник: собственные материалы автора.

регулярно повторяются переписи в Египте и Южно-Африканском союзе. Сейчас переписи начинают проводиться и в других странах этого материка. В государствах Центр. и Южн. Америки — Гватемале, Никарагуа, Эквадоре, Боливии, Перу — переписи были произведены всего лишь один раз (в Перу, напр., в 1876 г.). Регулярно повторяются переписи в Венесуэле и Чили. В Бразилии и Аргентине переписи проводятся в общем не периодически. (Последняя перепись в Аргентине была произведена в 1914 г. и в Бразилии в 1920 г.)

В различных странах земли национальный состав населения учитывается неодинаково. В одних случаях принимается за основу расовый признак и в переписях дается статистика рас. В других случаях берется за основу религиозная принадлежность и в переписях указывается статистика религий. Принимается также языковой признак и национальная принадлежность. В некоторых странах население учитывается по месту происхождения. В большинстве государств население учитывается одновременно по нескольким вышеуказанным признакам.

Характер статистики национального состава населения в различных странах показан на картограмме (рис. 3). Бросается в глаза исключительное разнообразие признаков, принятых в статистике отдельных государств. Прежде всего необходимо отметить различие между странами Европы и Америки. Почти во всех европейских государствах в переписях учитываются языки и в отдельных случаях национальности. В Новом Свете учитываются преимущественно расы и место происхождения. С другой стороны, в западноевропейских странах признаки варьируют от страны к стране. В одних случаях преобладающим признаком является язык, в других случаях место происхождения. Признак национальности принят в немногих странах. В СССР он является обязательным показателем наряду с языком. Оба эти признака приняты в переписях Болгарии, Латвии, Эстонии. В Румынии и Польше признак национальности, принятый в переписях, обычно подменяется признаком языка.

Таким образом можно наметить следующие группы стран по характеру статистики национального состава населения:

А. СТАТИСТИКА НАЦИОНАЛЬНОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ БУРЖУАЗНЫХ СТРАН

1. С преобладанием признака расы и места происхождения.

К этой группе принадлежат: США, Бразилия, Аргентина, Чили, Перу, Колумбия, Венесуэла, Южно-Африканский союз, Австралия, Новая Зеландия.

2. С преобладанием признака языка.

К этой группе относятся: Англия, Шотландия, Ирландия, Германия, Франция, Швейцария, Бельгия, Финляндия, Британская Индия, Мексика.

3. С преобладанием признака национальности или места происхождения.

К этой группе принадлежат: Голландия, Норвегия, Швеция, Латвия, Эстония, Болгария, Греция, Египет, Голландская Индия, Канада.

Б. СТАТИСТИКА НАЦИОНАЛЬНОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ СССР

Равноправие признаков национальности и языка.

В дальнейшем изложении будет дан анализ переписей национального состава некоторых стран.

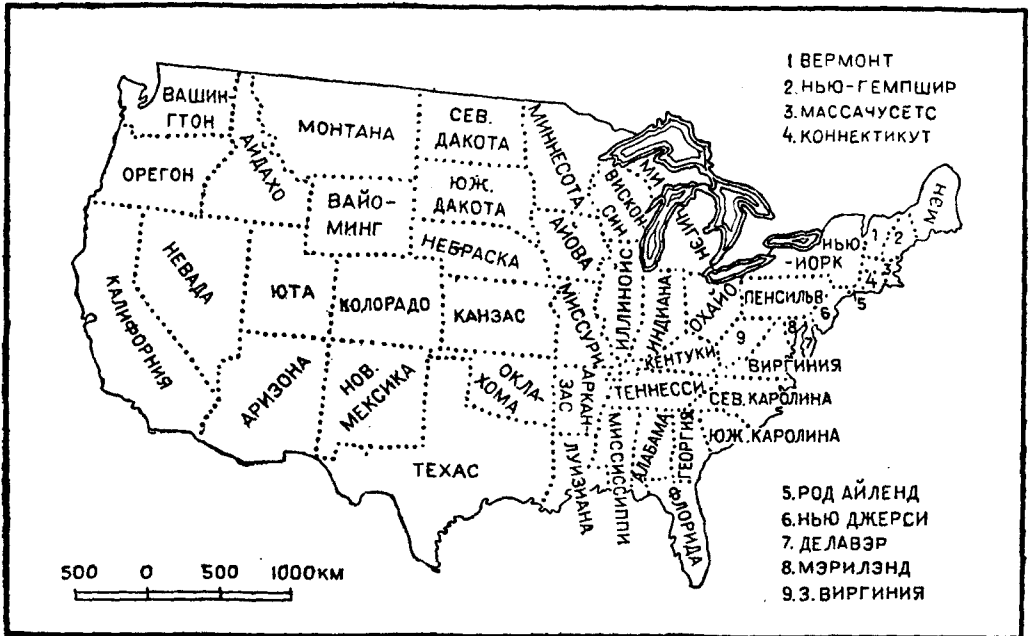

Рис. 4. Административное деление США.

Источник: Ch. Paullin. Atlas of the historical geography of the United States. № I, 1932. pl. 61—66.

Соединенные Штаты Америки (США)

США (рис. 4) — одни из первых начали проводить периодически повторяющиеся переписи населения (цензы). Благодаря этому мы имеем возможность проследить за изменением национального состава населения страны и его размещением по отдельным штатам в различные отрезки времени. В своем анализе я буду опираться на цenz 1920 г.¹

По цenzу 1920 г. население страны составляло 105 710 620 чел. которое по цвету кожи или расе распределялось следующим образом:

Белые	94 820 915 чел.
Негры	10 463 131 «
Индийцы	244 437 »
Китайцы	61 639 »
Японцы	111 010 »

Из национальных меньшинств негры значительно увеличились с середины прошлого века. По цenzу 1850 г. негров насчитывалось 3638 тыс. чел., в 1870 г. — 4880 тыс. чел., в 1890 г. — 7470 тыс. чел., в 1910 г. — 9827 тыс. чел., в 1920 г. — 10 463 тыс. чел. Распространение негров по отдельным штатам показано в следующей таблице.

¹ Fourteenth Census of the United States taken in the year 1920. Vol. III, Population, 1920. Composition and characteristics of the population by States, prepared under the supervision of William C. Hunt, chief statist. for population. Washington, 1922.

Штаты	Населен. в 1920 г.	В том числе негров	Негров в тыс. чел. по цензу 1910 г.
Алабама	2 348 174	900 652	908
Арканзас	1 752 204	472 220	443
Виргиния	2 309 187	690 017	671
Зап. Виргиния	1 463 701	86 345	64
Георгия	2 895 832	1 206 365	1 177
Делавер	223 003	30 335	31
Иллинойс	6 485 280	182 274	85
Индиана	2 930 390	80 810	60
Калифорния	3 426 861	38 763	22
Канзас	1 769 257	57 925	54
Сев. Каролина	2 559 123	763 407	698
Южн. Каролина	1 683 724	864 719	836
Кентуки	2 416 630	235 938	261
Округ Колумбия	437 571	109 966	94
Луизиана	1 798 509	700 257	714
Массачусетс	3 852 356	45 466	
Миссиссиппи	1 790 618	935 184	1 009
Миссури	3 404 055	178 241	157
Мичигэн	3 668 412	60 082	17
Мэрилэнд	1 449 661	244 479	232
Нью Джерси	3 155 900	117 132	
Нью Йорк	10 385 227	198 483	134
Огайо	5 759 394	186 187	111
Оклахома	2 028 283	149 408	
Пенсильвания	8 720 017	284 568	194
Теннесси	2 337 885	451 758	473
Техас	4 663 228	741 694	690
Флорида	968 470	329 487	309

Как видим, основная масса негров сосредоточена в южных штатах: Георгии, Миссиссиппи, Алабаме, Луизиане, Арканзасе, Техасе, Теннесси, Сев. и Южн. Каролине, Виргинии, Флориде, образующих так наз. «черный пояс» (Black Belt). Рис. 5 показывает количественное соотношение негров в «черном поясе». Графства, в которых негры составляют свыше 50% населения, закрашены сплошным черным цветом. Графства, в которых черное население составляет от 35 до 50% и от 25 до 35%, показаны штриховкой различной степени густоты. Картина получается довольно яркая.¹ Представляет интерес сравнить подобного рода карты по данным разных цензов. Вышеприведенные цифры двух цензов, 1920 и 1910 гг., отмечают любопытную тенденцию продвижения негритянского населения в северные штаты. В различных южных штатах численность негров за 10 лет

¹ Можно было бы предложить более совершенный способ изображения, использовав для этой цели метод Лангханса. Подробно см. в моей статье «О методах составления этнографических карт», журн. «Этнография», 1930, № 3.

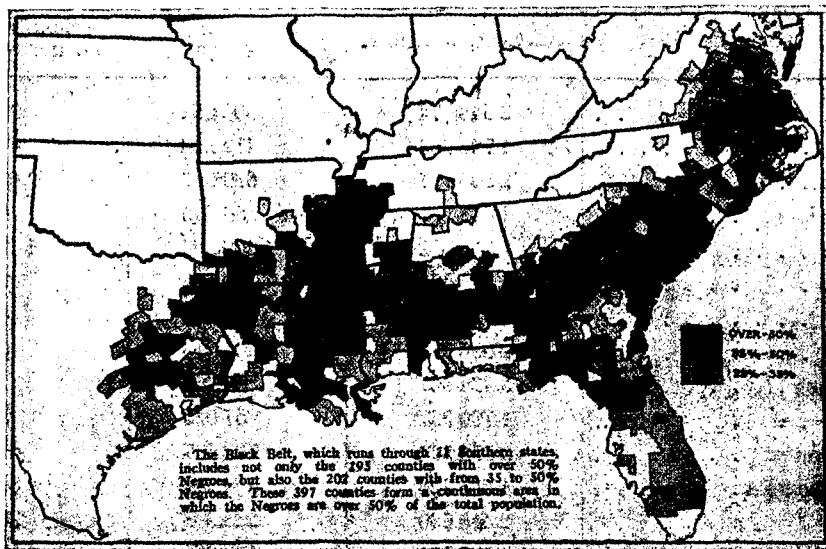

Рис. 5. «Черный пояс» США.

Источник: I. S. Allee — *The American Negro Problem*. N—Y, 1934.

уменьшилась: в штате Миссиссиппи на 64,8 тыс. чел., в Теннесси на 21 тыс. чел., в Кентуки на 26 тыс. чел. В этот же период негритянское население увеличилось в штате Иллинойс на 97 тыс. чел., в Огайо на 75 тыс. чел., в Пенсильвании на 90 тыс. чел. Этому вопросу посвящены работы американских и немецких ученых Скотта,¹ Гарриса,² Тамса³ и др.

Индейское население США до сих пор составляет важную группу национальных меньшинств страны. Из общего числа индейцев, указанных в цензе (244 437 чел.), живут в штате Оклахома 57 337 чел., Аризоне 32 989 чел., Калифорнии 17 360 чел., Новой Мексике 19 512 чел., Сев. и Южн. Дакоте 22 638 чел., Монтане 10 956 чел., Висконсине 9 611 чел. Следует различать индейцев, живущих в открытых и закрытых резервациях. Они подвержены в них большему или меньшему ассимилирующему влиянию белого населения. По официальным данным Департамента по индейским делам общая численность индейцев США (без Аляски) составляла в 1909 г. 300 545 чел.⁴ Численность индейцев в штате Оклахома 87 800 чел. (так наз. «пять племен»: чироки 37 000, чикасавы 6400, чоктавы 21 000, крики 12 000, семинолы 2100 и др.), Аризона 31 100 чел. (племя навахо 19 200), Новая Мексика 18 200 чел. (племя зуны 9200, навахо 8200), Сев. и Южн. Дакота 24 500 (племя сиу и др.). Сравнение цифр 1909 и 1920 г. указывает на постепенное уменьшение индейского населения США.

¹ E. J. Scott. *Negro migration during the War*. Washington, 1920.

² A. L. Harris. *Negro migration to the North*. N. Y., 1924.

³ F. Tamms. *Schwartzes und Mulatten in den Vereinigten Staaten*. P. M. 1932, Н. 5-6. Автор ссылается на статью von Luschan'a, *Die Neger in den Vereinigten Staaten* в «*Koloniale Rundschau*», 1915, и указывает, что после смерти Лушана (1924) вдовой последнего отправлены проф. Боазу незаконченные обработкой материалы по данному вопросу.

⁴ Report of the Commissioner of Indian Affairs for the year 1909. Washington, 1909, p. 143.

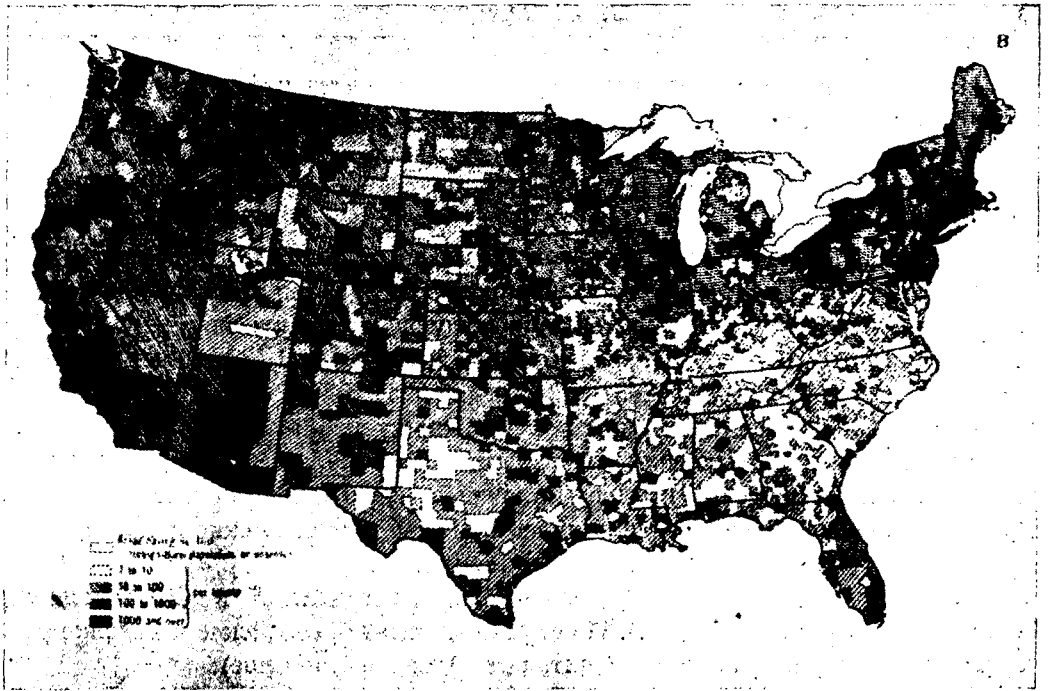

Рис. 6. Распространение ирландцев в США.

(По Ч. Пауллину.)

Источник: Ch. Paullin, Atlas of the histor. geography of the U. S., 1932, Pl. 75 (B).

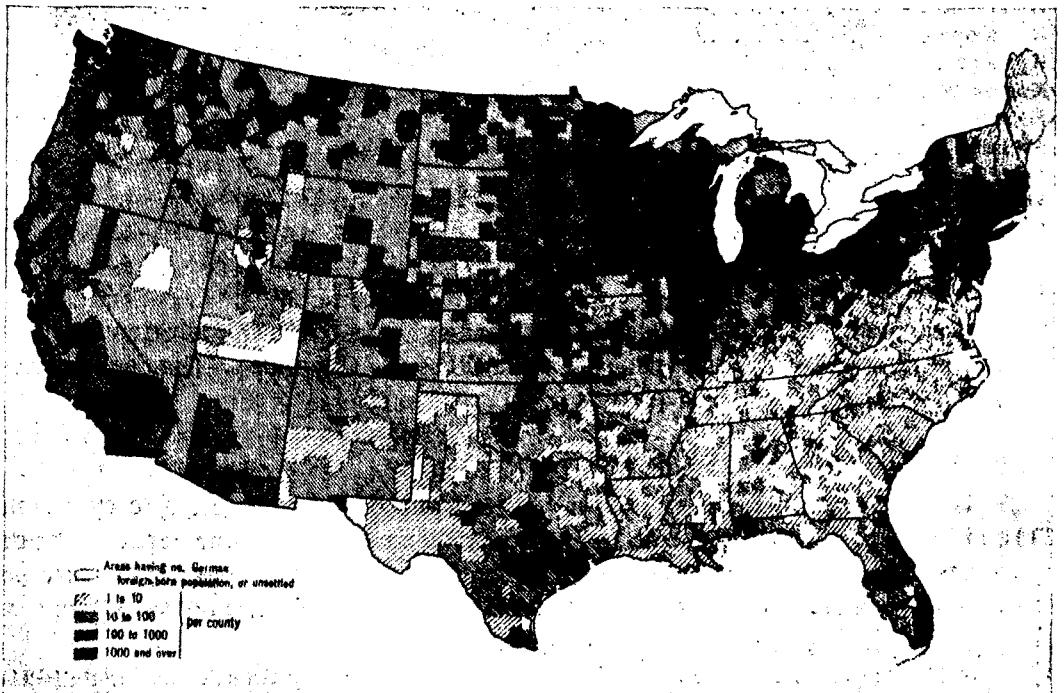

Рис. 7. Распространение немцев в США.

(По Ч. Пауллину.)

Источник: Ch. Paullin, Atlas of the histor. geography of the U. S., 1932, pl. 73 (C).

Из пришлого населения в цензе выделены представители желтой расы — китайцы и японцы. Они живут преимущественно в штате Калифорния, где насчитывается 71 952 японцев и 28 812 китайцев. Число их постоянно возрастает. По данным Японского ежегодника на 1929 г. численность японцев в США свыше 140 тыс. чел.¹

Численность «белых» иммигрантов дается по странам выхода. Ценз 1920 г. указывает 13 712 754 чел. «белых», родившихся за пределами США. Наиболее значительные контингенты иммигрантов дали следующие страны: Германия 1 686 102 чел., Италия 1 610 109 чел., Россия 1 400 849 чел., Польша 1 139 978 чел., Канада 1 117 878 чел., Ирландия 1 037 233 чел., Швеция 625 580 чел. и др.

О национальном составе иммигрантов можно судить на основании сравнения данных о месте происхождения и религии. Таким образом можно установить численность и размещение немцев, ирландцев, евреев, поляков, итальянцев и других национальностей. В виде примера приведу статистические и картографические материалы о евреях, ирландцах и немцах.

По сведениям Американско-еврейского ежегодника,² в США числится 4 228 029 евреев (данные 1927 г.). По отдельным штатам еврейское население распределялось следующим образом (считая от 70 тыс. чел. и выше):

	Еврейск. населен.	% населен.	% к общему числу еврейск. населен. в США
Иллинойс	345 980	4.7	8.2
Калифорния	123 284	2.8	2.9
Коннектикут	91 538	5.6	2.2
Массачусетс	225 634	5.3	5.3
Миссури	80 687	2.3	1.9
Мичигэн	89 462	2.0	2.1
Мэрилэнд	70 871	4.4	1.7
Нью Джерси	225 306	6.0	5.3
Нью Йорк	1 903 890	16.7	45.0
Огайо	173 976	2.6	4.1
Пенсильвания	404 979	4.2	9.6

Размещение ирландцев и немцев показано на рис. 6 и 7. Обе карты заимствованы из историко-географического атласа США Ч. Пауллина.³ Они опираются на данные последнего ценза (1930 г.).

Соединенные Штаты Бразилии

По последней переписи (1920 г.)⁴ население Бразилии (рис. 8) составляло 30 635 605 чел. Нужно заметить, что учет национальностей отличается крайним упрощением. Бразильская перепись знает две группы населения: 1) бразильцы и 2) иностранцы. В первую группу она зачисляет безразлично коренных

¹ The Japan Year-book for 1929, стр. 40.

² The American Jewish Year book for 1933. Edited by Harry Schneidermann. Philadelphia, 1932, p. 245.

³ Charles O. Paullin. Atlas of the historical geography of the United States. Edited by John Wright, Washington — N. Y., 1932.

⁴ Recenseamento do Brazil 1920. Rio de Janeiro, 1929.

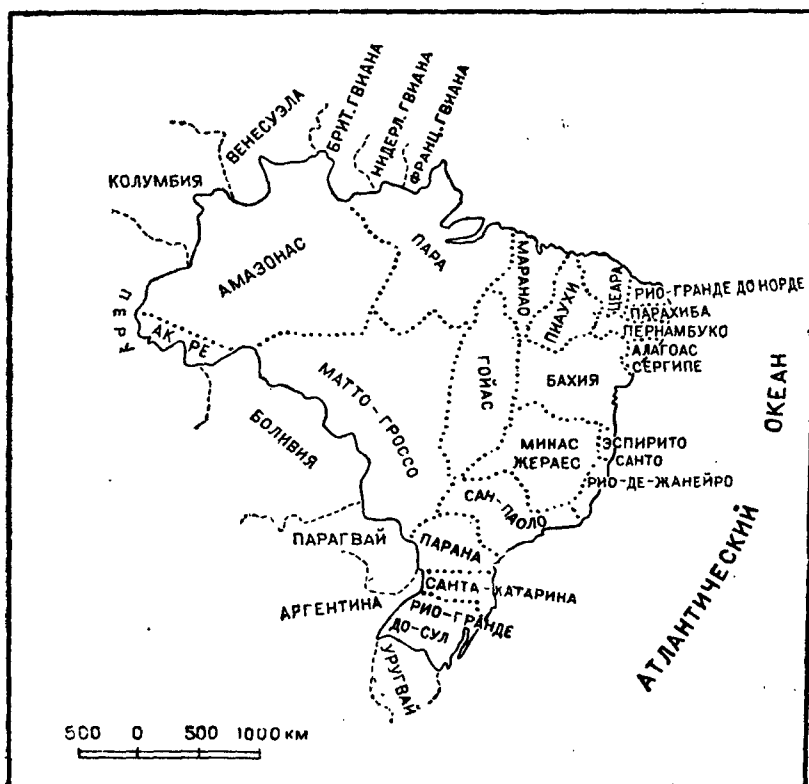

Рис. 8. Административное деление Бразилии.

Источник: Recenseamento do Brazil 1920. Rio de Janeiro, 1929. Б-ка УНХУ.

бразильцев и иммигрантов разных национальностей, проживших некоторое время в стране. К этой же группе отнесены индейские племена, составляющие в Бразилии примерно 9% населения. При таком произвольном подходе для бразильцев выведена цифра 29 045 тыс. чел. Во вторую группу зачислены иммигранты более поздние, которые разделяются по национальностям, устанавливаемым по месту происхождения. Для этой группы указана цифра 1566 тыс. чел., в том числе: португальцы 433 тыс. итальянцы 558 тыс., испанцы 219 тыс., немцы 79 тыс. и др. Национальный состав столицы Рио Жанейро ¹ изображен на диаграмме (рис. 9).

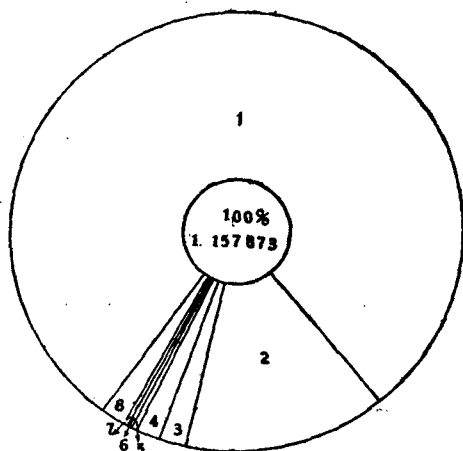

Рис. 9. Национальный состав города Рио-Жанейро, 1920.

1 — бразильцы 917 481 чел., 79,2%, 2 — португальцы 172 338 чел., 14,8%. 3 — итальянцы 21 929 чел., 1,8%. 4 — испанцы 18 221 чел., 1,6%, 5 — французы 3538 чел., 0,4%, 6 — немцы 2885 чел., 0,3%. 7 — англичане 2037 чел., 0,2%, 8 — прочие 19 424 чел., 1,7%. Всего 1 157 873 чел.

¹ В административном отношении составляет особый федеральный округ.

Размещение национальных меньшинств по отдельным штатам показано в следующей таблице.

Штаты	Всего нацменьш.	В тысячах человек, в том числе:			
		португ.	итал.	испанцы	немцы
Амазонас	17	7.6	0.7	1	—
Бахия	10	3.3	1.4	2.5	0.4
Минас-Жераес	85.7	18.2	43	6.8	2.3
Пара	22	14.2	1.1	3.4	0.2
Парана	62.8	1.8	9	1.8	10.7
Рио Гранде до Сул	151	9.3	49	5.4	21
Рио де Жанейро	50.8	28.7	10	4.9	1
Сан Паоло	829.9	167.2	399	171	21.6
Санта Катарина	31.2	0.5	8	0.8	13.8
Федеральный округ	239	172	22	18.2	3.7
Эспирито Санто	18.8	1.7	12.6	1	2

Перепись дает подробные данные о размещении национальностей по отдельным муниципиям. Так, португальцы в муниципии Никстерой (штат Рио Жанейро) составляют 9.5 тыс. чел. из 12.7 тыс. населения, в муниципии Сантос (штат Сан Паоло) — 21 тыс. чел. из 36.5 тыс. населения. Итальянцы в муниципии Монте Санто (штат Минас Жераес) составляют 1.5 тыс. чел. из 1.8 тыс. населения, в муниципии Санта Тереза (штат Эспирито Санто) — 1 тыс. чел., из 1.7 тыс. населения испанцы в штате Сан Паоло составляют в муниципиях Сантос 8.6 тыс. чел., Рио Прето — 8.6 тыс. чел. (из 22 тыс. населения), Олимпии 2.6 тыс. чел. (из 8.2 тыс. населения) и т. д. Немцы составляют большинство населения в муниципиях Жуинвиль и Блуменау (штат Санта Катарина), Санта Крус (штат Рио Гранде до Сул) и др. Эти сведения очень важны для правильного представления о размещении национальностей в отдельных штатах, но сами по себе еще недостаточны для создания точной картины этого размещения. Для этой цели необходимо прилагать к тексту переписи подробные карты с обозначением границ муниципий.

Приведенные цифры национальностей Бразилии нуждаются в существенных поправках. Например, итальянцы составляют не менее полутора миллиона человек (по данным Итальянского ежегодника 1.8 млн. в 1927 г.). Немцев в Бразилии не менее 400 тыс. чел., португальцев больше миллиона и т. д. Любопытно отметить появление в Бразилии японцев. По переписи 1920 г. их насчитывалось 28 тыс. чел. (в штате Сан Паоло 24.4 тыс.) Сейчас численность их достигает 150 тыс. чел. Японская иммиграция последних лет составляла 81.5% всей бразильской иммиграции.¹

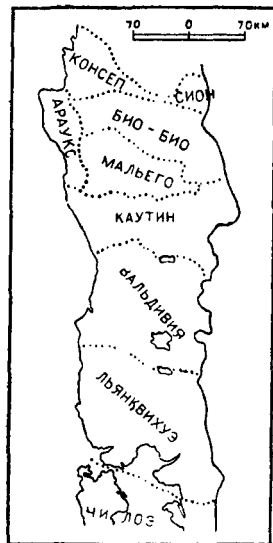
Чили

Я ограничусь здесь рассмотрением вопроса о численности и размещении арауканцев по данным последних переписей. Население Чили (рис. 10) составляло по переписям 1930 г. — 4 287 445 чел., 1920 г. — 3 731 573 чел. и 1907 г. — 3 231 496 чел.

¹Revista Geografica Americana № 28, 1936, стр. 74.

Численность арауканцев по тем же данным: в 1930 г. — 98 703 чел., в 1920 г. — 105 162 чел., в 1907 г. — 101 118 чел. В цензе 1930 г. вопросу об уменьшении арауканцев посвящена особая таблица, из которой заимствую следующие цифры: ¹

Провинции	Численность арауканцев		
	1930 г.	1920 г.	1907 г.
Био-Био	5 125	5 514	5 283
Вальдевия	4 183	18 696	20 583
Каутин	87 796	75 763	70 356
Консепсион	1 388	4 980	4 706
Чилоэ	211	209	190

Как видим, арауканское население увеличилось в провинции Каутин и осталось без изменений в Чилоэ. В остальных провинциях оно сильно уменьшилось, в особенности в Вальдевии.

В виде образца более подробного рассмотрения вопроса, приведу цифры о размещении арауканцев в провинциях Вальдевии и Каутин по департаментам.

Рис. 10. Административное деление южного Чили.

Источник. Anuario de estadístico de la Republica de Chile. Santiago de Chile, 1910. Republica de Chile. Resultados de X censo, 1931.

Провинция Вальдевия

Департаменты	Численность арауканцев		
	1930 г.	1920 г.	1907 г.
Вальдевия	3 284	9 173	7 536
Осорно	—	5 629	11 170
Унион	899	3 894	1 877
Итого	4 183	18 696	20 583

Провинция Каутин

Департаменты	Численность арауканцев		
	1930 г.	1920 г.	1907 г.
Виктория	4 419	4 705	3 459
Вильярика	12 186	10 975	16 719
Лаутаро	7 517	9 327	8 418
Нуэва Империял	28 867	23 437	18 848
Темуко	29 513	23 296	18 496
Трангуэн	5 294	4 023	4 416
Итого	87 796	75 763	70 356

¹ Republica de Chile. Resultados de X Censo de la poblacion efectuado el 27 de Noviembre de 1930 y estadísticas comparativas con censos anteriores, 1931.

Несмотря на увеличение численности арауканцев в отдельных департаментах, общая численность их за последнее десятилетие значительно снизилась.

Можно было бы привести еще более детальные цифры о размещении арауканцев внутри отдельных департаментов, но это выходит за рамки статьи, которая лишь преследует цель обратить внимание на накопившийся обширный материал по статистике национальностей разных стран, к систематизации и разработке которого необходимо приступить.

Колумбия

Колумбия (рис. 11) имела население по переписям 1928 г. — 7 851 000 чел., 1918 г. — 5 855 077 чел. и 1912 г. — 5 475 961 чел. Колумбийская статистика учитывает население по расовому признаку и выделяет группы: 1) белые, 2) негры, 3) индейцы, 4) смешанные.

Численное соотношение этих групп по переписи 1918 г. показывают следующие цифры (в процентах к всему населению):

Белые	32%
Негры	8
Индейцы	9
Смешанные	51

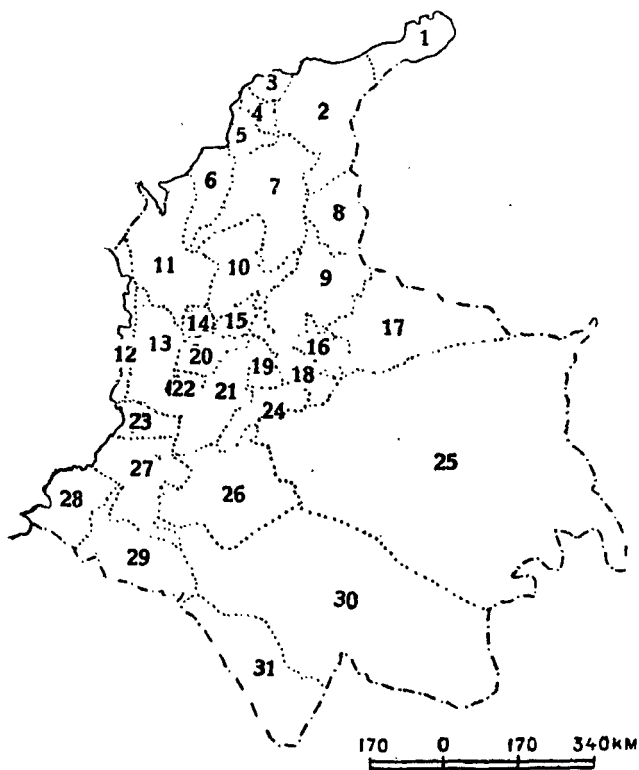

Рис. 11. Административное деление Колумбии. Департаменты: 1 — Гоахира. 2 — Магдалена. 3 — Атлантико. 4 — Боливар. 5 — Боливар II. 6 — Бару. 7 — Момпос. 8 — Сан-Хозе де Кукута. 9 — Сангил. 10 — Меделлин. 11 — Антиоквия. 12 — Чоко. 13 — Квибдо. 14 — Херико. 15 — Сонсон. 16 — Тунха. 17 — Санта-роза. 18 — Тунха II. 19 — Тунха III. 20 — Калдас. 21 — Ибагве. 22 — Буга. 23 — Кали. 24 — Кундинамарка. 25 — Мета. 26 — Нейва. 27 — Каука. 28 — Тумако. 29 — Пасто. 30 — Каквета. 31 — Путумайо.

В числе белых подсчитано незначительное число иностранцев: немцев, итальянцев, англичан и др., живущих в городах. Наибольший интерес для нас представляет статистика внегородского населения. В моем распоряжении имеются материалы переписи 1912 г. с данными о размещении населения по департаментам и муниципиям.¹ В нижеследующей таблице дана краткая сводка материала о размещении населения по 14 департаментам и 2 интенданствам.

¹ Censo general de la Republica de Colombia. Bogota, noviembre de 1912.

Департаменты	Население тыс. чел.	Белые	Негры	Индейцы	Смешанные
Антиоквия	735 470	254 075	134 891	15 860	330 644
Атлантико	54 604	11 494	6 265	2 662	34 157 +26 желт.
Боливар	160 714	31 686	33 855	16 064	79 109
Бояка (Тунха)	258 257	66 677	25	20 637	170 918
Валье (Кали)	99 719	48 084	13 647	3 877	34 111
Гоахира	50 494	—	—	48 101	2 393
Калдас	163 382	60 277	8 091	3 797	91 217
Каука	98 334	24 857	19 514	33 929	20 034
Кундинамарка	322 353	153 084	11 421	16 455	141 393
Мета (интенданство)	4 550	1 844	378	240	2 088
Нариньо (Пасто)	121 327	55 122	9 372	31 939	24 894
Сантандер	384 698	138 665	23 707	3 206	219 120
Сев. Сантандер (Кукута)	93 122	40 445	5 582	310	46 785
Толима (Ибагве)	245 496	61 714	12 307	21 761	149 714
Хуила (Нейва)	71 393	21 237	2 783	6 083	41 290
Чоко (интенданство)	57 606	2 719	40 661	5 237	8 989

В таблице выделяются департамент Гоахира (индейский) и интенданство Чоко (негритянское). В остальных департаментах население носит смешанный характер с ощутимой примесью в одних случаях негров (Антиоквия, Боливар, Сантандер), в других случаях индейцев (Бояка, Каука, Нариньо, Толима). Особый интерес представляет так наз. смешанное население (Mezclados), которое во многих департаментах преобладает над белыми, неграми и индейцами (Антиоквия, Атлантико, Боливар, Бояка, Калдас, Толима). Необходимо установить, в каких отношениях находится смешанное население к каждой из остальных групп (белые, негры, индейцы) и на ряду с этим вскрыть социальную роль каждой группы. Этот вопрос затронут в особой работе.

Новая Зеландия

Я рассматриваю здесь вопрос о численности и расселении маори. Численность маори можно проследить по цензам в течение большого промежутка времени. С 1891 г. по 1926 г. она составляла:

1891 г.	41 993 чел.	1911 г.	49 844 чел.
1896 г.	39 854 »	1916 г.	49 776 »
1901 г.	43 143 »	1921 г.	52 751 »
1906 г.	47 731 »	1926 г.	62 781 »

Данные о расселении маори по провинциям (рис. 12) и графствам представлены в переписях в виде таблиц с указанием плотности населения. Однако путем некоторых вычислений нетрудно раскрыть эту своеобразную статистическую маски-

Рис. 12. Административное деление Новой Зеландии.

Источник: The New Zealand official year-book 1935. Wellington, 1934.

ровку. Ниже я привожу, в качестве образца, сводную таблицу населения из официального ежегодника Новой Зеландии за 1927 г.¹

Как видим маори представлены в значительном числе в провинции Оклэнд, где они составляют 47 406 чел.² В остальных провинциях они составляют незначительный процент населения.

Англия

Рассмотрим область расселения валлийцев в Уэльсе и Монмутшире (рис. 13). Английская статистика дает сведения о языке населения, причем особо выделяет группы двуязычного населения. В таблице, составленной по данным ценса 1911 г., (см. стр. 35), указано распространение английского и валлийского языков по графствам.³

Провинции	Население по цензу 1926 г.	Плотность населения		Площадь кв. миль
		исключая маори	включая маори	
Веллингтон	273 601	25.32	25.97	10 807
Вестлэнд	15 025	3.08	3.10	4 881
Кантербюри	213 746	15.42	15.50	13 858
Марлбороу	18 568	4.39	4.61	4 225
Нельсон	50 545	4.65	4.66	10 875
Оклэнд	424 925	16.76	18.53	25 351
Отаго	149 579	10.72	10.74	13 957
Таранаки	67 653	18.13	19.08	3 732
Хоксбай	65 569	15.46	16.56	4 241
Южная Земля	65 173	5.74	5.77	11 358
Итого	1 344 384	13.02	13.62	103 285

¹ The New Zealand official year book 1927. Wellington, 1926, стр. 99.

² Обозначая население провинции знаком p , плотность, исключая маори, d_0 , плотность, включая маори, d_x ; площадь s и численность маори X , следует произвести вычисление по формуле $X = (d_x s) - p$. (З. Ч.).

³ Census of England and Wales 1911. General report with appendices. London, 1917, стр. 248.

Графства	Население 1911 г.	% лиц, говорящих только на англ. яз.	% лиц, говорящих только на валл. яз.	% лиц, говорящих на обоих языках	% лиц, говорящих на англ. яз.	% лиц, говорящих на валл. яз.
Брекнок	59 298	57.0	5.6	35.9	92.9	41.5
Глеморган . . .	743 110	58.9	3.1	35.0	93.9	38.1
Денби	144 796	41.7	10.1	46.6	88.3	56.7
Кардиген	59 877	8.7	34.2	55.4	64.1	89.6
Кермартен . . .	160 430	13.4	20.5	64.4	77.8	84.9
Кернарвон . . .	125 049	12.2	35.6	50.0	62.2	85.6
Мерионет	45 573	7.7	36.7	53.6	61.3	90.3
Монмут	312 078	86.3	0.4	9.2	95.5	9.6
Монтгомери . .	53 147	54.0	10.7	34.1	88.1	44.8
Пемброк	89 956	65.3	7.7	24.7	90.0	32.4
Реднор	22 589	93.4	0.1	5.3	98.7	5.4
Флинт	92 720	55.4	3.4	38.8	94.2	42.2
Энгльси	50 943	8.5	36.2	52.6	61.0	88.7

В графствах Мерионет, Кардиген, Энгльси, Кернарвон и Кермартен подавляющее большинство населения говорит на валлийском языке.

Шотландия

Гелы преобладают в графствах (рис. 14), где составляют по языку (1911): Росси и Кромарти (67.7% из 77 тыс. населения), Сётерлэнд (61.8% из 20 тыс.), Инвернесс (59.1% из 87 тыс.) и Аргайл (48.4% из 71 тыс.).

Ирландия

Общая численность населения Ирландии (рис. 15) по цензу 1911 г.¹ 4 390 219 чел. Ниже мы даем краткую сводку о числе лиц, говорящих на английском и ирском языках, в сопоставлении с данными о религии.

Провинции	Население 1911 г.	Численность лиц, говорящих			Религиозная принадлежность	
		исключ. на ирском яз.	на ирск. и англ. языках	умеют говор. на ирск. яз.	Католики	Протестанты
Конноут	610 984 100.0	9 367	207 720	217 087 35.0	588 004 96.24	22 402 3.67
В т. ч. Гольуэй	182 224 100.0	7 811	90 712	98 523 54.1	177 920 97.64	4 191 2.3
В т. ч. Мэйо . .	192 177 100.0	1 518	87 083	88 601 46.1	188 069 97.86	4 036 2.1
Лейнстер	1 162 044 100.0	3	40 222	40 225 3.5	990 045 85.2	161 116 13.86
Мюнстер	1 035 495 100.0	2 766	225 928	228 694 22.1	973 805 94.04	59 001 5.7

¹ Census of Ireland 1911. General report with tables and appendix. London, 1913, стр. 291, 210, 211

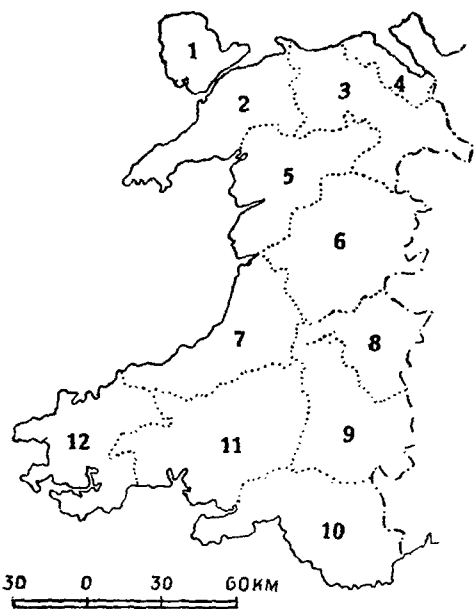

Рис. 13. Административное деление Уэльса (Великобритания).

Графства: 1 — Энглси. 2 — Кернарвон. 3 — Денби. 4 — Флинт. 5 — Мерионет. 6 — Монтгомери. 7 — Кардиген. 8 — Реднор. 9 — Брекнок. 10 — Глэморган. 11 — Кермартен. 12 — Пемброк.

Источник: The Encyclopedia Britannica, vol. 24, pl. 10, 11.

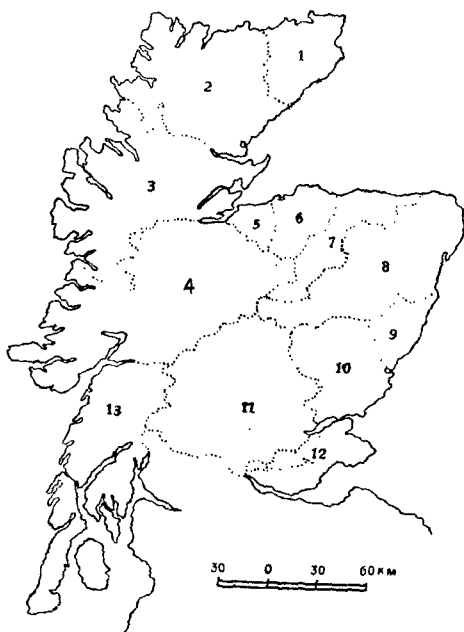

Рис. 14. Административное деление северной Шотландии.

Графства: 1 — Кетнесс. 2 — Сетерлэнд. 3 — Росс и Кромарти. 4 — Инвернесс. 5 — Нери. 6 — Эльгин. 7 — Банф. 8 — Эбердин. 9 — Кинкардейн. 10 — Форфар. 11 — Перт. 12 — Файф. 13 — Аргайль.

Источник: The Encyclopedia Britannica, vol. 24, pl. 18.

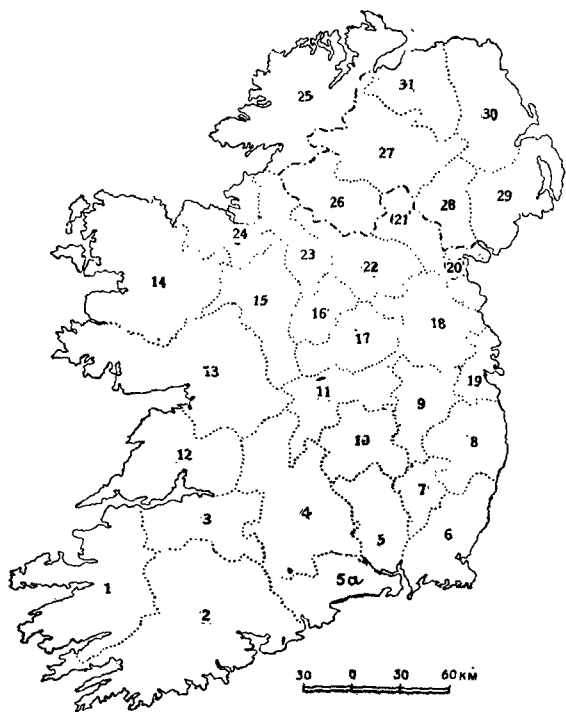

Рис. 15. Административное деление Ирландии.

Графства: 1 — Керри. 2 — Корк. 3 — Лимерик. 4 — Типперэри. 5 — Килькенни. 5а — Уотерфорд. 6 — Уэксфорд. 7 — Карло. 8 — Уикло. 9 — Кильдэр. 10 — Куинс Каунти. 11 — Кинге Каунти. 12 — Клэр. 13 — Гольуэй. 14 — Мэйо. 15 — Роскоммон. 16 — Лонгфорд. 17 — Уэстмитс. 18 — Митс. 19 — Дублин. 20 — Лаутс. 21 — Монеган. 22 — Кэвен. 23 — Литрим. 24 — Слэйго. 25 — Донгэль. 26 — Ферманег. 27 — Тайрон. 28 — Армаг. 29 — Даун. 30 — Энтрим. 31 — Лондондерри.

----- граница между северной Ирландией и Ирландским свободным государством.

Источник: The Encyclopedia Britannica, vol. 24, pl. 20—21.

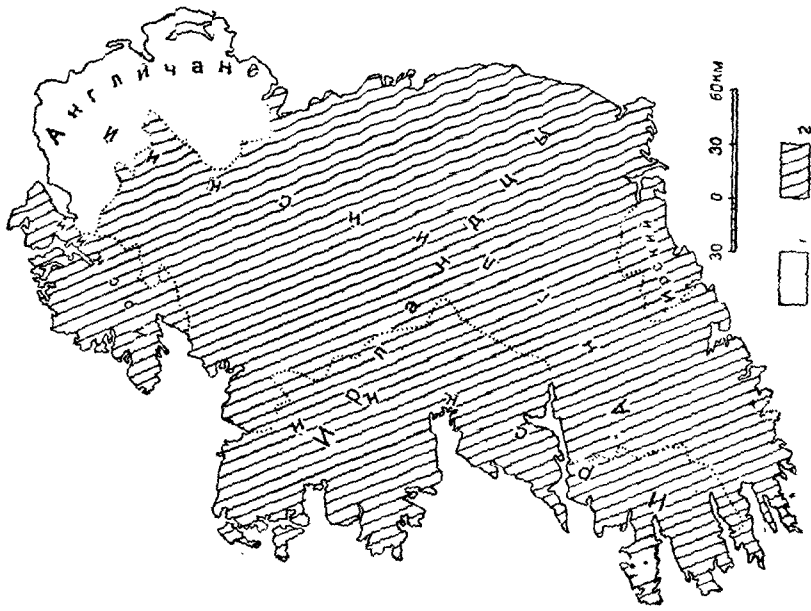

Рис. 16. Карта национальностей и языков Ирландии.

Рис. 17. Карта религий Ирландии.

Источник: собственные материалы автора.

Провинции	Население 1911 г.	Численность лиц, говорящих			Религиозная принадлежность	
		исключ. на ирском яз.	на ирск. и англ. языках	умеют говор. на ирск. яз.	Католики	Протестанты
В т. ч. Керри .	159 691 100.0	1 891	58 828	60 719 38.0	2155 322 97.26	4 255 2.67
В т. ч. Клэр . .	104 232 100.0	161	36 543	36 704 35.2	102 300 98.14	1 913 1.84
В т. ч. Корк .	315 431 100.0	557	76 648	77 205 23.8	288 455 91.45	26 077 8.27
В т. ч. Уотерфорд	56 502 100.0	152	21 540	21 692 38.4	54 060 95.68	2 350 4.16
Ульстер	1 581 696 100.0	4 737	91 703	96 440 6.1	690 816 43.67	836 999 48.92
В т. ч. Донгелъ	168 537 100.0	4 733	54 580	59 313 35.2	133 021 78.93	34 734 20.61

Анализируя эту таблицу, мы приходим к выводу о наличии трех групп населения (см. рис. 16 и 17): 1) кельтоязычной католической, 2) англоязычной католической и 3) англоязычной протестантской. Последние являются потомками английских переселенцев со времени Генриха II Плантагенета, в значительной степени смешанные с кельтами. Каждая из этих групп сохраняет свои особенности.

Швейцария

По переписи 1920 г. Швейцария (рис. 18) имела население 3 880 320 чел., которое составляло по языкам и религиям:

Языки	Религия
Немецкий 2 750 622	Протестанты 2 230 597
Французский 824 320	Католики 1 585 311
Итальянский 238 544	Евреи 20 979
Романшский 42 940	Прочие 43 433
Прочие 23 894	

Анализ таблиц, показывающих численность языков и религий по кантонам,¹ дает следующий результат:

Немецкий язык распространен в кантонах: Берн (559 408 чел.), Цюрих (512 247 чел.), Сен Галлен (287 583 чел.), Ааргау (235 801 чел.), Базель (211 801 чел.), Люцерн (172 105 чел.), Тургау (131 815 чел.) и др.

Французский язык в кантонах: Во (269 606 чел.), Женева (133 436 чел.), Невшатель (111 199 чел.), Берн (106 816 чел.), Фрибург (96 700 чел.), Вале (84 340 чел.).

¹ См. *Annuaire statistique de la Suisse* 1925. Berne, 1926, стр. 52.

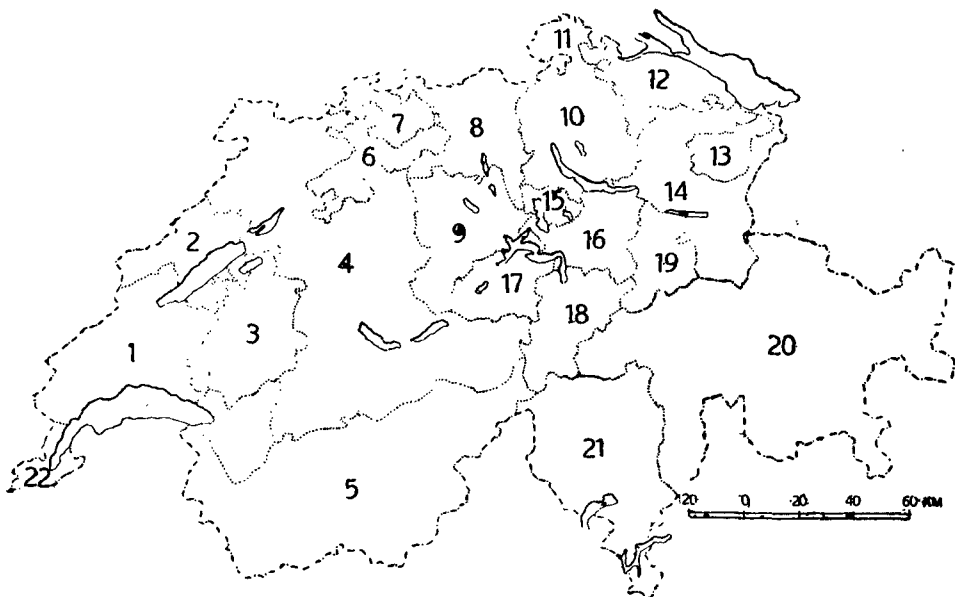

Рис. 18. Административное деление Швейцарии.

Кантоны: 1 — Во. 2 — Невшатель. 3 — Фрибург. 4 — Берн. 5 — Вале. 6 — Сологурн. 7 — Базель. 8 — Ааргау. 9 — Люцерн. 10 — Цюрих. 11 — Шафгауз. 12 — Тургау. 13 — Аппенцель. 14 — С. Галлен. 15 — Цуг. 16 — Швиц. 17 — Унтервальден. 18 — Ури. 19 — Глярус. 20 — Граубюнден. 21 — Тессин. 22 — Женева.

Источник: Früh. Geographie der Schweiz. S. Gallen. 1931. IX Lieferung.

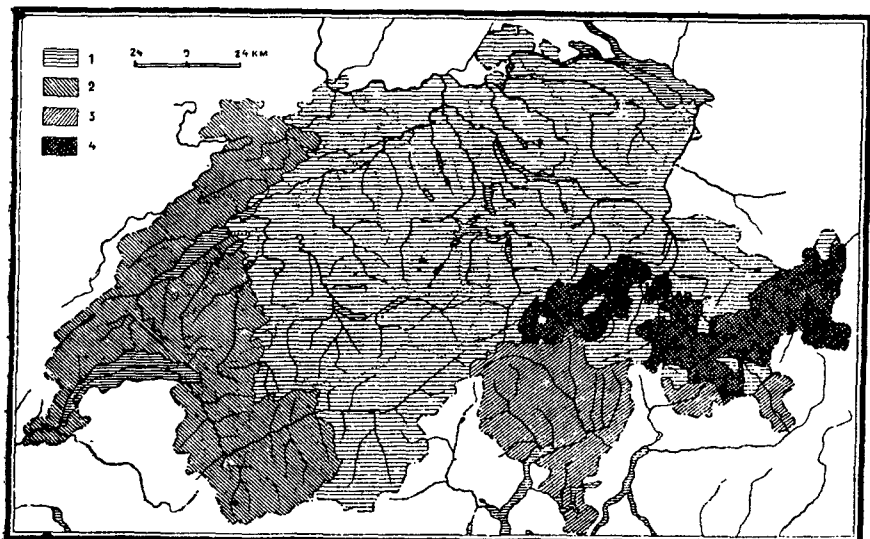

Рис. 19. Карта языков Швейцарии.

(По Фрю.)

Языки: 1 — немецкий, 2 — французский, 3 — итальянский, 4 — романшский.

Источник: Dr. I. Früh. Geographie der Schweiz. B. II, IX²Lief., S. 745. 1931.

Итальянский язык в кантонах: Тессин (142 044 ч.), Граубюнден (17 674 чел.).

Романшский язык (собственно романшский и ладинский диалекты, особо в переписи не выделенные) в кантоне Граубюнден (42 940 чел.).

Протестанты преобладают в кантонах: Берн (578 299 чел.), Цюрих (410 027 чел.), Во (264 522 чел.), Базель (153 008 чел.), Ааргау (137 604 чел.), Невшатель (109 949 чел.), Тургау (90 665 чел.).

Католики преобладают в кантонах: Сен Галлен (174 234 чел.), Люцерн (154 145 чел.), Тессин (140 536 чел.), Фрибург (123 184 чел.), Валле (122 976 чел.).

Прилагаемая карта (рис. 19), составленная д-ром Фрю по переписи 1920 г.,¹ показывает распространение языков Швейцарии по кантонам.

Бельгия

Общая численность населения Бельгии в 1920 г. — 7 465 782 чел. В переписях дается статистика языков. Привожу данные о главных языках страны.

Годы	Число лиц, говорящих на языках			
	только франц.	только флам.	франц. и флам.	только немецк.
1920	2 850 825	3 185 100	967 813	16 863
1900	2 574 805	2 822 005	801 587	28 314

Финляндия

Общая численность населения Финляндии по переписи 1930 г. — 3 667 067 чел. и 1920 г. — 3 364 807 чел. Изменения в численности языков за 10 лет показывает следующая таблица.

Годы	Финск.	Шведск.	Русск.	Немецк.	Лопарск.
1930	3 022 257	342 916	8 216	3 719	2 113
1920	2 754 228	340 963	4 806	2 378	1 603

Шведский язык распространен на Аландских островах (Авенамаа) и на прибрежной полосе Турку-Пори и Уусимаа. Данные переписей указывают² на постепенное вытеснение шведского языка финским, что видно из следующих цифр:

¹ Dr. J. Früh. Geographie der Schweiz. B. II, St. Gallen, 1930, стр. 745.

² Подробности см. у А. Е. Tudeer в Atlas of Finland 1929, стр. 143.

Годы	Число лиц, говорящих на языке (в процентах)		
	финск.	шведск.	финск. и шведск.
1880	85.23	14.31	0.46
1890	86.07	13.56	0.37
1900	86.75	12.89	0.39
1910	88.02	11.60	0.38
1920	88.70	10.98	0.32

Британская Индия

Индийский цenz 1921 г. дает общую цифру населения Индии (рис. 20) 318 942 480 чел. Огромное разнообразие языков Индии показано в виде стройной группировки, впрочем довольно условной.¹

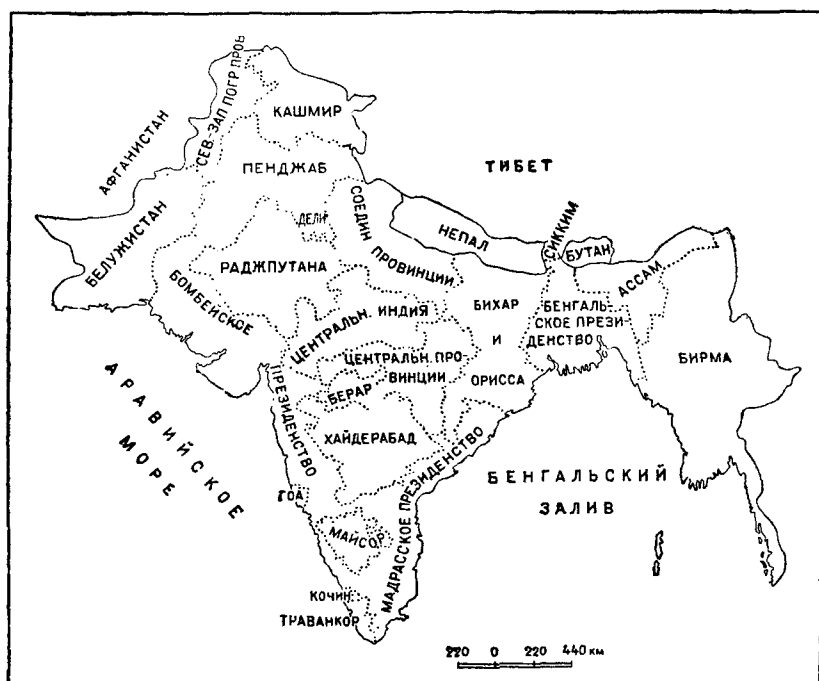

Рис. 20. Административное деление Британской Индии.

Источник: Charles Ippen. Historical Atlas of India, London. Calcutta, 1934.

Основные лингвистические группы: 1) индоарийская, 2) дравидическая, 3) австразийская, 4) тибето-бирманская. В следующей таблице показана численность и распространение по провинциям важнейших языков. (Цифры в скобках рядом с названиями языков указывают их принадлежность к соответствующей языковой группе.) На ряду с туземными языками указан для сравнения английский.

¹ Statistical Abstract for British India. London, 1933, стр. 43.

Название языка	Числ. в млн. 1921 г.	В том числе по провинциям													
		Ассам	Бенгалия	Бирма	Бихар и Орисса	Бомбей	Кашмир	Мадрас	Майсор	Пенджаб	Раджпутана	Соедин. провинции	Хайдерабад	Центр. Индия	Центр. и Берар
Английский . . .	0.3	—	0.04	0.02	0.00	0.05	—	0.04	0.01	0.02	—	0.03	0.00	0.00	0.01
Ассамский (1) . .	1.7	1.7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Бенгальский (1) .	49.3	3.5	43	0.3	1.6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Бирманский (4) .	8.4	—	—	8.4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Гондский (2) . .	1.6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0.5	0.9
Гуджарати (1) . .	9.6	—	—	—	—	7.4	—	0.09	—	—	0.02	—	—	0.05	—
Қанарезский (2) .	10.4	—	—	—	—	2.9	—	1.5	4.3	—	—	—	1.5	—	—
Қашмири (1) . . .	1.3	—	—	—	—	—	—	1.3	—	—	—	—	—	—	—
Малайалам (2) . .	7.5	—	—	—	—	—	—	7.4	—	—	—	—	—	—	—
Маратхи (1) . . .	18.8	—	—	—	—	9.9	—	0.3	—	—	—	—	3.3	0.05	4.9
Мон-хмер (3) . . .	0.5	—	—	0.5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Мунда (3)	3.9	—	—	—	3.9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Панджаби (1) . .	21.8	—	—	—	—	0.1	0.7	—	—	19.5	0.02	0.02	—	—	—
Раджастани (1) .	12.7	—	—	—	—	0.2	0.3	0.04	—	0.7	7.4	—	0.1	2	0.1
Синдхи (1)	3.4	—	—	—	—	3.1	—	—	—	—	0.05	—	—	—	—
Тамильский (2) .	18.8	—	—	—	—	—	—	18.2	0.2	—	—	—	—	—	—
Телугу (2)	23.6	—	—	—	—	—	—	16.1	0.9	—	—	—	6	—	0.1
Урия (1)	10.1	0.1	0.3	—	7.7	—	—	1.6	—	—	—	—	—	—	0.2
Хинди (урду) (1)	98.1	0.5	1.8	0.1	25.1	1	—	1	0.3	3	1.9	46.1	1.3	3.2	8.9

На ряду с данными о языках индийские цензы дают сведения о религии. Приводим общую численность религий по цензу 1921 г.¹

Религии	Численность	%	Религии	Численность	%
Индуисты	216 734 586	68.56	Магометане . . .	68 735 233	21.74
Сикхи	3 238 803	1.03	Христиане	4 754 064	1.51
Джайны	1 178 596	0.37	Евреи	21 778	0.01
Буддисты	11 571 268	3.66	Анимисты	9 774 611	3.09
Парсы	101 778	0.03			
			Итого	318 942 480	100.00

Соединенные Штаты Мексики

Общая численность населения Мексики (рис. 21) по цензу 1930 г. — 16 553 398 чел., 1921 г. — 14 234 799 чел., 1900 г. — 13 605 919 чел. Мексиканские цензы содержат богатый материал о численности и распространении языков

¹ Statistical Abstract for British India. London, 1933, стр. 7.

Рис. 21. Административное деление Мексики.
 Источник: Mexico en cifras (Atlas Estadistico), 1934, p. 12.

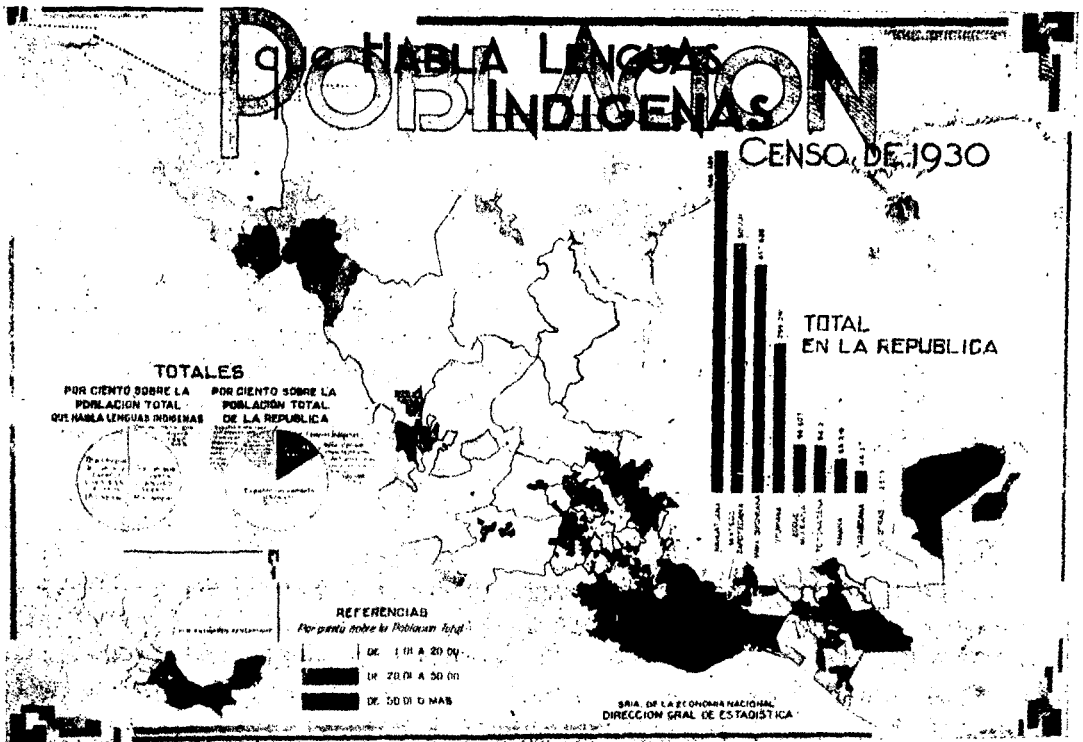

Рис. 22. Карта распространения туземных языков Мексики.
 Источник: Mexico en cifras (Atlas Estadistico), 1934.

индейских национальностей. По последнему цензу численность их равна 2 251 086 чел., что составляет 14.6% всего населения страны. Наиболее значительные языки — нагуа, майя, микстекский-сапотекский, отоми и др. На родном языке говорит 1185162 чел. или 52.6% индейского населения страны. Около половины индейского населения (1064 234 или 47.4%) пользуется, кроме родного языка, также господствующим языком страны — испанским.¹

Национальности	Численность 1930 г.	В том числе	
		с родн. языком своей национал.	двуязычные
Нагуа	685 389	360 565	324 824
Микстеки-сапотеки	501 131	307 479	193 652
Майя	457 628	238 107	219 521
Отоми	299 291	125 261	174 030
Зоки	96 607	53 164	43 443
Тотонаки	94 211	60 833	33 378
Пима	68 210	23 893	44 317
Тараски	44 371	15 243	29 128

Язык нагуа распространен в штатах Пуэбла (240 тыс.), Вера Крус (107 тыс.), Идальго (77 тыс.), Герреро (71 тыс.), Мексико (44 тыс.), Тлаксала (35 тыс.), Морелос (28 тыс.).

Микстекский-сапотекский язык в штате Оаксака (375 тыс.).

Майя в штате Юкатан и Кампече.

Отоми в Идальго (90 тыс.), Мексико, Керетаро и др.

Тотонаки в Пуэбла и Вера Крус.

Тараски в Мичоакан.

Прилагаемая карта (рис. 22), заимствованная из Мексиканского статистического атласа, показывает распространение языков Мексики по последнему цензу.

На ряду с данными о языках мексиканские цензы дают сведения о религии и о национальностях. Термин «национальность» толкуется, однако, весьма своеобразно. В группу «мексиканцев» цензы безразлично включают мексиканскую нацию и индейские национальности. Иммигранты определены по странам выхода и по религии.

Голландия

Численность населения Голландии (рис. 23) по переписи 1930 г. — 7 935 565 чел. Голландская перепись определяет национальности (Nationaliteiten). Однако и в этом случае нужно отметить неправильное понимание этого термина. В группу «нидерландцев» перепись включает голландцев и фризов. Фламандцы

¹ Mexico en cifras (Atlas Estadístico), 1934, стр. 13. Распространение языков по штатам определено по цензу 1895 г. (Censo general de la Republica Mexicana 1895. Mexico, 1895) в виду отсутствия полных экземпляров цензов последних лет.

Провинции: 1 — Фрисландия. 2 — Гронинген. 3 — Дренте. 4 — Овер-Эйссель. 5 — Гельдерланд. 6 — Сев. Брабант. 7 — Лимбург. 8 — Зеландия. 9 — Южн. Голландия. 10 — Утрехт. 11 — Сев. Голландия. 12 — Тексель. 13 — Флиланд. 14 — Боркум.

Источник: The Encyclopedia Britannica, vol. 24, pl. 28—29.

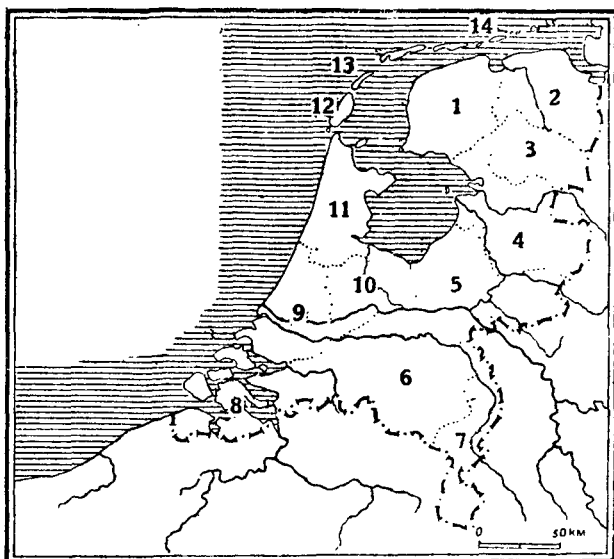

Рис. 23. Административное деление Голландии.

Диалекты: I. — Фризский. II. — Голландско-фризский. III — Голландский. IV — Фризо-франкский. V — Западно-франкский. VI — Восточно-франкский. VII — Саксоно-франкский. VIII — Франкский. IX — Фризо-саксонский.

Источник: Dr. W. Gerbing. Das Erdbild der Gegenwart. Leipzig, 1926.

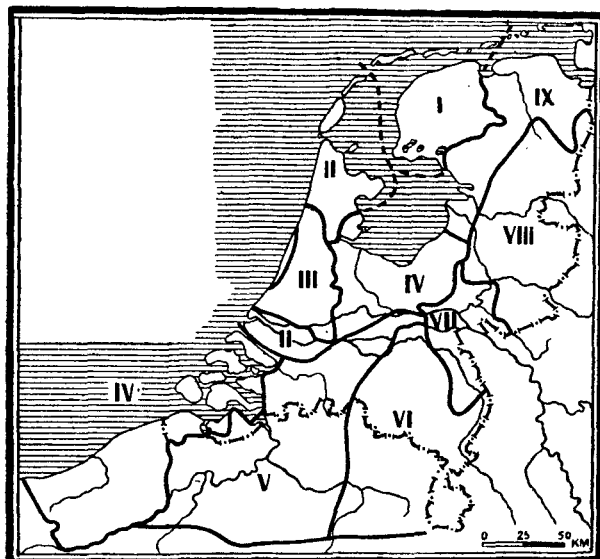

Рис. 24. Голландские и фламандские диалекты.

(По проф. И. Винкелю.)

обозначены под именем «бельгийцев». Таким образом представляется затруднительным выделить отдельные национальности и определить их численность. Например фризов насчитывается не менее 300 тыс. чел. в Фрисландии, Гронингене и Дренте. За пределами Голландии фризы живут в Германии, где количество их определяется примерно в 30 тыс. чел.¹ На рис. 24 приведена диалектологическая карта Голландии по проф. Винкелю.²

¹ См. Dr. L. C. Peters, Nordfriesland, Husum, 1929.

² Взята из I тома Dr. W. Gerbing, Das Erdbild der Gegenwart, Leipzig, 1926.

Латвия

Численность населения Латвии по переписям 1935 г. — 1 950 502 чел., 1930 г. — 1 900 045 чел., 1920 г. — 1 503 193 чел. Латвийская перепись разработана по национальностям, религиям и языкам. Определена численность следующих национальностей: латышей, немцев, русских, белоруссов, евреев, поляков, эстов и литовцев. Характерно, что не выделены латгальцы, которых насчитывается не менее 250 тыс. чел. В переписях они слиты с латышами.

Эстония

Численность населения Эстонии по переписям 1934 г. — 1 126 410 чел., 1922 г. — 1 110 538 чел. Эстонская перепись тщательно разработана по признакам национальности и языка. В переписях определены численности следующих национальностей: эстов, русских, немцев, евреев, шведов и латышей. Особо не выделены ижоры, представленные в стране в небольшом количестве.

Греция

Численность населения Греции в 1928 г. — 6 204 684 чел. Перепись разработана по религиям и месту происхождения. Иностранцы определены по странам выхода.

Египет

Численность населения Египта по переписи 1927 г. — 14 217 864 чел. Перепись тщательно разработана по тем же признакам — религии, месту происхождения и странам выхода.

Голландская Индия

Общая численность населения Голландской Индии по переписям 1930 г. — 60 727 233 чел., 1920 г. — 49 350 834 чел. Переписи выделяют следующие группы населения: 1) туземцы, 2) европейцы, 3) китайцы, 4) арабы. Из европейцев перепись 1930 г. указывает: нидерландцев — 208 269 чел., немцев — 6867 чел., англичан — 2414 чел. Обозначены, кроме того, японцы в числе 7195 чел.¹

Численность и распространение туземного населения разработаны подробно по отдельным национальностям. Наиболее многочисленные из них: яванцы — 27 808 623 чел., сунданцы — 8 594 834 чел., мадурцы — 4 305 862 чел., минангкабау — 1 988 648 чел., бугинцы — 1 533 035 чел., малайцы — 1 232 436 чел., батаки — 1 207 514 чел. и т. д. Численность китайцев — 1 190 014 чел., в том числе хокло — 554 981 чел. и хагка — 200 736 чел. Арабов насчитывается 71 335 чел. В переписи обозначены еще 30 018 чел. индийцев без указания национальностей.

¹ Indisch Verlag 1935. II. Statistisch Jaaroverzicht van Nederlandsch-Indië over het jaar 1934. Batavia, 1935, стр. 15.

Союз Советских Социалистических Республик (СССР)

Численность населения СССР по переписи 1926 г. — 147 027 915 чел. Наиболее крупные национальности и языки СССР обозначены в следующей таблице:

№№ по порядку	Национальность	Численность в 1926 г.	% ко всему населению	Численность по одним. языку	% ко всему населению
1	Русские	77 791 124	52.9	84 195 653	57.3
2	Украинцы	31 194 976	21.2	27 570 081	18.8
3	Белорусы	4 738 923	3.2	3 465 651	2.4
4	Казахи	3 968 289	2.7	3 965 764	2.7
5	Узбеки	3 954 701	2.7	4 071 212	2.8
6	Татары	3 159 176	2.1	3 569 811	2.4
7	Евреи	2 599 973	1.7	1 884 245	1.3
8	Грузины	1 749 758	1.2	1 909 164	1.3
9	Тюрки	1 712 921	1.2	1 751 970	1.2
10	Армяне	1 568 197	1.1	1 475 250	1.0
11	Мордва	1 340 415	0.9	1 267 159	0.9
12	Немцы	1 238 549	0.8	1 193 210	0.8
13	Чуваши	1 117 419	0.7	1 104 445	0.7
14	Таджики	980 509	0.6	1 014 681	0.7
15	Поляки	782 334	0.5	362 904	0.2
16	Туркмены	763 940	0.5	745 859	0.5
17	Киргизы	762 736	0.5	757 517	0.5
18	Башкиры	713 693	0.5	393 695	0.3

В отличие от переписей населения буржуазных стран, первая всесоюзная перепись произведена на основе полного самоопределения народов СССР. Перепись 1926 г. разработана по признакам «народности» и «родного языка». Термин «народность» был принят в переписи с целью получения сведений о племенном (этнографическом) составе населения. Во второй всесоюзной переписи населения 1937 г. приняты за основу для разработки переписи признаки: «национальность», «родной язык» и «религия».¹ Новая перепись должна дать богатый материал для сравнения о сдвигах, происшедших в размещении и численности национальностей Союза за годы революции.

Недостатком разработки переписи 1926 г. явилось отсутствие в ней группировки народов. Трудно разобраться в огромном материале переписи (17 томов

¹ Программа переписи 1937 г. включает следующие вопросы: 1) пол (мужской, женский), 2) сколько лет или месяцев от роду, 3) национальность, 4) родной язык, 5) религия, 6) состоит ли в браке, 7) гражданин какого государства, 8) грамотен ли, 9) в какой школе учится — в начальной, средней или высшей, 10) в каком классе или на каком курсе учится, 11) окончил ли среднюю или высшую школу, 12) род занятий (служба) в настоящее время, 13) место работы (название предприятия, колхоза, учреждения), 14) к какой общественной группе принадлежит: к группе рабочих, служащих, колхозников, единоличников, кустарей, людей свободных профессий или служителей культа и нетрудящихся элементов.

1-го отдела, in f°), включающем данные по 195 «конкретно-обозначенным» «народностям». И еще труднее сравнивать данные переписи 1926 г. с переписью 1897 г.¹

Перепись 1937 г. должна положить начало периодически повторяющимся переписям в нашей стране. Раздел национальности, языка и религии является одним из наиболее трудных и политически ответственных разделов переписи. Опираясь на ленинско-сталинское учение о нациях, новая перепись должна дать теоретически выдержанную и технически совершенную обработку статистического материала по национальностям, языкам и религиям.

Бесспорно, осуществление переписи национальностей, языков и религий по намеченной программе возможно лишь в условиях социалистического учета нашей страны. Произведенный анализ статистики национальностей буржуазных стран показывает, что имеющиеся в переписях этих стран материалы отличаются крайней разнохарактерностью и пестротой. Так, на ряду с расистским подходом в американских цензах, мы встречаем неправильное толкование понятия национальности в переписях западноевропейских и других государств.

Сравнивать между собою данные переписей национальностей разных буржуазных стран дело почти безнадежное. Трудно подыскать для этих данных какой-нибудь общий знаменатель. Для дальнейшего развития теории и методов статистики национальностей большое значение имеет опыт социалистического учета национальностей, языков и религий в нашей стране, которая является прообразом будущего для капиталистических стран Запада и Востока, население которых в смысле определения национальностей, языков и религий до сих пор представляет белые пятна.

¹ Этот вопрос подробно разобран в моей статье «Об этнографическом составе СССР» в журн. «Советская этнография» № 1, 1933.

* * *

Статистические сводки, издаваемые в капиталистических государствах, являются ярким показателем того, как и эта область науки, подобно всем другим, беззащитно фальсифицируется в интересах господствующих классов. Статистика населения там явно поставлена на службу империалистической агрессии и колониальной политики. И если германская официальная «статистика» из всех сил старается, при помощи жульнической подтасовки цифр, показать, что в пограничных с Польшей, Данией, Францией и т. д. местностях преобладает численно немецкое население, то польские статистические описания, наоборот, для тех же местностей и по тем же рубрикам приводят совершенно иные цифры, попадая таким образом в смехотворные взаимопротиворечия. Только в нашем великом Союзе народов, в условиях диктатуры пролетариата, единственного класса, заинтересованного в подлинно научной организации статистического самонаблюдения и изучения населения, возможно проведение социалистического учета национальностей и языков нашей страны на основе ленинско-сталинского учения о нации и ее основных признаках.

Résumé

E. Černiakov

Sur la statistique des nationalités dans les États modernes

Le but de ce travail est d'attirer l'attention sur l'abondant matériel relatif à la statistique des nationalités qui s'est accumulé dans les différents pays et qui exige d'être systématisé et étudié.

Le relevé de la composition nationale de la population se fait différemment suivant les États. Les uns prennent pour base le caractère de race, et les recensements donnent la statistique des races. D'autres dressent la statistique des religions. D'autres encore partent de la langue ou de la nationalité. Dans certains États le recensement se fait d'après le lieu d'origine. Mais dans la majorité des États, on tient compte simultanément de plusieurs de ces critères.

Le cartogramme de la fig. 3 montre le caractère de la statistique des nationalités dans les différents pays. L'extrême diversité des principes adoptés saute aux yeux. A noter tout d'abord la différence entre les pays de l'Europe et de l'Amérique. Dans la plupart des États européens, le recensement porte sur les langues et dans certains cas, sur la nationalité. Dans le Nouveau monde, il enregistre la race et le lieu d'origine. D'autre part, dans l'Europe occidentale, les caractères pris en considération varient d'un pays à l'autre. Le caractère prédominant est tantôt la langue, tantôt le lieu d'origine. Le caractère de nationalité n'est adopté comme base que dans un petit nombre de pays. En URSS, il en est tenu compte obligatoirement, à côté de la langue. Ces deux caractères interviennent dans les recensements en Bulgarie, Latvie, Esthonie. En Roumanie et en Pologne, le caractère de nationalité adopté dans les recensements est ordinairement remplacé en réalité par celui de langue.

L'auteur analyse les recensements de la composition nationale de la population dans certains pays capitalistes et dans l'URSS. Il est presque impossible de comparer entre elles les données statistiques de ces divers pays capitalistes. On peut difficilement leur trouver un dénominateur commun. L'expérience du recensement des nationalités, des langues et des religions réalisé en URSS est d'une grande portée pour le développement ultérieur de la théorie et de la pratique de la statistique des nationalités. Ce recensement peut servir de prototype aux recensements futurs dans les pays capitalistes de l'Occident et de l'Orient, dont la population présente jusqu'à présent des taches blanches au point de vue de la statistique des nationalités, des langues et des religions.

МАТЕРИАЛЫ

С. В. Иванов

Орнаментированные куклы ольчей¹

В последнее время наблюдается значительное повышение интереса к детской игрушке, изучаемой с различных точек зрения педагогами, психологами, искусствоведами и этнографами.

Большое внимание уделяется при этом проблеме новой советской игрушки, которая могла бы удовлетворить требованиям, предъявляемым к ней нашей современностью.

При всем том, однако, сведения об игрушках многочисленных народов нашего Союза отличаются крайней неполнотой.

Историко-этнографические данные по этому вопросу чрезвычайно скудны и мало разработаны; материалы, характеризующие игрушки отдельных районов и даже целых народностей, часто вовсе отсутствуют в наших музеях, а если и имеются, то представляют собою разрозненные, неполные и случайные наборы вещей, лишенные к тому же самых необходимых указаний об их употреблении и связанных с ними представлениях.

Социальная сторона национальных игрушек выясняется поэтому с большим трудом.

Если кое-что в этом направлении сделано для русской крестьянской и кустарной игрушки, то в отношении игрушек других народов СССР предстоит еще большая работа, в первую очередь собирательная, ибо примитивная национальная игрушка, в связи с ростом новой советской культуры, исчезает так же быстро, как и многие другие этнографические черты и особенности, пережиточно сохранившиеся от времен родового и феодального периодов.

Значение национальной игрушки, в частности куклы, как исторического документа, раскрывающего перед нами уже изжитые ступени общественного развития, давно уже осознано наукой, и потому останавливаться на этом вопросе мы не будем.

Отметим лишь, что дальневосточный материал этого рода представляет собою документ не менее яркий, чем, напр., русские куклы некоторых районов РСФСР, куклы таджикские, ненецкие и т. д.

Предлагаемый ниже материал по куклам ольчей (ульчей), одного из подразделений нанайцев, не может претендовать ни на полноту, ни на всестороннюю разработанность. Многие вопросы остались без ответа. На месте не все удалось разузнать; многое уже выветрилось в самом быту, иное упорно скрывается; кое-что ускользнуло от внимания в виду отсутствия возможности вести работу стационарным методом. Тем не менее мы думаем, что даже в той предварительной разработке, которую мы можем здесь предложить, материал по ольчским куклам может представить известный интерес, хотя бы потому, что публикуется впервые.²

¹ Из материалов Амурской экспедиции, организованной Музеем антропологии [и этнографии Академии Наук СССР летом 1927 г.

² Записанные нами на месте термины, относящиеся к куклам и кукольным принадлежностям ольчей, проверены по нашей просьбе преподавательницей нанайского языка в Институте народов Севера Т. И. Петровой, за что пользуемся случаем выразить ей свою благодарность.

1

В этнографических работах, а также в описях музейных коллекций под словом «кукла» встречаются предметы самого разнообразного назначения, часто ничего общего с игровой детской куклой не имеющие. Известны, напр., «куклы», изображающие покойников, куклы-модели, характеризующие национальную одежду или типы населения, «куклы», имеющие магическое значение, и т. д. Все это предметы, изготовляемые для взрослых и употребляемые только ими. Есть, наконец, «куклы», которые имеют двойное значение: и кукол-игрушек и предметов культа.

Публикуемый материал относится исключительно к куклам-игрушкам и никакого иного назначения, по крайней мере в настоящее время, не имеет.

Количество кукол на территории ольчей очень велико. Кукла — любимая игрушка девочек различного возраста и встречается буквально в каждом доме и в каждой семье. Кукол имеется два типа: описываемые ниже плоские куклы и куклы объемные, сделанные из дерева или материи. Кукол последнего типа встречается гораздо меньше, чем плоских, и они по виду приближаются к изображениям духов. Ноги у таких кукол отсутствуют. На этих куклах, так же как и на изображениях духов, имеется лицо с глазами, носом и ртом. Всегда ли так именно изображалась деревянная кукла, — судить трудно, так как данных по этому вопросу пока не имеется. Деревянная кукла называется «*tomó piktá*» (*tomó* — деревянный; *piktá* — «дитя», «ребенок»). Такие деревянные куклы дети кладут в берестяные люльки, качают, поют им те же песни какие поет мать ребенку, и дают им имена людей. Играют в эти куклы не только девочки, но и мальчики. Размер кукол 15—20 см. Точно так же играют и в матерчатые, объемные куклы.

Последние бывают размером до 40 см и имеют руки и ноги. Называли мне их описательно «*n'učini hupini piktá*» («маленького играющего ребенок»). В отличие от плоских кукол, в большинстве случаев изображающих взрослых персонажей, деревянные и матерчатые куклы представляют собою «грудных детей».

Обращение с ними в точности повторяет уход за детьми. Играя в эти куклы, девочки и мальчики усваивают в то же время все необходимые при этом традиционные приемы и правила в обращении с ребенком.

Наличие в детском инвентаре ольчей кукол двух типов указывает, повидимому, на различную их функцию. Весьма вероятно, что деревянные и матерчатые куклы-дети имели в прошлом магическое, а позже — узко воспитательное значение, в то время как плоские, видимо более поздние по времени куклы, изображающие взрослых, — назначение игровое. Кукла-ребенок, помещенная в игрушечную люльку, связывает ольчей с эвенками (ламутами), эвенками (тунгусами) и некоторыми другими народностями, у которых игровая кукла, изображающая взрослых, или вовсе не встречается или появилась сравнительно недавно, в то время как маленькие, игрушечные люльки с куклами-детьми встречаются довольно часто.

Плоская, бумажная или матерчатая, кукла называется у ольчей *hāqua*. Термины *piktökö* и *rudžika*, означающие на языке ольчей, по P. Schmidt¹ куклу, мне, применительно к плоским куклам, слышать не пришлось.

Возможно, что слово *Piktökö* записано у ольчей, живущих в соседстве с негидальцами, ибо на языке последних кукла того же типа, что и у ольчей, называется *hutöxön*.² *hutö* здесь значит ребенок (у ольчей — *piktá*), а *xön* — уменьшительный суффикс, которому соответствует суффикс *kö* в слове *piktökö*.

¹ P. Schmidt. The language of the Negidals. Acta Universitatis Latviensis, V, Riga, 1923, p. 19.

² Там же, стр. 274, 275.

Рис. 1. Молодая женщина за изготовлением кукол. Селение Халан.

Что касается второго названия — *rudžiká* (правильнее *rudžikó*), то оно на языке ольчей означает девочку, а также девушку состоятельных родителей. В настоящее время это слово употребляется только в сказках и рассказах.

Возможно, что этот термин относится не столько к куклам, сколько к религиозным изображениям. По крайней мере у гольдов, имеющих близкие к ольчам названия изображений духов, под именем «пучику» фигурирует изображение духа, помогающего охотнику убить соболя.¹

На эти куклообразные изображения указывают и другие авторы. Так, в каталоге Томского музея под № 1702 значится:

«Идол сшитый из холста, вроде детской куклы; набивается лосиной шерстью. Служит для успешного промысла соболей (гольды или гиляки)».²

Сходство этих религиозных изображений с куклами настолько велико, что даже у Л. Я. Штернберга в гольдском словаре под словом *ruzikú* значится кукла.³

Ольчское слово *háqua* ближе всего стоит к ороческому *gaikiá*, означающему и куклу и игрушку вообще.⁴

У гольдов в том же значении детской игрушки известно слово *ahkhu*,⁵ или *окоан*.

¹ П. Шимкевич. Материалы по изучению шаманства у гольдов. Зап. Приам. отд. Русск. геогр. общ., т. II, вып. I, Хабаровск, 1896, стр. 53.

² В. М. Флоринский. Археологический музей Томского университета. Томск, 1888, стр. 109.

³ Л. Я. Штернберг. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933, стр. 512.
⁴ Леонтович. Русско-ороченский словарь. Зап. общ. изуч. Амурск. края, т. V, вып. II, Владивосток, 1896, стр. 81, 72; P. Schmidt. The language of the Oroches. Acta Universitatis Latvianis, XVII, Riga, 1928, p. 33.

⁵ П. Протодяконов. Гольдско-русский словарь. Владивосток, 1901.
В цитированном уже издании трудов Л. Я. Штернберга, включающем небольшой словарь гольдских слов, приводится слово *ак*: *иа* в значении «выкройки спины женской одежды» (Л. Я. Штернберг, указ. работа, стр. 511). Необходимо отметить, что здесь вкралась ошибка. Слово это относится не к женской одежде вообще, а только к выкройке спины женской кукольной одежды. Что это действительно так, убеждает нас музейная опись коллекции Л. Я. Штернберга, собранная и зарегистрированная им же самим в 1910 г. (Опись хранится в Музее Института антропологии и этнографии Академии Наук СССР.) В описи этой коллекции под № 1765—143 значится: «„акуа“ выкройка спины женской одежды для куклы» (гольды, селение Торгон). Транскрипция слова в издании почему-то расходится с описью музея.

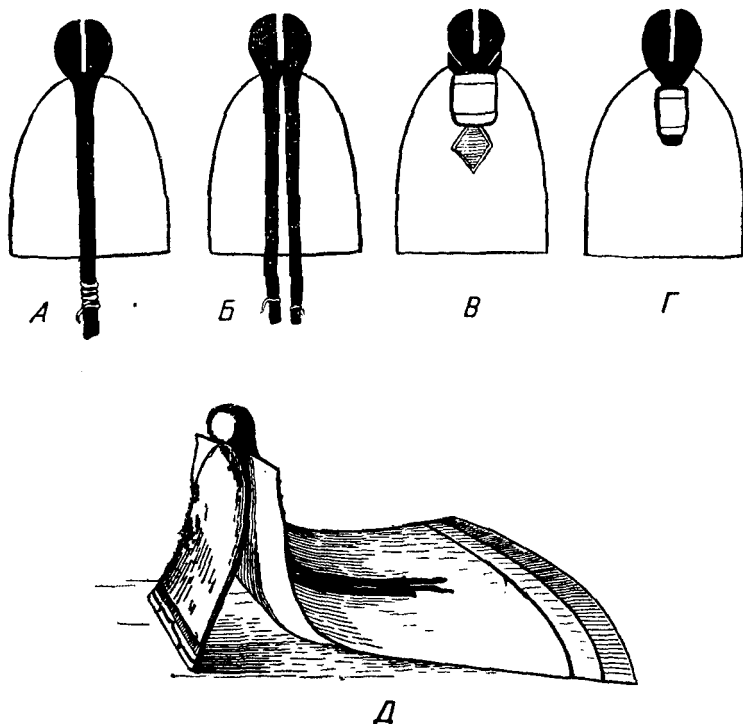

Рис. 2. Типы кукол: А — «женатый мужчина», Б — «замужняя женщина», В — «девица», Г — «парень», Д — «сидящая» кукла.

На ряду с общим термином *háqua*, у ольчей мне приходилось слышать и другие названия для кукол, описательного порядка, более подробно характеризующие кукольные персонажи с точки зрения половозрастных и социальных отличий. Так, напр., небольших куколок, изображающих детей, мне называли *háqua piktəni*, кукол-девочек (в «возрасте» от 5 до 10 лет) — *aštəaqá*, кукол-девочек — *patal'a*, кукол-парней — *n'aud'aqo*, замужних женщин — *əktəni*, женатых мужчин — *husəni*. Кроме того, указывали на старух — *татаща* и стариков — *тараща*. Эти обозначения соответствуют терминам в области социальных отношений.

Ольчская кукла, так же как и кукла соседних народностей, имеет, за исключением головы, плоскую форму (рис. 2). Голова обычно делается из белой тряпки, которая кроме лицевой части обшивается черной материей (волосы), переходящей сзади в свободно свисающие полоски (косы). На некоторых старых экземплярах голова кукол сделана из рыбьей кожи. На середине головы имеется пробор, состоящий из узенькой матерчатой или бумажной полоски белого цвета. Матерчатая голова пришивается или приклеивается к плоскому бумажному или матерчатому туловищу куклы. Туловище всегда бывает коротким и не имеет ни рук ни ног.

Иногда, в особенности у нанайских кукол, на одежде бывают короткие рукава, однако и в этом случае сами руки отсутствуют.

Размер собственно куклы, т. е. той части ее, которая представляет собою туловище с головой, невелик: высота фигуры обычно не превышает 8—12 см. Что же касается одежды, точнее халатов, то они всегда значительно длиннее самой куклы, иногда больше чем вдвое. Одежда никогда не прикрепляется и не надевается на фигурку. Она лишь прикладывается к ней сзади и прижимается

к туловищу при помощи кос.¹ Такой способ с большей легкостью позволяет менять на куклах одежду (рис. 2-Д).

Изготавливаются куклы как самими детьми (девочками), так и взрослыми женщинами.

В настоящее время материалом для кукол служат цветная бумага и материи русского или китайского происхождения (табл. II).

Что касается более старых образцов, то в них кроме материи большую роль играет еще тонкая очищенная береста (табл. I).

Матерчатые части шиваются обыкновенной ниткой, берестяные и бумажные склеиваются и наклеиваются друг на друга при помощи рыбьего клея. Рис. 1 показывает процесс изготовления бумажной куклы молодой женщиной. Палочку твердого рыбьего клея, который каждую минуту может понадобиться при работе, мастерица держит в зубах.² Перед употреблением клей смачивается слюной и необходимое место натирается сырым концом палочки.

Особые признаки кукольных персонажей указывают на их возрастные, половые и социальные отличия. Куклы прежде всего различаются по прическе (рис. 2). Так, кукла, изображающая неженатого мужчину, имеет одну косу, сложенную в несколько раз и перевязанную тесемочкой (рис. 2-Г). У женатого длинная коса спускается по спине во всю длину куклы (рис. 2-А); кукла-девушка имеет две косы, сложенные в несколько раз и перевязанные тесемочкой, иногда с особым украшением — подвеской на конце (рис. 2-В), называемой *mangli*. Кукла, изображающая замужнюю женщину, снабжается двумя длинными косами (рис. 2-Б). Что касается кукол-старух, то они узнаются по более простой и бедной одежде. В одном случае мне указали, что головы у таких кукол вовсе не делаются и косы пришиваются прямо к туловищу.³ Однако проверить это на других экземплярах мне не удалось.

Помимо прически женскую куклу можно узнать по ушным серьгам (*sihó*), которые, впрочем, имеются на куклах далеко не всегда (табл. I-А). Серьги состоят из одного или нескольких проволочных колечек, иногда с бусинкой или шерстинкой на конце. Количество колечек соответствует обычно числу серебряных колец, которые носят в ушах женщины ольчей.

Кроме причесок и украшений куклы различаются еще по одежде. Мужские халаты бывают обыкновенно окаймлены по подолу одной или несколькими прямыми полосками различных цветов (табл. II-Б); женские имеют по подолу узор, состоящий из ритмических повторяющихся кружков, ромбиков и других фигур, имитирующих пришиваемые только к женским халатам ряды медных подвесок или китайских монет, заменивших собою более древние подвески из раковин (табл. II-А, табл. I-Б).⁴

¹ Лишь в одном случае я встретил маленькую куколку-ребенка, на которой был надет через голову двойной бумажный халатик (табл. II-В). Что касается нанайцев, то у них кукла иногда приклеивается или пришивается к халатику.

² Снято летом 1927 г. в селении Халан.

³ Одна кукла подобного рода доставлена мною в Музей антропологии и этнографии Акад. Наук СССР (№ 3634—66). Однако наличие двух кос с украшением (*mangli*) на конце как будто указывает на то, что это изображение девушки, а не старухи.

⁴ Безголовые, всегда парные, куколки, одетые, как и на Амуре, в бумажные платья-халатики, известны в Японии. Остов их состоит из палочки, к верхнему концу которой приклеен пучок ниток, изображающих волосы. Эти куклы посылались, вместе с подарками, первого числа 8 месяца тому семейству, в котором родилась девочка (Steward Culin. The story of Japanese Doll. Asia, October, 1922, p. 784).

⁴ В настоящее время раковины, повидимому, уже вышли из употребления. По крайней мере, мне ни разу не пришлось их видеть на женской одежде. Однако у авторов XIX в. можно встретить указания на этот вид украшения у женщин (Р. Маак. Путешествие на Амур. СПб., 1859, стр. 179). Д. Позднеев отмечает раковины на подолах женских одежд у манчжурских гольдов (Описание Манчжурии. СПб., 1897, стр. 230—231).

В Музее Института антропологии, археологии и этнографии Академии Наук СССР есть фотоснимок с семьи богатого ороча. На подоле халата женщины нашиты раковины (№ 4398—1).

Табл. I. Старинная кукла из материи, с принадлежностями. Селение Удан. Давность 60 л. А — кукла женщина, Б — тройной халатик для куклы, В — одеяло, Г — подушка, Д — подстилка, Е — настенный коврик.

Иногда вместо ажурных или накладных узоров на подолах более старых кукол попадают семена растений, птичьи перья или мелкие наружные хрящевые части рыб из породы осетровых (табл. I-Б).

Как известно, в Китае и у многих других народов различные раковины имели в старину значение денег (Палладий и Попов. Китайско-русский словарь, т. I, Пекин, 1888, стр. 49—50).

Халаты кукол представляют собою наиболее интересную часть кукольного инвентаря. Они состоят из одного или нескольких кусочков бумаги, материи или меха и бывают отделаны только с одной внешней стороны, причем этой стороной оказывается всегда спина, а не перед халата (табл. I-Б, табл. II-А).

В этом отношении куклы повторяют то, что мы видим и на настоящих, богато орнаментированных праздничных женских одеждах. Последние больше и лучше всего украшены со стороны спины. Любопытное и заслуживающее внимания объяснение этого явления И. И. Козьминский получил от нанайцев, расшитые женские одежды которых также богаче всего украшены на спине. Женщины, по словам нанайцев, согласно прежнему обычаю, при входе в дом посторонних мужчин должны были поворачиваться к ним спиной и в такой положении оставаться в течение всего времени, пока эти люди находились в доме.¹ Спина, следовательно, была наиболее бросающейся в глаза частью женской одежды, а потому и украшалась богаче. По цвету, покрою, узорам и материи халатов можно определить, какую одежду они воспроизводят: бедную, богатую, будничную, праздничную, летнюю или зимнюю. Белые бумажные халаты с узором из синей бумаги подражают летним одеждам из рыбьей кожи, которые до сих пор еще в ходу на Амуре. Тряпочные халаты с пришитой к ним меховой шкуркой соответствуют зимней одежде. Мало или вовсе не украшенные узорами халаты означают будничную одежду или одежду бедняков: наоборот, богато орнаментированные указывают на богатую, праздничную одежду. Кроме того, одежда различается по своему покрою. Так, напр., среди халатиков можно встретить мужские безрукавки (*gal'ada*), по типу похожие на монгольские; зимние меховые халатики (*háqua эгиэни* — куклы шуба), подбитые мехом выдры, часто с узором в клетку; праздничные, вся спинка которых покрыта узором в виде чешуек. Они сделаны из рыбьей (сазаньей) кожи и называются *kəsté*, что значит «чешуя рыбы». Часто встречаются обычные халатики, называемые *lebili*. Они гладкие, без узоров, но с воротником (*mongoskú*) и с полосками на подоле. К женской будничной одежде относятся двойные халатики, состоящие из нижней рубашки *roǰto* и верхней одежды *Карšim'á*, имеющей воротник, и *аѝи* — мелкие ромбики или кружки на подоле, имитирующие шумящие медные подвески. Летние халатики, сшитые из рыбьей кожи, называются *агми*. Наиболее богато орнаментированные праздничные и свадебные женские халаты *džaka* бывают иногда с рукавами и имеют разрез на спине.

Будучи сделаны из мягких материалов, куклы отличаются неустойчивостью. Поэтому их обычно рассаживают. Сидящая кукла выглядит довольно оригинально: короткий корпус куклы устанавливается вертикально или слегка наклонно, халат же, как более длинный, отгибается назад и раскладывается по полу в горизонтальном направлении. Обе части куклы, таким образом, взаимно удерживают друг друга (рис. 2-Д). «На ночь» каждая семейная пара кукол укладывается на постель, причем куклы накладываются одна на другую и покрываются одеялом.

Кукольная постель состоит из подстилки-тюфячка *sektipi* (табл. I-Д, II-Г, III-А, IV-А, Б, также рис. 3 и 4 в тексте), длинной валиковой двуспальной подушки *tirəptu* (табл. I-Г; II-Е) и одеяла *pultu* (табл. I-В; II-Д).

«Днем» на стене, около которой располагаются куклы, навешиваются особые кукольные настенные коврики-циновки (*hondori*), подражающие настоящим настенным циновкам ольчей, сделанные из материи, бересты или бумаги.

Все эти принадлежности кукольного инвентаря лишний раз подтверждают, что детская игрушка является подражанием окружающей ребенка действительности.

¹ Личное сообщение.

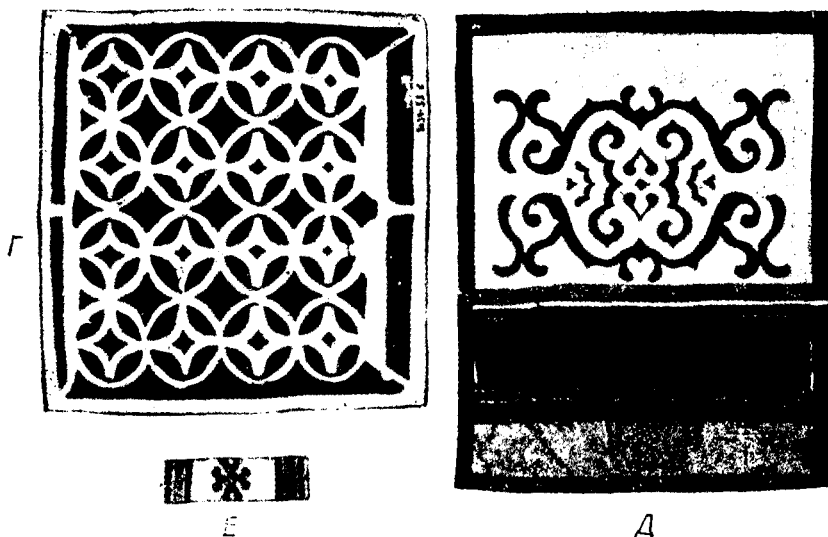
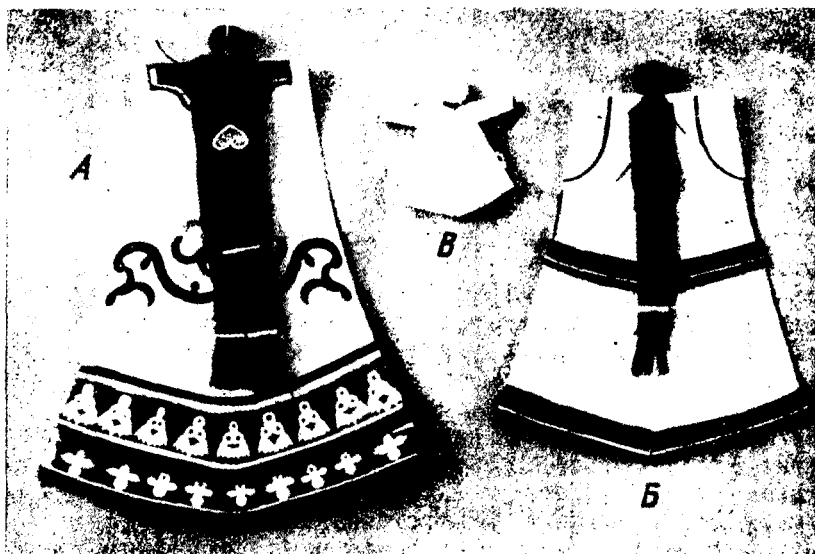

Табл. II. Современная бумажная кукла с принадлежностями. Селение Удан. А — «жена», Б — «муж», В — «ребенок», Г — подстилка, Д — одеяло, Е — подушка.

Во время игры куклы объединяются детьми в различные комплексы, из которых чаще всего мне приходилось видеть «семью» или несколько семей, т. е. то, что обычно видит ребенок дома.¹

Игра в куклы сопровождается иногда разговорами детей, ведущих друг с другом беседу от имени кукол. Играют в «гости», в «свадьбу» и т. д.

Кукольные халатики, одеяла, туфяки и подушки бывают покрыты богатым орнаментом. Прежде чем перейти к характеристике последнего, мы хотели бы

¹ В одном ольчском доме помещается обычно несколько семейств.

остановиться на некоторых особенностях самих кукол. Эти последние, с одной стороны, объединяют куклы ольчей с куклами других народов Сибири, с другой — отличают их от последних.

2

Мы уже отмечали выше, что на территории ольчей количество кукол весьма значительно.

Столь же широкое распространение кукол, сходных по типу с ольчскими, мы находим и у других этнографических групп и народностей Амурского бассейна — нанайцев (гольдов), негидальцев, орочей и нивхов (гиляков).

Это обилие кукол само по себе заслуживает быть отмеченным. Дело в том, что кукла-игрушка распространена в таком количестве далеко не у всех народов, находившихся до революции на стадии родового быта и даже феодализма. Известное значение в этом отношении сыграло примитивное религиозное мышление. Известно, напр., что Коран, и в особенности комментарии к нему, запрещали как живописные, так и скульптурные изображения человеческих фигур на том основании, что в день «последнего суда» изображенные персонажи придут к художнику и потребуют от него свои души. Человек же, который не может дать душу своим творениям, будет сожжен в вечном пламени.¹

Этот страх перед фигурами на много столетий лишил так наз. мусульманское искусство наиболее интересной тематики, т. е. изображений человека и животных.² Само собою разумеется, что указанный запрет не мог не отразиться и на игрушках. Багдадские женщины, напр., не дают детям кукол из боязни, что последние могут неожиданно ожить и принести вред детям.³ Среди таджиков наиболее ревностными мусульманами куклы также преследовались.⁴ По мнению казахов, куклы являлись образами злых духов-шайтанов.⁵

Все это понятно там, где мы находим религиозную идеологию ислама. Однако боязнь давать детям в руки человеческие изображения встречается и у таких народов, где никакого влияния ислама нет и не было.

Так, напр., у монгол-халхасцев, по словам К. В. Вяткиной, кукол вообще нет.⁶ У бурят куклы появились только под влиянием русских, да и то не везде. У хакасов и тувинцев кукла как игрушка также, видимо, недавнего происхождения, ибо название для нее как у тех, так и у других, заимствовано из русского языка («кёкле»)⁷

Якутские дети играют теперь в куклы, однако еще не так давно родители не решались давать детям человеческую фигурку в качестве игрушки. Серошевский приводит интересный факт, указывающий на боязнь человеческих изображений. Будучи однажды в одном якутском доме, он захотел позабавить ребенка

¹ Б. Денике. Искусство Востока. Казань, 1923, стр. 10—11.

² Совершенно правы В. Чепелев и Б. Веймарн, усматривающие в самом появлении и развитии изобразительной тематики в искусстве народов Советского Востока факт громадного революционного значения, ибо, пишут они, борьба за эту тематику является в то же время борьбой против Ислама, запрещавшего ее. (См. статью «Искусство Советского Востока» в журнале «Советский музей» № 3, 1933.)

³ В. Харузина. Игрушки у малокультурных народов. Сборник «Игрушка», М., 1912, стр. 129.

⁴ Е. М. Пещерова. Доклад об игрушках таджиков в Гос. географич. обществе в Ленинграде в декабре 1933 г.

⁵ Х. Кустанаев. Этнографические очерки киргиз Перовского и Казалинского уездов. 1894, стр. 47.

⁶ Личное сообщение.

⁷ П. Островских. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края. Живая старина, вып. III—IV, СПб., 1895 г., стр. 325 (качинцы); Е. Яковлев. Каталог Этнографического отдела Минусинского музея. Минусинск. 1900, стр. 112 (тувинцы).

вырезанной им лично куколкой. Увидев фигурку, мать ребенка испугалась и потребовала немедленного уничтожения изображения.¹

Делать куклу из дерева, по словам якутки М. Н. Ионовой, считалось грехом, так как «было делом шаманским».²

У эвенков (тунгусов), процесс обрусения которых пошел гораздо дальше, мы встречаем в настоящее время достаточное количество тряпочных кукол, похожих на куклы русских крестьян. Однако в старину кукла у эвенков, повидимому, отсутствовала или, в лучшем случае, заменялась обыкновенной бабкой. Подобные куклы-бабки до сих пор еще в употреблении у западносибирских эвенков.³ Что же касается до эвенков Охотско-камчатского края, то у них еще в конце XIX в. не было никаких кукол.⁴

Мы видим, таким образом, что боязнь человеческих изображений свойственна не одним только мусульманам. Наличие такой боязни у шаманистов указывает на то, что она появилась задолго до ислама и буддизма.

Очевидно, этой боязнью отчасти и объясняется подмена у некоторых народов настоящих кукол их подобием. Вместо человеческих фигурок мы встречаем простые необделанные куски дерева, косточки и другие предметы, иногда одетые в костюмы. Таковы, напр., куколки кетов, основу которых составляет плечевая кость белки или глухаря,⁵ упомянутые выше бабки эвенков и т. д.

В. Харузина высказывает предположение, что, повидимому, должно было пройти порядочно времени, прежде чем в руки детей попало человеческое изображение в роли игрушки.⁶ Предположение это имеет, как нам кажется, весьма веские основания. Во всяком случае оно верно, повидимому, для всей стадии развитого анимистического мировоззрения, ибо даже у тех народов, где человеческие фигурки употребляются детьми в качестве игрушек, они в большинстве случаев бывают лишены некоторых деталей. Эти детали считаются опасными, ибо связываются с понятием об оживлении или одушевлении изображений.

Чаще всего отсутствует у кукол лицо. Вспомним хотя бы куклы таджиков, на месте лица которых вышивается ромб, иногда перекрещенный внутри, или известные куклы ненцев (самоедов) и ханты (остяков). У кукол этих последних народностей лицо также отсутствует или заменяется птичьим клювом. Д. Янович в письме к В. Харузиной сообщает, что, по представлениям ненцев и ханты, каждому изображенному человеческому лицу непременно соответствует в мире духов свой гомолог, и поэтому приделать кукле такое лицо считается совершенно непозволительным и даже кощунственным; тот, кто играет с подобной куклой, совершает тяжкий грех.⁷

Этим же объясняется, повидимому, замена головы куклы обыкновенной пуговицей, что мы находим, напр., у эвенков.⁸

Особый интерес представляют запреты на изображения глаз. Та же М. Н. Ионова рассказала мне, что якуты, хотя и давали своим детям бабки в качестве кукол, однако ни в коем случае не разрешали им изображать на месте лица глаза, равно как и приделывать руки. И то и другое считалось грехом, так как приближало куклу к шаманским изображениям.

Подобные же идеи мы встретили и у ольчей, которые также остерегались изображать не столько лицо само по себе, сколько глаза, ибо с последними связы-

¹ В. Л. Серошевский. Якуты. СПб., 1896, стр. 412—413.

² Личное сообщение.

³ Г. Василевич. Игры тунгусов (Этнограф-исследователь, № 1, Лгр., 1927, стр. 30).

⁴ Слюнин. Охотско-камчатский край. Т. I, СПб., 1900.

⁵ См., напр., коллекции Музея антр. и этногр. Акад. Наук СССР, № 4034-144 и 145, также статью Н. Findelsen: «Der Mensch und seine Teile in der Kunst der Jenissejer (Ketó)», Zeitschrift für Ethnologie, Heft 5/6, 1931, Berlin, 1932, Abb. 11.

⁶ В. Харузина, ук. соч., стр. 130. (Сообщение относится к началу XX в.)

⁷ В. Харузина, ук. соч., стр. 130.

⁸ В музее ИАЭ есть подобные куклы в коллекции № 4103—10, 11, 12 (эвенки обско-енисейского водораздела).

валось представление об оживлении всей фигурки. Когда я однажды попросил одного старика из селения Удан¹ сделать мне копию деревянного изображения духа, которое он ни за что не соглашался уступить для коллекции, то он очень охотно и быстро изготовил требуемую фигуру, но наотрез отказался при этом сделать глаза (два легких укола кончиком ножа). В ответ на мою просьбу довести работу до конца он предложил мне сделать это самому. Позже я выяснил, что старик хотел снять с себя ответственность за «оживление» изображения и переложить ее всецело на меня, ибо, как оказалось, изображение глаз являлось, по представлениям ольчей, необходимым и благоприятным моментом для вселения в фигуру духа, будущего хозяина данной материальной оболочки.

Насколько большое значение придавали ольчи изображению глаз, видно хотя бы из того, что если после произведенного шаманом «вселения» духа в изображение оказывалось, что последнему забыли сделать глаза, то весь процесс оживления начинался снова, причем для повторного вселения духа старая фигура считалась уже непригодной. Необходимо было изготовить новую фигуру.²

Самагиры, по словам И. И. Козьминского, могли обрабатывать различно человекообразные скульптурные фигурки духов только до тех пор, пока на них не сделаны глаза. После того как последние нарисованы, вставлены или наколоты, никакие поправки и даже простое прикосновение к фигурке ножом не допускались.³ Причина ясна: с появлением глаз изображение считалось ожившим и, следовательно, способным ощущать боль при порезах.

При наличии подобных представлений становится совершенно понятным, что на куклах ольчей, так же как и на куклах многих других народов, лицо не изображается. В этом отношении представления ольчей вполне сходны с представлениями нивхов (гиляков), нанайцев, орочей, негидальцев, а также с представлениями ряда народностей, исповедующих ислам.

На ряду с этим, широкое вхождение игровой куклы в инвентарь детских игрушек показывает, что кукла существует в пределах Амурского бассейна уже давно, хотя и удерживает пока древнюю традиционную форму, лишенную лица, рук и ног. Среди эвенков и эвенов (необрусевших) указанного явления не наблюдается.

Чрезвычайно любопытно, что у негидальцев количество кукол постепенно убывает, начиная от устья р. Амгуни и кончая ее верховьями, т. е. с удалением от Амура.⁴

Все это позволяет, как нам кажется, наметить по отношению к куклам тунгусо-манчжурских народностей следующие этапы в развитии их формы и содержания: ранний период, когда кукла изображает грудного ребенка и имеет магическое значение;⁵ более поздний, когда она осмысливается как изображение ребенка или взрослого, причем, под влиянием анимистических идей, лишается некоторых деталей тела или даже заменяется бабкой, чуркой, тряпочкой; количество же кукол при этом может возрастать. Наконец, позднейший период, в течение которого кукла приобретает все большее и большее сходство с человеческой фигурой. В связи с ослаблением анимистического мировоззрения

¹ Это было в 1927 г.

² Любопытно, что с подобным же отношением к глазам мы встречаемся и в буддизме, где идеи, связанные с этим моментом, несомненно являются отголоском более древних, добуддийских, религиозных представлений. В Китае, напр., последний штрих на глазе нового изображения, выражающийся в нанесении зрачков, сопровождается особым празднеством. Это совпадает с освящением изображения, после чего начинается уже поклонение ему. (Палладий и Попов. Китайско-русский словарь, т. I, Пекин, 1888, стр. 114 и 271). То же мы видим и на о. Цейлоне, где обряд рисования глаз считается благочестивыми буддистами торжественным праздником (Г. Спенсер. Основания социологии, т. II, 1898, стр. 546).

³ Личное сообщение.

⁴ Сведениями о негидальцах обязан К. М. Мыльниковой.

⁵ В иных случаях «кукла» может быть изображением духа, охраняющего ребенка, позже перешедшего в игрушку.

постепенно исчезают запреты на изображения тех или иных частей тела куклы. Кукла приобретает значение исключительно игровое, персонажи кукол количественно еще более возрастают и разнообразятся. В связи с этим появляется различный кукольный инвентарь (дети нанайцев, напр., устраивают для своих кукол игрушечные дома), которого раньше не было. Разнообразится самый ассортимент игрушек: для кукол требуется посуда, утварь, пища, миниатюрные лодки и т. д.

3

Орнаментация кукольных принадлежностей отличается богатством и разнообразием форм, что стоит в прямой связи с таким же богатством орнаментации тех бытовых предметов, которые находят свое отражение в куклах, т. е. мужской и женской одежды, подушек, подстилок и одеял. Поскольку украшения кукольных предметов подражают орнаментации подлинных вещей, постольку их следовало бы изучать вместе с последними как одно целое. Однако подобное рассмотрение завело бы нас слишком далеко, ибо орнаментация перечисленных бытовых предметов представляет собою явление весьма сложное и, к сожалению, пока мало изученное. Едва ли мы ошибемся, если скажем, что по богатству, разнообразию и сложности узоров орнаментация одежды занимает одно из первых мест в системе памятников бытового искусства ольчей, также, впрочем, как и всех других родственных им соседних этнографических групп. Поэтому в отношении художественной стороны кукольной одежды и прочего инвентаря, мы вынуждены ограничиться лишь самой общей характеристикой.

Из тех н и ч е с к и х приемов орнаментации преобладающим видом является аппликация. Вырезанные из рыбьей кожи, бересты или бумаги узоры накладываются на материю или бумагу и приклеиваются к ней рыбьим клеем. В редких случаях подкладной фон оказывается состоящим из бумаги или материи одного какого-нибудь цвета. Чаще всего можно наблюдать несколько разноцветных лоскутков или обрезков бумаги, образующих фон для одноцветного, в большинстве случаев белого узора. Объясняется это не только экономией материала, но также желанием получить полихромный фон, который наблюдается во многих художественных работах ольчей, в особенности в тех, где применяется аппликация.

П о ф о р м е орнаменту на кукольных вещах можно разделить на прямолинейную и криволинейную, причем последняя преобладает. Простейший вид орнаментики составляют различного цвета полосы, которыми окаймляются халаты, одеяла и подушки. Более сложная прямолинейная орнаментика встречается на кукольных подстилках (sektipú), сделанных из материи и подражающих плетеным циновкам (saqtá), которыми устилаются нары. Цветная материя нарезана полосками, переплетенными в узор, причем белые полоски составляют как бы основу подстилки (рис. 4). Криволинейная орнаментика очень разнообразна. Из ее элементов назовем волнистую линию, круг, скобообразную фигуру, зигзаг (редко), различные спирали, чешуйчатый узор, наконец, круг, имитирующий китайскую медную монету с квадратным отверстием в центре (табл. II-Г).

При помощи плавных кривых линий изображаются также различные животные.

П о с ю ж е т у орнамент на кукольных принадлежностях разделяется на геометрический и зооморфный. Упомянув о «геометрической» орнаментике, мы оговариваемся, что понимаем ее в чисто условном смысле. То, что мы называем геометрическим, может оказаться стилизацией предметных изображений, значение которых давно утрачено или нам неизвестно. К геометрическому орнаменту относятся перечисленные выше формы, к зооморфному — изображения бабочек, птиц, драконов, рыб, пресмыкающихся и оленей. В одних случаях изображения

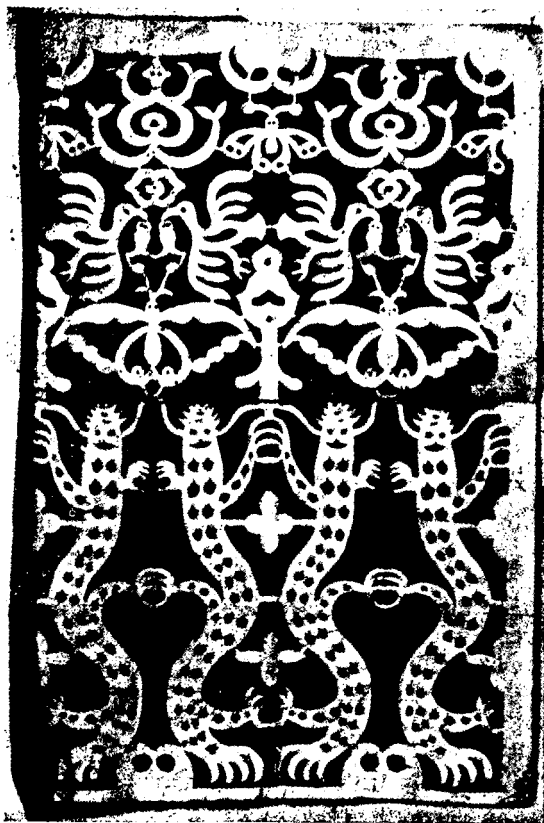

Рис. 3. Кукольная подстилка из селения Удан. Бумажный узор на черной материи. 22×35 см.

ние в большинстве случаев даются в упрощенной и притом несколько стилизованной форме. Наиболее часто встречается птица, держащая в клюве рыбу (табл. I-Д)— сюжет, широко известный не только ольчам, но также и соседним с ними гилякам и нанайцам. Реже попадает драконовый орнамент (табл. III-Б) или его части, напр., чешуя (табл. IV-Б). Более реалистическая форма дракона приводится нами на рис. 3. У каждого из драконов на табл. III-Б, называемых на языке ольчей pudug, на месте головки изображен спиральный завиток. По словам женщин, у которых мы нашли этот орнамент,¹ вырезать голову дракона считалось грехом. Здесь мы опять сталкиваемся с той же боязнью изображения головы, глаз, о которой упоминали выше, когда касались вопроса об отсутствии лица у кукол. Правда, это табу на изображение головы дракона далеко не везде в настоящее время соблюдается. На некоторых кукольных халатах встречаются драконы с головами. Однако сюжет дракона вообще редок на территории ольчей. Количество драконов в орнаментике нанайцев (гольдов) уже значительно больше и постепенно возрастает по направлению к границам Китая.

Самый тип дракона у ольчей и нанайцев проще чем у китайцев и ближе к ящерице, в то время как в Китае он представляет собою сложную комбинацию нескольких животных.

Орнаменты, целиком состоящие из животных, рыб и птиц, — явление очень редкое, и, несомненно, пережиточно сохраняющее старинный тип украшения

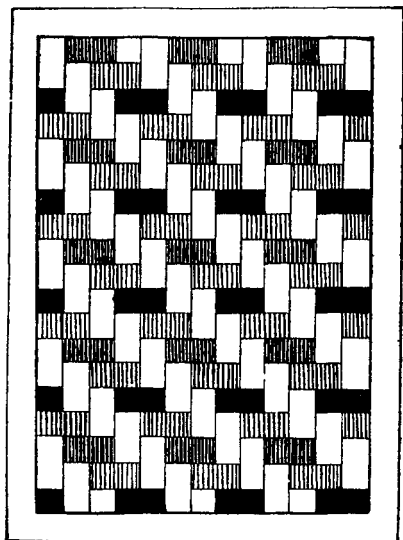
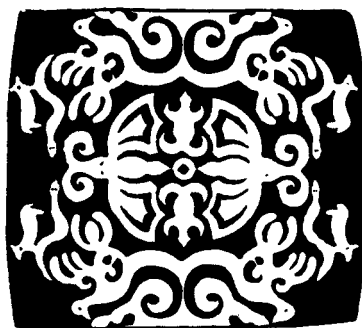

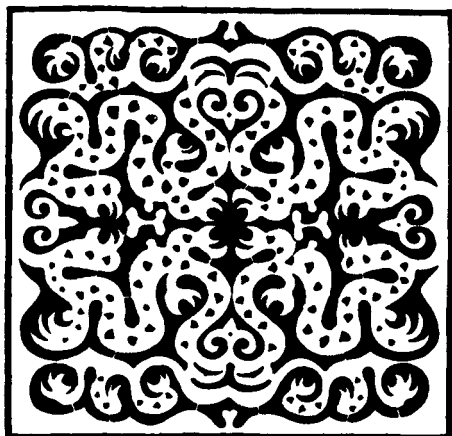
Рис. 4. Кукольная подстилка из бумаги, подражающая плетеным циновкам. Селение Удан. 14×20 см.

отдельных животных лишь вставлены в пышную систему спиралей (табл. I-Д), в других, более редких, животные образуют самостоятельную композицию. Расположение как геометрических, так и зооморфных фигур строго симметрично. Перечислить точно отдельные виды животных довольно трудно, так как послед-

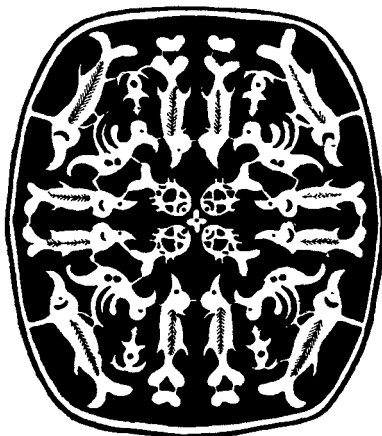
¹ Дом Айдану Дичули в селении Удан.

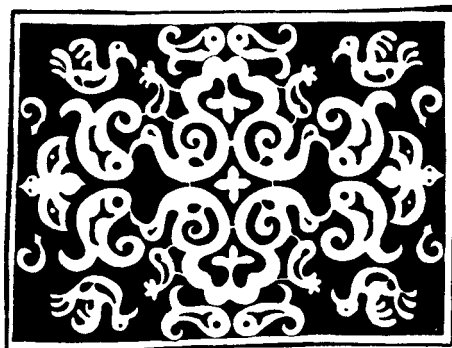
А

Б

В

Г

Табл. III. Образцы орнамента на кукольных подстилках. А — селение Удан. Бумажный узор на цветной бумаге. 22 × 22 см. Б — сел. Удан. Берестяной узор на материи. 34 × 36 см. В — сел. Удан. Берестяной узор на цветной материи. 20 × 24 см. Г — сел. Халан. Бумажный узор на материи. 20 × 24 см.

кукольных вещей. На подлинных вещах (подстилках) этот орнамент не сохранился. Зооморфные орнаменты, приводимые нами на рисунке табл. IV-А и табл. I-Е, ничем не отличаются от подобных же образцов, собранных Л. Шренком у гилияков 80 лет тому назад.¹ Изображения рыб, встреченные нами на кукольных подстилках, отличаются реалистическими чертами, позволяющими определить виды рыб; так, самые крупные рыбы на табл. III-В, по объяснению ольчей, изображают «калугу»;² парные рыбы того же типа, но поменьше — «осетров», а центральные, круглые — «карасей»; узор дополняется «утками» и «лягушками».

Кукольная подставка с узором, данным на табл. IV-А, очень старая. Орнамент вырезан из белой бумаги и наклеен на темную материю. Центр занят сложным спиральным узором, вокруг которого расположены многочисленные изображения животных — птиц, рыб и пресмыкающихся. Среди птиц — фигура летящего орла, построенная по старому канону, в точности повторяющему тип гилияцкого орла, приводимого на XXVI таблице второго тома Л. Шренка.

¹ См. таблицы XXVI и XXVII второго тома его труда «Об инородцах Амурского края», СПб., 1899. Подлинники хранятся в Музее Института антропологии, археологии и этнографии Академии Наук СССР. Там же хранится и оригинал ольчей, воспроизведенный в настоящей работе на табл. I-Е.

² *Huso dauricus Georgi* — рыбы из семейства осетровых, принадлежащие к одному роду с белугой. Имеют заостренное рыло. Длина калуги достигает 3 м.

Среди животных мы встречаем редкое у ольчей изображение оленя и какое-то животное, морда которого оканчивается пяточком (табл. IV-A).

Наиболее тонко выполненный, очень старинный образец зооморфного орнамента дан на табл. I-E. Предмет представляет собою hondogi — настенный коврик кукол. Узор вырезан из очень тонкого слоя бересты, материала, широко употреблявшегося встарину и постепенно вытесняемого бумагой. Различные породы рыб, змейки, бабочки, птицы, ящерицы и какие-то четвероногие, будучи соединены в симметричную композицию, создают на фоне цветного шелка впечатление тонкого кружева.

Близкие к ольчам по характеру зооморфные орнаменты имеются и у нанайцев. Образцы их приводятся В. Laufer'ом на рис. 20, 21, 22.¹

На большинстве фигур животных как у ольчей, так и у гилияков и нанайцев можно видеть глаза. Очевидно, запрет на изображение их ограничивался только фигурой фантастического дракона.

Таковы внешние формальные особенности изображений.

Обратимся теперь к другой стороне этого искусства, — к с о д е р ж а н и ю, без учета которого как форма, так и сюжетика искусства не могут быть поняты.

Какое же значение имеют все эти изображения?

Само собою разумеется, что на кукольных вещах оно в н а с т о я щ е е в р е м я только декоративное, но на вещах того старинного типа, которому подражают кукольные принадлежности, изображения животных имели определенный смысл. Раскрытие этого смысла представляет, однако, задачу далеко не легкую. При попытке подойти к разрешению этого вопроса, мы неизбежно сталкиваемся с религиозной идеологией ольчей, совершенно пока еще не изученной

Мысль о том, что изображения перечисленных животных могли возникнуть по чисто эстетическим соображениям, следует отбросить прежде всего потому, что как птица, так и пресмыкающиеся составляют вполне устойчивую тематику некоторых амулетов и часто встречаются на различных шаманских атрибутах. А мы хорошо знаем, что на вещах подобного рода изображения не бывают случайными.

Анимистическое мировоззрение каждый предмет наделяет особой душой или видит в нем местопребывание духа. Есть духи жилища, духи порога, духи двери и т. д. Но душу имеют не только животные, растения или вещи. Л. Я. Штернберг писал о гилияках: «всякое изображение имеет душу того целого или части живого существа, на подобие которого оно сделано».² Для ольчей, пережиточно сохранивших еще до настоящего времени осколки анимистического мировоззрения, изображения животных также не являются одной лишь графической формулой.

Что касается дракона, то религиозное значение его не требует особых доказательств. Дракон встречается на манчжурских и китайских одеждах, где представляет собою изображение священного животного. Одна из его ипостасей живет на небе и пользуется большим почитанием. Этот дракон производит гром и молнию, посылает дождь, вызывает плодородие почвы. Манчжуры считают дракона очень свирепым животным и отождествляют его с молнией.³ Гольды думали, что гром убивает чертей. Когда tudur (дракон) появляется на небе, то черти прячутся куда попало.⁴ Ольчи объясняли мне, что дракон живет на небе. Хотя он и относится ими к категории enduri (высшие, небесные духи), но особого поклонения ему не существует.

¹ В. Laufer. The Decorative Art of the Amur Tribes. 1902.

² Материалы по изучению гилияцкого языка и фольклора, т. I, ч. I, СПб., 1908, стр. 34, прим. 35.

³ Р. Маак. Путешествие по долине Уссури. I, прим. на стр. 141.

⁴ П. Шимкевич. Материалы для изучения шаманства у гольдов. Хабаровск, 1896, стр. 127.

Относительно бабочек, рыб и оленей сказать что-либо определенное мы пока не можем.¹ Понять значение птиц мы могли бы лишь в том случае, если бы в точности знали, какие именно птицы изображаются. Но это не всегда бывает ясно. В большинстве случаев стилизация превращает изображение птицы в некоторый обобщенный образ, который и самими ольчами называется *gasá*, что значит на их языке и «птица» и «утка». Видеть в каждом изображении птицы только утку нельзя, так как во многих случаях сквозь стилизацию выступает образ орла, гуся, даже цапли. Вполне очевидно, что в орнаменту вошли не одно, а несколько изображений птиц различных видов. Поэтому мы не можем присоединиться к В. Laufer'у, усматривающему (в отдельных случаях правильно) в многочисленных амурских изображениях птиц фигуру петуха.²

Что касается религиозных представлений, связанных с птицей, то они у народностей Амурского бассейна, а также у манчжур и китайцев, весьма разнообразны. Достаточно сказать, что совершенно такие же, как на куклах и одежде, изображения птиц фигурируют у ольчей на амулетах, носимых против боли в груди (рис. 5). Понятие о душе также связано с птицей. Например, у нанайцев на малых поминках, т. е. когда «вселяется» в фаню душа покойного, пекутся хлебцы в форме птиц (*gazá*), по одной для каждой фани.³ У манчжур утка является эмблемой супружеской четы.⁴ На птице уносится от земли к духам и возвращается обратно манчжурский шаман.⁵ Корона,⁶ украшающая его голову во время камлания, также увенчана изображениями птиц. Подобных примеров можно было бы привести большое количество. Весьма вероятно, что изображения птиц на одежде и постельных принадлежностях имеют в основном охранительное значение.

Фигуры пресмыкающихся особенно часты на нагрудниках *ap'a*, которые надеваются с целью избавления от болей в груди, в частности в сердце. На них всегда можно видеть большое количество лягушек, змей и ящериц (рис. 5 в тексте). То же самое мы находим и у нанайцев. У них такие амулеты иногда пришиваются к халату на груди, т. е. как бы становятся неотъемлемой частью одежды. Вполне возможно допустить, что по выздоровлении человека подобные нашивки с профилактической целью могут быть оставлены на одежде и тем самым закреплены в ассортименте постоянных изображений, украшающих одежду. Пресмыкающиеся тесно связаны с представлением о шаманском мировом дереве. Когда одна старая 104-летняя нанайская шаманка, взяв впервые карандаш в руки, стала рисовать это дерево, то оказалось, что корни его состоят из извивающихся змей, а ствол и ветви сплошь покрыты лягушками.⁷ Маак видел на шее одной нанайской женщины амулет в виде двух свинцовых лягушек.⁸

Характер изображений пресмыкающихся как на предметах религиозного значения, так и на одеждах и кукольных вещах, совершенно одинаков. Пресмыкающиеся, как и бабочки, всегда изображаются сверху, со стороны спины, и, как мы уже отмечали, с очень незначительной стилизацией. В трактовке их сохра-

¹ В Китае бабочка — символ долгой жизни, рыбки — символ изобилия, олень — символ счастья.

² В. Laufer, ук. соч., стр. 19 и сл., стр. 76.

³ П. Шимкевич, ук. соч., стр. 22.

⁴ И. Захаров. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875, стр. 480.

⁵ А. Руднев. Новые данные по живой маньчжурской речи и шаманству. СПб., 1912, стр. 6.

⁶ Имеется в коллекциях ИАЭ.

⁷ Личное сообщение И. И. Козьминского. Факт имел место во время экспедиции к нанайцам (гольдам) в 1926 г.

⁸ Р. Маак. Путешествие на Амур. . . СПб., 1859, стр. 190. В Китае жаба, ящерица и змея причисляются к группе опасных ядовитых животных, в которую входят также паук и стоножка. При заклинаниях эти животные рисуются вместе с «космической коробочкой» или магической тыквой-горляной, куда они незримо втягиваются и откуда выхода им на свет уже быть не может (см. В. Алексеев, «О некоторых главных типах китайских заклинательных изображений», Зап.-Вост. отд. и Археол. общ., т. XX, вып. II—III, 1911, стр. 169).

няется еще тот реалистический образ животного, который в других областях декоративного искусства давно уже уступил место пышным и сложным формам тела, перегруженным излишними деталями.

Приводя примеры, указывающие на религиозное значение изображений дракона, птиц и пресмыкающихся, мы, конечно, далеки от мысли раскрыть во всей полноте те представления и идеи, которые были связаны с каждым отдельным видом животного и определили собою особенности его изобразительной трактовки.

Одно лишь несомненно: изображения эти были прежде необходимы на одежде и спальных принадлежностях, и эта необходимость закономерно вытекала из той религиозной идеологии (магии и анимизма), которая определяла собою не только содержание изобразительного искусства, но и его — подчеркиваем — формальные признаки. В самом деле, такое, казалось бы, чисто эстетическое, строго формальное явление, как, напр., симметрия, при раскрытии идеологической значимости амурского искусства оказывается неслучайным.

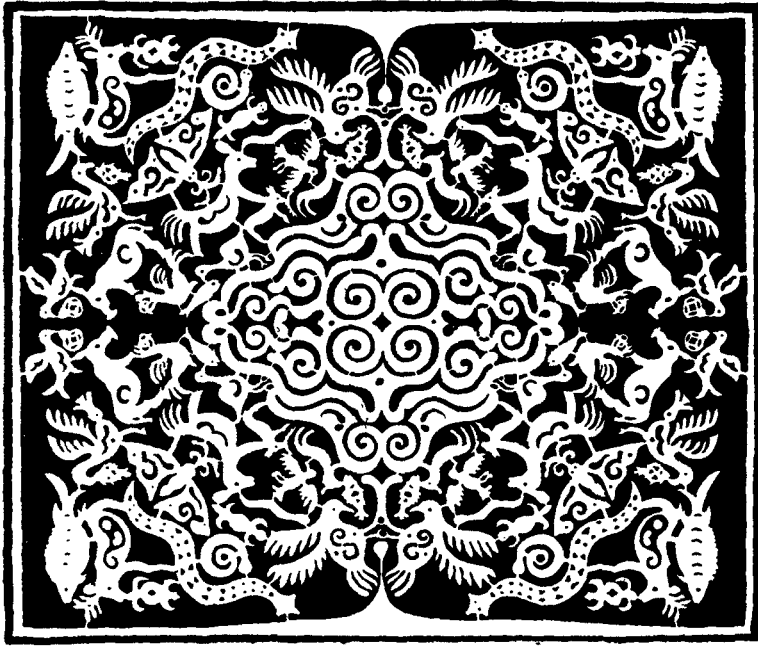
Парность драконов ольчи, напр., объясняют тем, что один из них представляет собою мужскую особь, а другой — женскую. Проверая это объяснение, мы приходим к выводу, что оно соответствует действительности. У всех амурских народов эта парность имела место среди религиозных изображений как скульптурных, так и живописных, и везде фигуры означали представителей различных полов. Но симметрия лежит в основе не только зооморфной орнаментики, но также и той, которую мы условно называем геометрической (спиральной).¹ Если эта орнаментика восходит в прошлом к изображениям животных, а с этим согласны большинство исследователей, изучавших ее (напр., Лопатин, Шнейдер и др.), то несомненно к животным парным, представляющим собою самцов и самок.

Что касается отдельных деталей осмысления изображений на нагрудниках, то они недостаточно для нас ясны и вызывают целый ряд вопросов. Почему, напр., именно ящерицы, лягушки изображаются на нагрудниках, имеющих целью устранить или хотя бы облегчить боль в груди? Если мы знаем, что изображение ящерицы является амулетом против болезни, то этого факта совершенно еще недостаточно для того, чтобы понять и объяснить следующее: 1) почему выбор пал именно на ящерицу? 2) какими именно представляются взаимоотношения между «душою» этого животного и графическим его изображением? 3) кого изображает фигура животного: духа-носителя болезни, или духа, помогающего бороться с последней, отгоняющего ее от больного? Возможно, что изображение является только материальным вместилищем, в которое при соответствующем режиме больного должен будет, по представлениям ольчей, переселиться дух болезни. Мы склонны к последнему предположению, так как при шаманской практике лечения тех или иных болезней (которые, обычно, истолковываются как результат вселения в больного какого-нибудь духа) очень часто изготавливаются изображения тех самых духов, которые, находясь в человеке, причиняют ему боль. Напомним хотя бы гольдского *tiñá* или *tiñán*, похожего на тигра. Длинный хвост его имеет на конце утолщение, при помощи которого *tiñá* производит сильную боль, когда «забирается» в желудок человека и начинает там кружиться и шевелить хвостом. Именно такое изображение его делается по указанию шамана при излечении болей в желудке.² У нанайцев при болезни головы надевается на больного особая шапка из рыбьей кожи, на которой нашиты или нарисованы изображения змей, жабы, петуха. В одной музейной описи коллекций ИАЭ имеются по этому поводу следующие указания: «изображение змей и других животных должно символизировать головную боль. При головной боли кажется, что кто-то ползает в голове (змеи); шум при головной боли символизируется петухом, а жаба — символизация того состояния, когда кажется, будто кто-то скребет голову».³ Мы думаем, однако,

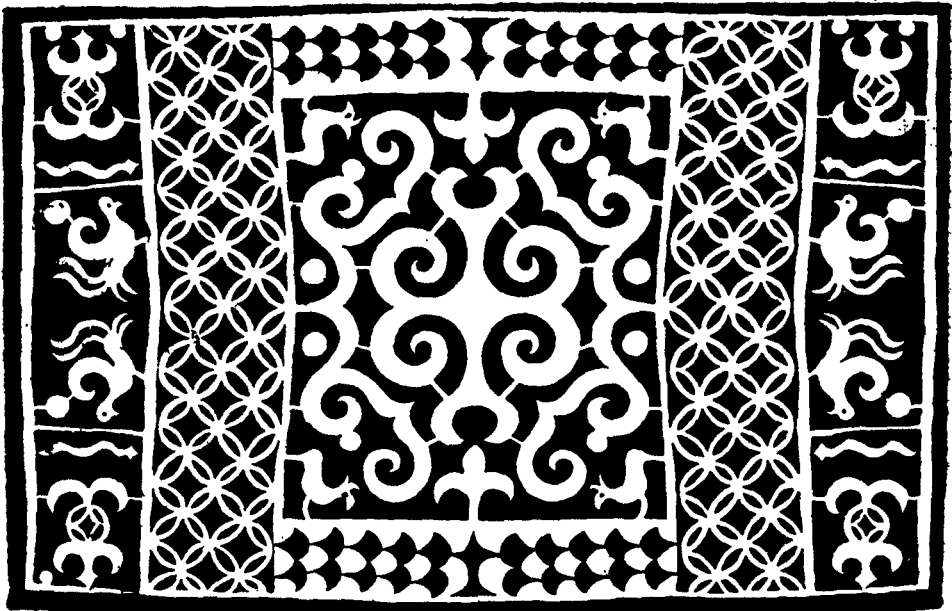
¹ Имеем в виду орнаментiku на вышивках и на аппликационных работах.

² И. Лопатин, Гольды., Владивосток, 1922, стр. 224, рис. на табл. XXIV—60.

³ Опись ИАЭ, № 2275—1.

А

Б

Табл. IV. Образцы орнамента на кукольных подстилках. А — сел. Удан. Бумажный узор на материи. 42 × 48 см. Б — сел. Ухта. Берестяной узор на материи. 26 × 38 см.

Рис. 5. «Ап'а» — нагрудник из материи и рыбьей кожи, надеваемый при болях в груди. Селение Удан. Дл. 28 см.

что дело здесь не в отвлеченном «символизме». Первобытное мышление конкретно, хотя и направляется по ложным, часто для нас непонятным, путям. Боль «производят» духи змеи, жабы и других животных, забравшиеся, по мнению анимиста, в голову человека. Удаление их возможно при наличии находящейся поблизости подходящей материальной оболочки, каковую и представляют собою, повидимому, изображения на шапке. Если это объяснение правильно, то, следовательно, фигуры пресмыкающихся — не амулеты, отгоняющие вредного духа, как это могло бы показаться сначала, а просто — способ «извлечь» духа из головы или груди, предоставив ему соответствующую материальную форму (изображение).

Не обязательно также видеть в пресмыкающихся непременно злых духов. Неприятными, вредными они оказываются лишь при известных обстоятельствах, напр., в том случае, когда «падают» внутрь человека. В иных случаях те же животные могут иметь для человека положительное значение. Например, изображение змеи на шаманской колотушке для бубна делается «для придания крепости руке».¹ Изображения змеи, лягушки и ящерицы на юбке шамана у гольдов делаются с целью использовать этих животных (т. е. духов их, заключенных в изображениях) для передвижения шамана во время его «путешествия» по земле. Предполагается, что они понесут его через реки, озера и болота.²

Мы видим, таким образом, что для анимиста одно и то же изображение животного, один и тот же дух, может обладать по отношению к человеку различными качествами, то положительными, то отрицательными, смотря по обстоятельствам. Вот почему раскрытие смыслового значения изображений у народов с развитым анимистическим мировоззрением представляет исключительно трудную задачу. Лишь учитывая, с одной стороны, отдельные конкретные факты и индивидуальные истолкования изобразительных сюжетов самими анимистами, с другой — опираясь на сделанные уже прежде обобщения и анализ первобытного

¹ Опись ИАЭ, № 2275—2.

² И. Лопатин. Гольды. ., стр. 260.

мышления, можно постепенно уточнять и наше понимание процессов художественного мышления. Это мышление находит свое выражение в многообразных проявлениях изобразительной деятельности, в частности в так наз. «декоративном» искусстве, которое на различных этапах развития первобытно-коммунистического общества неотделимо от других видов идеологии и, следовательно, вне их не может быть понято и истолковано.

Résumé

S. Ivanov

Les poupées ornementées des oltches

Les poupées oltches se répartissent en deux groupes: a) poupées en bois ou en étoffe (a trois dimensions), b) poupées en papier (plates). Les premières représentent des poupons, se rapprochant par leur type des figurations religieuses des Oltches, les secondes — des membres de la «famille», entre autres des enfants. Les poupées de ce dernier type sont très nombreuses et possèdent une série de traits distinctifs indiquant l'âge, le sexe et la position sociale du personnage. Ces poupées sont pourvues d'un mobilier spécial, consistant principalement en vêtements divers et literie. Le visage des poupées n'est figuré, ce qui s'explique apparemment par la crainte de reproduire les yeux qui, dans l'idée de l'animiste, rendent la figuration «vivante», c'est-à-dire lui donnent un «esprit». À mesure que s'affaiblissent et disparaissent les conceptions animistes, la poupée acquiert les détails qui lui manquaient.

L'ornementation des robes et autres accessoires des poupées se distingue par sa richesse et sa variété. À côté d'ornements géométriques, on y rencontre une grande quantité de figurations d'animaux — poissons, oiseaux, reptiles, entre autres de dragons. Ces images ont un sens décoratif, mais dans le passé elles étaient liées à une série d'idées religieuses, qui trouvaient leur expression dans les amulettes et dans les objets servant aux chamans.

Н. П. Дыренкова

Отражение борьбы материнского и отцовского начала в фольклоре телеутов и кумандинцев

Одно из основных возражений, которое приводится в буржуазной этнографической литературе против утверждения Моргана и Энгельса о том, что материнский род является обязательной стадией в развитии общества, повсюду предшествовавшей возникновению отцовского рода, заключается в том, что трудно, мол, указать на такой народ, о котором с полной уверенностью можно было бы говорить, что он находится в состоянии естественного перехода от материнского к отцовскому строю.

Отрицая закономерность общественного развития и отвергая пригодность метода изучения пережитков в классическом понимании этого метода для восстановления пройденных исторических этапов, буржуазные этнологи для объяснения наблюдаемого у многих племен существования бок-о-бок элементов материнского и отцовского рода либо ищут внешние причины, влияние внешних факторов (смешение двух племен с разными принципами общественного устройства, культурный контакт и т. д.), либо выдвигают теорию о том, что материнтет и патернитет уже с самого начала сосуществовали.¹

Совершенно естественно поэтому, что всякие новые материалы, которые разрешают нам проследить переход от материнского к отцовскому строю, борьбу этих двух общественных систем у того или иного народа, имеют для нас огромное значение, не только специальное — для выяснения пройденного данным народом пути исторического развития, но и общетеоретическое.

Настоящий этюд имеет целью показать явные следы борьбы материнского и отцовского начала и вытеснение первого последним у двух этнографических групп кумандинцев и телеутов, о прежнем социальном строе которых нам до сих пор так мало известно.

Легенды, которые легли в основу настоящего этюда, записаны мною в 1936 г. у телеутов (*teleŋet kiži*) и кумандинцев (*qumandy kiži*). Телеутские легенды (№№ 1 и 2) записаны в Беловском районе Западно-Сибирского края в улусах Чарту и Шанду от телеутов Тушманакова Афанасия Алексеевича, рода Меркит, и от Шабинина Николая Петровича, рода Очы. Кумандинская легенда (№ 3) записана в Старо-Бардинском районе Западно-Сибирского края от кумандинца Савинова Мултыкая Антиповича, рода Öре куманды.

¹ См., напр., Kroeber, A. L., «The Matrilineate Again», *American Anthropologist*, v. XIX, 1917, стр. 571—579; Robert, H. Lowie, «Primitive Society», 1921, p. 157—199; Robert, H. Lowie, «Social Organization», *American Journal of Sociology* XX, 1914, p. 68—97; Swanton, J. R., «Social Organization of American Tribes», *American Anthropologist N. S.*, VII, 1905, p. 663—673; Goldenweiser, A. «The Social Organization of the Indians of North America», *Journal of American Folklore*, XXVII, 1914, p. 411—436 и др.

Раньше чем перейти к самим легендам и их анализу, необходимо сказать несколько слов о духах эмегендер и öрөкөннер, которые играют большую роль в этих легендах.

Духи emegender или ögökenner занимали особое положение в религиозных представлениях и культе тюрков Алтая, в частности телеутов и кумандинцев.

Духи эмегендер (у телеутов) или öрөкөннер || öрөкөндер (у кумандинцев)¹ имели вид кукол, сшитых из кусков материи и набитых паклей. Кроме того, кумандинцы изображали иногда этих духов еще на белом холсте красной охрой и они имели вид человеческих фигур.

У телеутов духи эти изготовлялись, при выходе замуж девушки, в доме ее родителей, причем изготовленные духи либо перевозились в дом мужа вместе с приданым, либо женщина получала их во время послесвадебного посещения своих родителей, либо же она специально ездила за ними перед наступлением первых родов.²

У кумандинцев духи чаще всего изготовлялись в том случае, когда женщина после выхода замуж заболела или когда дом ее мужа постигало какое-либо несчастье.

У телеутов куклы шились ближайшими родственницами невесты, чаще всего старыми женщинами, и делались они по образцу тех кукол, которые получила при выходе замуж мать этой девицы. У кумандинцев же куклы изготовлялись обычно в доме мужа по указанию шамана, причем шаман указывал также, какой вид следует придать куклам. Чаще всего изготовлял эти куклы сам шаман.

Не подлежит никакому сомнению, что представления о духах эмегендер восходит своими корнями к материнскому роду. В пользу этого говорят следующие обстоятельства:

1. Название духов emegender (множ. число от emegen) означает старухи, жены, супруги. Между прочим то, что эти духи еще не индивидуализированы и что о них всегда говорят во множественном числе, может быть объяснено только в том случае, если допустить, что они возникли при господстве группового брака, когда матерью человека считалась не только его действительная мать, а все женщины поколения матери в ее роде, когда женами человека были все женщины его поколения в каком-либо определенном роде и когда вследствие этого понятие об индивидуальной жене, индивидуальной матери или бабке еще отсутствовало.

2. Представление об этих духах как о духах именно женских особенно живо сохранилось у телеутов. Так, напр., телеутские женщины говорят о духах emegender:

«Они, т. е. эмегендер, были давно в старину живыми, потом умерли. Когда одевают эмегендеров (т. е. когда шьют эмегендер), надетье на них рубахи не зашивают внизу, чтобы были как у живых людей. Их одежды словно рубахи наших женщин. Эмегендер очень старые. . .»³

3. Основная функция духов эмегендер — способствовать благополучному исходу родов и охранять как роженицу, так и ее детей. Эта функция — покровительство роженице и новорожденному — естественным образом вытекает из самой природы этих духов, из представления о них как о «старинных» женских духах, т. е. женских предках.

4. Связь представлений о духах эмегендер с институтом авункулата. В телеутских молитвах эти духи имеют обязательный эпитет «taju qannañ tarayan —

¹ О духах эмегендерах || öрөкөннерах см. также «Пережитки идеологии материнского рода у алтайских тюрков». Сб. памяти В. Г. Богораза.

² Только в исключительных случаях, когда не имелось никакой возможности получить эмегендер из родительского дома телеутские женщины делали изображения этих духов сами в доме мужа.

³ Кумандинцы часто осмыслили пару öрөкөннеров || öрөкөндөр, как мужчину и женщину, — представления несомненно более позднего периода, отражающие победу в идеологии отцовского начала над материнским.

от дяди по материнской линии происшедшие»,¹ «taju qannaң ajuғuғыаn — от дяди по материнской линии отделившиеся».

«taju qannaң tarayan,
taju torqo tou kijgen,
taju tō at mingen

От дяди по материнской линии размножившиеся,
Одевшие шелковые шубы материнского дяди,
Ездящие на верблюдах — конях материнского дяди».

или:

«ajuғuғыаның, šau, taju qannaң, šau!
qosqoғыоның,² šau, qoңytajdaң, šau!
ajuғuғыанын ałтын kōlden
суqqan jeriң taju qannyң!

Вы отделились от хана — материнского дяди,
Вы распространились от Конгудая,
Вы пришли с золотого (телецкого) озера,
Земля, откуда вы вышли —
произошли, земля хана — материнского дяди!»

Точно так же материал для изготовления этих духов — кукол (кудель или холст) обязательно должен был давать материнский дядя вступающей в брак девушки.

Все это с полной очевидностью указывает на то, что духи эти были духами-покровителями именно материнского рода; что девушка, выходя замуж, считала необходимою забирать с собой из дома своей матери, — он же и дом брата ее матери, — духов эмегендер с тем, чтобы эти духи продолжали заботиться об ее благополучии в новом доме, с тем чтобы и мужа своего, чужеродца, приобщить к своим духам и таким образом поставить его дом под их покровительство; что брат матери, самый близкий родственник девушки, заменявший ей отца, заботившийся об ее благополучии и принимавший очень близкое участие в ее браке, должен был принять также очень близкое участие в снабжении своей племянницы, переходящей на жительство в чужое место, благодетельными духами «своими», духами своего рода.

Переходим теперь к легендам.³

1

qoңudaj abyšqa oł kižidi aғыan. āj ukū dep qannyң qyzyn aғыan. anaң tuғыan paға šunu dep ady hołdu. āñ enezi oł paғady tapqan kijinde pir aj kirezi

¹ tara — расходиться, распространяться, рассеяться, размножиться, выходить из чего-нибудь, происходить, ср. tarayan āl (tel) — потомство (В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1900, т. III, стр. 837).

² qosqo (Tel, Alt, Leb.) — сдвинуть с места, поколебать, опрокинуть, переменить обстоятельства, встревожить, разрушить (В. Радлов. Опыт словаря, т. III, стр. 625).

³ Вариант телеутской легенды о Шуну был записан в свое время акад. В. В. Радловым и вошел в 1-й том его «Образцов народной литературы тюркских племен», СПб., 1866 (стр. 184—186); свободный пересказ этой легенды имеется у В. И. Вербицкого в его работе «Алтайские инородцы», Москва, 1893 (стр. 117—121). Но записанные нами в 1936 г. легенды существенно образом отличаются от вариантов этих легенд, приведенных В. В. Радловым и В. И. Вербицким. Прежде всего варианты Радлова и Вербицкого значительно короче и менее детализированы. Далее, в них вовсе отсутствует наиболее интересная в этнографическом отношении первая часть, где ярче всего отражены пережитки материнского рода. Наконец, некоторые эпизоды получили новое оформление и смысловое и совершенно утратили свой первоначальный характер. Вообще на этих вариантах лежит печать более позднего периода, когда первобытные социальные отношения уже успели притти в глубокий упадок.

połyondo pyrqaп połup pādy.¹ pāā pała ösküs jat qałdy. qoңydaј abyšqa pašqadaң kiži pedrep жүrjät. tajγanың (tajγ qannың) qyzyna sös ajtyryp жүrjat. tajγanың qyzyn akelip ałdy.

oł qys qoңudaj-bŷla pir aj kirezi jattyлар. anañ jadałbaj ŷrij berdi. qoңydaј abyšqa qam akelip qamdat turdu. pir-dē nemedēң tuza połboј-tur. öłögö tur qojdy.

pir tün tüzep paza, pāā qatqa tüzünde ajdyp turлар «adazynың jerinde eki kukłazy² połtur. pāā eki neme³ paryp pu jeringe akel. sen pisti, adañnyң qołunda жүrgende, eki qołtuγuna suγunup qonotton, emde đeze pisti taštajibijip qoңudajγa pardың. sen pisti kelip aparyp ał, qoңydaј abyšqaң tōrüne oturзup, aq qoj-bŷla ałqattыр. oł caqta đeze sen jazyłyp kelerziң!»

pāā qat tur kele ajtty; qoңudaj abyšqazyna ajtty: «eee! abyšqa, sen nēni pil ja'zyn?» oł ajtty; «pir-de neme pilbeј-jadym!» tedi. ajdarda paa qat abyšqazyna ajtty: «men puın tüzep turdum. adañnyң qołunda połyomdo, eki kukla połyon. oł kukłarym maγa ajtty: «sen pisti qoңydaј abyšqaң tōrüne aparyp oturзup, aq qojbŷla ałqattыр!» tedi.

qoңudaj abyšqa any uγala, kukłalaryna captyryp keldi. pāā kukłalarydy pojynың жұrtuna akelip ałdy. tōrüne oturзup ałyp, aq qoj-bəla ałqattырды. oł caqta đeze pāā qat jazyłyp keldi.

qanca caqtyң pažыnda oł qattaң eki hała połdy: ekilezi er pała. pirsiniң ady qałdan cerik połdu, pirsiniң ady ceren tonduq połdu.

Конгудай взял в жены дочь хана Ајуку. У него родился от нее ребенок, имя которого было Шуну. Спустя год после рождения того ребенка, мать его умерла. Ребенок остался сиротой. Конгудай стал искать себе другую жену. Он высватал дочь у Тай-хана (т. е. у хана — дяди со стороны матери. Н. Д.). Дочь Тай-хана он к себе привез.

Та девица с Конгудаем только с месяц жила: больше жить не могла — заболела. Конгудай, приведя шамана, камлать его заставил; пользы, однако, никакой не было: девица совсем умирать стала.

Однажды ночью, когда она спала, ей во сне кто-то сказал: «В земле твоего отца две куклы есть. Поезжай и эти две вещи привези. Когда у отца жила, ты, нас под мышки сунув, всегда спала, теперь же нас бросив, за Конгудая замуж вышла. Ты нас, к себе привезя, в передней почетный угол дома мужа твоего Конгудая посади и белой овцой угости. Тогда ты и выздоровеешь!»

Женщина эта мужу своему, Конгудая, сказала: «Эээ! муж мой, ты что, знаешь?» Он ответил: «Я ничего не знаю!» Тогда та женщина мужу сказала: «Когда я жила у моего отца, две куклы там были. Те куклы сегодня во сне мне так сказали: «Ты нас в дом мужа твоего, Конгудая, перевези, в передний — почетный угол посади и белую овцу в жертву принеси!»

Конгудай, как только это услышал, коня своего вскачь пустив, за куклами поехал. Те куклы в свою землю привез. В почетный угол дома их посадив, белую овцу им заколол. Женщина после этого сразу выздоровела.

Через некоторое время у той женщины родились близнецы: два мальчика. Имя одного из них было Калдан Черик, имя другого было Черен Тондук.

¹ pyrqaп połup pardy — букв. «стала бурханом, превратилась в духа» — в значении умерла (ölıp pardy, öldü).

² kukla — kukle (от русского — кукла) — так телеуты иногда называют духов emegender.

³ neme — вещь, иносказательное название духов emegender.

2

tümen¹ telenetтин қаны қоңыоғай полығын. паянады² аққатқанда, пайтағы ажақ пастыра парған. қоңыдай пойдон полығын. жастанарға жең ала деп, жамынарға өмір ала деп, појума тушты киші аладым тер, ақ жарықты ајландәра, јердің үссүн јемере јүрген. ај үкү³ деп қанның қызын алығын. ас јатқан-ба, көп јатқан-ба, шүнү деп үл тулығын.

ас јатқан-ба, көп јатқан-ба ај үкүнүн қызы өлгөн. қоңыдай ајтқан: «јастынарға жең ала деп, жамынарға өмір ала деп, ақ жарықты паза ајландәра јүрген. «шұңус⁴ јерінде ерге парбас⁵ еркин қара қысты аладым» теген.

шүнү ајтқан: «мәң сөзүмді уққун! теген. шұңус јерінең қат алзаң, паянады аққатсаң, пайтағын парбас појор, теген, өлтөрүп, едін појуң јір појорзың!» теген шүнүдің сөзін уқраған, шұңус јеріне парған. тајуғаның қызын ерге парбас еркин қара қысты алығын.

ас-па көп-па јатқан, ерге парбас еркин қара қыс ағаш сәләп қада перген, алығын сәләп сарғала перген. појунуң јуртунан қамдады арға сүмезіне сүқраған, шұңус. герінең алығы сағулу қам аелген. алығы сағулу қам ајтқан: «енци пөлуп езіп келген, қынсы полып құп келген. өңөрлі екі сағу⁶ келген». теген. өңөрлі екі сағуды турғустурyp алығын.

өңөрлі екі сағуды турғустурyp алып,⁷ ерге парбас еркин қара қыс јазулып парған. ас-па көп-пе јатқандар, екі игіс паға тұған. екізі ер паға полығын, пірсинің ады қағдан ергі, пірсинің ады ерен тондуқ полығын.

У телеутов хан был — Конгудай. Когда бывало он Паяна жертву приносит, жертвенная кобылица к духам сама уходила. Конгудай был холостым. «Рукав, чтобы под голову подложить, мне нужен; подол, чтобы накрыться, мне нужен; мне в пару жену взять надо!» — так говоря, вокруг белого света, кругом всей земли он ходил. Он взял в жены дочь хана по имени Ай Ыкү. Много ли мало ли жил, (у него) родился сын по имени Шуну.

Много ли мало ли прожила, дочь Ай Ыкү умерла. Конгудай сказал: «Рукав, чтобы под голову подложить, мне нужен; подол, чтобы накрыться, мне нужен!» и снова вокруг белого света ходил. «В нечистой земле, вольную, которая к мужу перейти не должна — черную девицу я возьму!» — сказал.

Шуну сказал: «Мои слова послушай. Если ты женщину из нечистой земли возьмешь, то кобылица твоя, когда в жертву ее будешь принести, к Паяна не поидет; когда убьешь, ее мясо ты сам и есть должен будешь!»

Слов Шуну Конгудай не послушался, в нечистую землю отправился. Дочь Тају-кана (т. е. хана-материнского дяди. Н. Д.) вольную, которая к мужу перейти не должна — черную девицу, он себе в жены взял.

Много ли мало ли жила, вольная черная девица, которая к мужу перейти не должна, подобно дереву сохнуть стала, подобно золоту желтеть стала. Конгу-

¹ түмен (Alt. Tel) — десять тысяч, очень много (Радлов, В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1900, т. III, стр. 1602.)

² Рајана — общий термин для обозначения небесных — добрых божеств. В настоящей легенде речь идет о жертвоприношениях небесному божеству Ульгеню — божеству отцовского рода.

³ ајикку; в другом варианте легенды — ај рүккү.

⁴ шұңус || шұңус; в другом варианте легенды шұңмус.

⁵ ерге параға — выходить замуж, букв. к мужу итти.

⁶ чалу (Alt): 1) шаманский бубен, 2) идол (Радлов, В. В. Опыт словаря. . . т. III, стр. 1884). «Чалу» телеуты иногда называют духов етегендер.

⁷ екі сағуды турғустурyp алып — заставив поставить — водрузить чалу, т. е. сделать изображение духов етегендер и совершить при этом все необходимые обряды.

дай шамана из своей земли камлать заставил, но шаман, как ни старался, ее излечить не мог. Конгудай тогда из нечистой земли шамана, имеющего шесть бубнов, привел. Имеющий шесть бубнов сказал: «Будучи приданным, они (т. е. духи эмегендер, Н. Д.) пришли, гонясь и преследуя пара чалу¹ пришла». Конгудай изображение этих духов сделать заставил.

Когда изображение духов было сделано, черная девица, вольная, которая к мужу не должна была перейти, выздоровела. Много ли мало ли жила — жена Конгудая близнецов родила: двух мальчишек. Имя одного из них было Калдан Черу, имя другого — Черен Тондык.

Мальчики возраста мужчин достигли. Однажды они народ собрал и два дня совет держали. «В семи пещерах лисица, как огонь красная, есть!» — говорили. На третий день туда пойти и посмотреть уговорились.

Шуну, на баранью лопатку посмотрев, день их отправления узнал. Ночью лежа Шуну «яда»² совершил, и выпал снег. Он сел на бело-сивого коня, собачку свою с собой повел, сокола своего с собой взял. Коня галопом скакать заставил и к семи пещерам спустился. Собачонку отпустил. Она из семи пещер лисицу, как пламя красную, выгнала. Лисица до трясины-болота добежала. Шуну сокола своего выпустил. Сокол красную лисицу схватил и принес. Шуну лисицу за хвост схватил, встряхнул — мясо вывалилось, в его руке только одна шкура осталась.

Шуну, домой вернувшись, в передний — почетный угол дома отца своего шкуру повесил.

Отец Шуну, проснувшись, встал и подумал — его дом горит. Он посмотрел и увидел — в переднем углу красная лисица висит; ее блеском весь дом внутри освещается.

Калдан Черу и Черен Тондык два брата, собрав народ, отправились. Охотиться на красную лисицу сговорились. К семи пещерам пришли. В пещерах красной лисицы не оказалось. Старики сказали: «Издавна находящаяся здесь лисица никуда не может уйти. Надо поглядеть, что здесь такое произошло!»

Семь пещер разрыв, увидели: ямы — следы от четырех копыт коня Шуну есть, но откуда пришел конь — следов нет; куда отправился — тоже следов нет; следы от входа в пещеру собачки есть, следов от выхода ее — нет, куда ушла, тоже не видно. Следы ног лисицы в сторону болота есть, дальше болота — нет.

Калдан Черу и Черен Тондык сказали: «это дело Шуну! Мать ведь наша! Если мы расскажем это матери, она заставит отца убить Шуну!» Домой вернувшись, они на Шуну наговорили матери. Мать пожаловалась отцу: «Моих сыновей Шуну народу на смех выставил, чтобы народ говорил о них, он сделал, на посрамление обрек!» Конгудай сказал: «Шуну их рук ведь не держит! Если они ему завидуют, пускай сами так делают!»

Много ли мало ли жили — два брата снова народ собрали. «В трясиноболоте зверь — чудовище живет, вид у него как у тигра; дайте убьем его» — так народ уговаривали. На третий день туда отправиться решили.

Шуну сговор братьев узнал. Ночью он «яда» совершил, и выпал снег. Верхом на бело-сивом коне он поехал. Взял собачку свою с собой, сокола тоже с собой взял.

До трясины-болота доехав, Шуну собачку в болото войти заставил. Собачка, дразня чудовищного зверя — тигра, его из болота вывела. Тогда Шуну богатырскую стрелу взял, выстрелил в зверя и прямо в лоб ему попал. Зверь на две половины разделся. Шуну, соединив обе половины, с двух сторон их деревьями подпер. После этого Шуну домой вернулся.

Калдан Черу и Черен Тондык, два брата, собрав народ, к чудовищному зверю — тигру отправились.

¹ Духи эмегендер.

² яда — магический камень, силою которго вызывают выпадение и прекращение дождя и снега. ядасу — умеющий заклинать магическим камнем, умеющий изменять погоду. яда же называется и сам обряд. См. Радлов, В. В., «Опыт словаря», т. III, стр. 207—210.

Как только глаза их зверя разглядели, они стрелять начали. После каждого выстрела вперед продвигались. Выпущенные стрелы, на землю не падая, в зверя — тигра вонзались. Но чудовище — тигр, не падая, все стоял. Все стрелы выпустили.

Мудрые старики тогда сказали: «Если бы наши стрелы не пронизывали зверя, они бы на землю падали; но раз наши стрелы вонзаются в зверя, великий зверь рычать должен! Чтонибудь видимо случилось. Пойдем и поглядим!» — так они сказали. С голыми руками пошли со зверем сражаться.

Когда они, ближе подойдя, на зверя поглядели, то увидели: зверь пополам расстрелян и с обеих сторон деревьями подперт. Шкура зверя ни на что не годится — она насквозь прострелена.

«Пойдем наговорим на Шуну и заставим отца убить его!» — два брата друг другу говорили.

Братья печальными домой вернулись. Вернувшись домой, они матери своей все рассказали. Мать пожаловалась отцу. «Шуну моих сыновей осрамил!» — она сказала. Конгудай ответил: «Если они хотят быть подобными Шуну, пускай они так же, как и он, поступают!»

Однажды Шуну, гадая на бараньей лопатке, узнал, что, как только займется утренняя заря и как только взойдет сверкающее солнце, его отцовский дядя, по имени Чырбыдай, к нему в гости придет. Шуну же по обычаю выстрелить в него должен; если стрелять не станет, то погибнет.

Сверкая заря занялась, солнце трепетно взошло. Шуну, взяв богатырскую стрелу, в тень спрятался и ждать стал.

Вдруг увидел: отцовский дядя Чырбыдай к нему в гости идет. Шуну прицелился, но вместо того, чтобы в дядю, он в черную землю стрелу пустил. В черной земле яма, величиною в дом, получилась. Землей из этой ямы дядю Чырбыдаю всего засыпало. Дядя три дня без сознания лежал. Затем он встал и сказал: «Кто же кроме Шуну со мной так шутить может? Видимо это проделки Шуну?» Шуну дядю своего в дом привел и угощать стал.

Спустя некоторое время Шуну, гадая на бараньей лопатке, увидел, что его отец, чтобы отправлять свои надобности, на сиденье, имеющее три ножки, сядет. По обычаю, Шуну должен выстрелить и эти три ножки обломать; если же он ножки не обломает, то погибнет.

Когда утренняя заря занялась, когда взошло сверкающее солнце, Шуну богатырскую стрелу взял и, в то время, когда его отец на сиденье, имеющее три ножки, сел, он выстрелил и ножки обломал. Отец его вниз головой упал. Встав, он домой пошел. Жена его, насмехаясь, сказала: «Когда ты моих сыновей на посрамление отдал, тебе это нравилось, теперь, когда тебя посрамили, хорошо ли тебе?»

Отец Конгудай, от этих слов на сына разгневался. Он собрал весь народ и сказал: «Что хотите можете с Шуну сделать!» Народ стоя ему ответил: «Мы сына хана нашего судить не будем! Если же ты сам его осудишь, твое веление мы выполним!»

Конгудай тогда, встав, сказал: «Яму в семьдесят саженей выройте, медный топор в семьдесят пудов выкуйте, хрящи обеих лопаток Шуну переломите и в эту яму его спустите!»

Собравшийся народ обе лопатки Шуну переломил и в семидесятисаженную яму его спустил.

Два брата богатыря Пулгайры и Алгайры были. Они, не зная наверно, жив Шуну или умер, со стойбищем Конгудая состязание задумали. Пару друг на друга похожих птиц в стойбище Конгудая они прислали и сказали: «Пусть распознают, какая из этих птиц ворона и какая сорока. Если они это не скажут, то приведем их в наше стойбище и дань платить заставим!» В стойбище Конгудая не нашлось человека, который знал бы это.

Чырбыдай, дядя Шуну с отцовской стороны, от своего дома к тому месту, где лежал Шуну, проход под землю вырыл. Спускаясь под землю, он Шуну пишу носил.

Чырбыдай Шуну просить стал: «Если у тебя и нет жалости к твоему отцу, то пожалей жизнь многих телеутов. Этих птиц распознать во что бы то ни стало ты должен!» — так он сказал. Шуну ответил: «У отца моего два богатыря сына есть, они пускай и распознают! Если же они этих птиц узнать не могут, то разве мой отец хан, сидящий на престоле, это сделать не может?»

Дядя заплакал и снова просить стал: «Если ты ради отца твоего не хочешь сказать, то ради меня скажи!» Шуну тогда сказал: «В стойбище отца моего есть «ядачй»; пускай они нашьют мороз и заставят дуть северный ветер. Если затем эти птицы будут выпущены, то ворона закаркает и к вершине леса полетит, сорока же закричит, вниз спустится, под сеновалом спрячется. Так они птиц распознают; какая из них ворона и какая сорока.

Чырбыдай, это узнав, народу объявил. Он «ядачй» собрал и сказал: «Совершите «яда» и нашьите мороз!»

«Ядачй» мороз наслали. Двух птиц тогда выпустили. Ворона каркнула и к вершине леса полетела, сорока же закричала, вниз спустилась и под сеновал спряталась. «Вот это сорока, а это ворона!» — сказали. Бумагу начертили и к ханам Пулгайры и Алгайры послали.

Алгайры и Пулгайры, два брата, это увидев, сказали: «Народ Конгудая — умный народ! Если даже Шуну и нет, древние старики это рассказать могли!» Они тогда в стойбище Конгудая дерево — таволгу послали и так сказали: «Пускай узнают, где у него комель и где вершина. Если они этого не скажут, в наше стойбище их приведем и дань платить заставим!»

В стойбище Конгудая никого не оказалось, кто мог бы это узнать. Чырбыдай отправился к Шуну и ему сказал: «Ради жизни многих телеут, ты это нам скажи!» Шуну ответил: «Возьмите дерево и в быструю реку положите, толстым краем оно вперед поплывет, вершина же сзади будет!»

Чырбыдай, это узнав, народу сказал: «Дерево в быструю реку положите!» В быструю реку таволгу опустили. Толстым краем дерево вперед поплыло, тонкий край сзади был.

«Вот это комель, а это вершина!» Так сказав, бумагу начертили и двум богатырям послали.

Алгайры и Пулгайры, два брата, сказали: «Народ Конгудая — толковый народ! Если даже и нет Шуну, мудрые старцы это рассказать могли!»

В стойбище Конгудая они тогда трех жеребят послали и сказали: «Пускай скажут, какой из них однолетний, какой двухлетний и какой трехлетний. Если они этого не скажут, мы их в наше стойбище приведем — пускай они нам дань платят».

В стойбище Конгудая не было человека, который знал бы это. Чырбыдай отправился к Шуну, рыдая его просил: «Если ты не хочешь сказать это ради твоего отца, то ради меня скажи!» Шуну ответил: «В течение трех дней приведенный скот сухой травой кормите, а на третий день отпустите. Подойдя к воде, годовалый жеребенок у берега реки рыть копытами станет, двухгодовалый по колено в воду войдет, трехгодовалый же по брюхо в реку войдет. Так вы их и распознаете!»

Чырбыдай, это узнав, народу объяснил и сказал: «В течение трех дней приведенных жеребят сухой травой кормите, а затем к реке отпустите!»

Кормив жеребят три дня, их отпустили. Трое жеребят к реке пошли. Годовалый жеребенок у берега копытами рыть стал, двухгодовалый жеребенок в воду по колено вошел, а трехгодовалый по брюхо в реку вошел. «Вот это годовалый жеребенок, это двухгодовалый, а это трехгодовалый!» — так сказав, они бумагу начертили и двум богатырям отослали.

Алгайры и Пулгайры, два брата, между собой посоветовавшись, сказали: «Народ Конгудая — толковый народ! Это мудрые старики узнать и сказать могли!»

Они тогда богатырский лук изготовили: «Если нет Шуну, то в стойбище Конгудая ни один человек этот лук не натянет!» — так они сказали. На двенадцать коней лук навьючили и в стойбище Конгудая отправили.

Два сына Конгудая, Калдан Черу и Черен Тондык, два брата, за оба конца лука ухватились, но с места его не могли сдвинуть. Чырбыдай поднял лук до колен и сразу же отпустил. Тогда Конгудай лук натягивать стал. Глаза у него побелели, как соль, обе руки, как лед, затвердели. До одиннадцатой зарубки он дотянул, до двенадцатой дотянуть не мог. Он лук отпустил, сел и, рыдая, сказал: «Вместо этих двух негодных сыновей, лучше бы мой сын Шуну жил!»

Чырбыдай ему сказал: «Солнце не погаснет, богатырь не умрет! Пойдем взглянем на Шуну!» Конгудай сказал: «К горести моей соли не прибавляйте, в айран мой воды не добавляйте, горящего еще сильнее горевать не заставляйте, плачущего сильнее плакать не заставляйте!»

Чырбыдай его слов не слушал. Он собрал народ и отрыть Шуну велел. Спустившись в яму, народ, раскапывая, до Шуну дошел и обратно вышел через подполье Чырбыдая. «Шуну жив!» — они сказали.

Чырбыдай сказал: «Ущерба месяца дожидайтесь, пасмурного дня ждите! Пусть Конгудай заставит «ядачй» растянуть тучи над тучами, облака под облаками. Занавесью в девять слоев пусть закроют тогда Шуну!»

Ущерба месяца и пасмурного дня дождались. «Ядачй» «яда» совершили, под облаками облака, под тучами тучи растянули. Занавесью в девять слоев Шуну обернули, из ямы вытащили.

Сквозь девять слоев занавеси свет звезды все же проник, от того света Шуну лишился сознания и на землю упал. Снова Шуну занавесью в девять слоев завернули. Брюхо кобылицы, не жеребившейся девять лет, распорол и Шуну во внутрь засунули. Шуну долго так лежал.

Затем Шуну встал и сказал: «Сорок кобылиц, как одну, поймайте, сорок кобылиц, как одну, на землю повалите; сорок кобылиц, как одну, заколите; сорок кобылиц, как одну, на куски разрежьте, все мясо вместе сварите и съешьте. Все кости сорока кобылиц соберите и пусть они как одна кость будут; все кости до одной раздробите и мозг из всех до одной извлеките!»

Сорок кобылиц, как одну, поймали; сорок кобылиц, как одну, повалили; сорок кобылиц, как одну, закололи; сорок кобылиц, как одну, на куски разрезали; все мясо вместе сварили и съели; кости сорока кобылиц, как одну, собрали и сложили; кости сорока кобылиц, как одну, раздробили и из всех до одной мозг добыли. Мозг в одну чашу собрали, с водкой смешали и, принеся, Шуну подали.

Шуну одним глотком все проглотил. Подобно луне во время полнолуния, он пополнил и красным стал. «Буду ль видеть или нет, лук все равно увижу; схвачу или не схвачу, лук все равно удержу!» — он сказал. Богатырский лук он за оба конца взял и в одной руке зажал; лук согнув и оба конца его вместе соединив, отбросил. Затем он бумагу написал: Алгайры и Пулгайры, два брата, в мою землю пусть будут приведены и дань пусть мне платят!»

Два брата, Алгайры и Пулгайры, никого не боявшиеся, испугались, никогда не волновавшиеся, утрастились.

Калдан Черу и Черен Тондык, два брата, дань, которую наложил Шуну, ждать стали. Один день ждали, два дня ждали, три дня ждали. Год ждали, два года ждали, три года ждали. Алгайры и Пулгайры больше ничего не присылали и дань не платили. Тогда два брата народ собрали и за данью отправились.

Шуну, гадая на бараньей лопатке, увидел, что туда, куда братья отправились, дорога будет, обратно же у них дороги не будет.

Он сел верхом на бело-сивого коня и, взяв с собой сто воинов, поехал.

Два брата по одной стороне Иртыша ехали, Шуну по другой стороне ехал. Шуну, совершив «яда», наслал дождь и двух братьев, Калдан Черу и Черен Тондык, насквозь промочил; затем он заставил дуть северный ветер и братьев, заморозив, домой вернуться вынудил.

Взяв своих сто воинов, Шуну поехал дальше. Когда заночевал в первую ночь, пятьдесят воинов в пещере запер, во вторую ночь когда заночевал, остальных воинов запер. Шуну воинам так сказал: «Когда один раз крикну, коней ловите,

когда второй раз крикну, верхом на коней садитесь, в третий раз когда крикну, в бой выступайте!»

Шуну, с собой своего повара взяв, к стойбищу Алгайры и Пулгайры отправился. Когда Шуну к стойбищу приблизился, он остановился, повесил казан — стал варить пищу. Алгайры и Пулгайры, два брата, узнали, что пришел Шуну. Они послали к нему воина, чтобы пригласить его к себе в стойбище.

Шуну тогда свою одежду снял и надел на своего повара, одежду же повара на себя надел, и так они пришли в стойбище Алгайры и Пулгайры. Два брата, приняв повара за Шуну, его в передний — почетный угол посадили и угощать стали, Шуну же, приняв его за повара, посадили у двери.

Старуха, имеющая зубы и губы величиною с голень ноги, с посохом из тала, в сапогах из лыка зашептала: «Тот, кто сидит в переднем углу, — повар; сидящий же у двери — сам Шуну богатырь!» — так она сказала.

Это услышав, Шуну вскочил. Повара за косу схватил и из переднего угла вытащил. На коня сел и вскачь пустился.

Алгайры и Пулгайры, два брата, подумали, что можно будет догнать и убить Шуну. Они забрали с собой несколько тысяч воинов и погнались вслед за Шуну.

Шуну совершив «яда», дождь наслал и их воинов насквозь промочил; заставил дуть холодный ветер, и ветер их пронизал. Шуну крикнул, и его воины коней поймали, второй раз крикнул — воины верхом на коней сели, в третий раз крикнул — воины в бой выступили.

Сто воинов, сплотившись, все войско Алгайры и Пулгайры уничтожили. Каменный очаг разрушили, толкан-золу развеяли. Не оставили бересты, чтобы ветер мог унести, не оставили скота, чтобы привязь растянуть. Стойбище, в котором искони жили, разрушили, стойбище, в котором век жили, сокрушили; весь скот прочь угнали.

Когда Шуну в свою землю-стойбище возвращался, ему навстречу друг его вышел. Шеремет, друг его, сказал: «Ээ! друг мой! когда ты приедешь в свою землю и в свое стойбище, водку не пей! Калдан Черу и Черен Тондык, два брата, приготовили яд и ждут тебя. Если на плоский камень эта водка-яд капнет, без пламени сгорит; если на круглую лиственницу капнет, то пепла и угля не оставив, сгорит до тла!»

Шуну сказал: «Друг мой, лучше бы ты мне этого не говорил! Если бы я выпил этот яд, моей могучей силы может быть хватило бы и я выдержал бы; теперь же, когда услышал об этом, мне входить в мое стойбище не следует! Белый скот, который я приобрел, и все мое имущество ты себе возьми! В мою землю не заезжая, я дальше поеду!»

Сто воинов Шуну сказали: «С тобой мы не расстанемся, вместе с тобой поедем!»

С другом своим Шуну распростился и в другое стойбище направился.

Много ли мало ли ехал, к стойбищу своего материнского дяди приблизился. Он остановился и хотел приготовить себе пищу, но огня негде взять было.

Он увидел, что на вершине железной тайги, почти до самого неба доходящей, дым подымается. Шуну протер глаза, поглядел и увидел, что его материнский дядя ему навстречу вышел, уселся и закурил свою трубку. Это дым от трубки дяди к небу подымается.

Шуну повара своего к дяде послал попросить огня. «Почему в наше стойбище не заходя, в степи сидит?» — дядя сказал. Повар, вернувшись, сказал, что дядя в свое стойбище велел притти. Шуну сказал: «Если мой дядя дочь свою мне отдаст, то я в его стойбище войду!»

Материнский дядя тогда бумагу начертил и Шуну послал: «Если не тебе, то кому же мою дочь отдать!» Пусть в мое стойбище въезжает, дочь мою я ему отдам!» — так он сказал.

Шуну въехал в стойбище дяди и дочь его себе в жены взял. Вместо дяди ханом стойбища он стал, вместо дяди начальником стойбища сделался.

Народ материнского дяди, оскорбляя — хуля Шуну, говорил: «Шатаюсь по свету, он бродяжничал; заблудившись, он к нам прибрел, а теперь наш хан, ум свой потеряв, его ханом сделал!»

Шуну, это услышав, сказал: «Сколько бы я ни делал добра народу, народ все равно будет меня ненавидеть; хорошего мне от народа не ждать!» Позвав свою жену, он при ней двух детей своих мечом рассек. Затем он сел на коня и уехал.

Он поехал к китайскому начальнику. Когда к китайскому начальнику он приехал, тот его угощал.

У китайского начальника было двенадцать жен.

Китайский начальник угощая Шуну, раньше Шуну опьянял. Младшую свою жену на улицу позвав, он ей сказал: «Шуну — богатырь, и я богатырь, когда мы, два богатыря, разговариваем, кто из нас более красноречив, скулы кого из нас более похожи на богатырские?» Младшая жена ответила: «У Шуну в голове четыре клетки, и все они мозгом полны; у тебя же в голове только одна клетка, и та недостаточно наполнена мозгом». Китайский начальник от этих слов рассердился и сказал: «Ты меня не любишь, а любишь Шуну!»

Когда он вошел обратно в дом, он стал обрывать речь Шуну и перечить ему. Шуну на него рассердился и с места вскочил. Подошел к порогу и сел.

Из обоих глаз Шуну пламя вылетело, о потолок ударилось и китайское каменное окно расплавилось.

Китайский начальник закричал: «Пускай начнут стрелять. Стрелки пусть Шуну за рукава схватят. Пускай воины Шуну удержат. Голову ему отрежьте. Икру из нее выдерните!»

Шуну с места вскочил. Рукавами встряхнул — день стал ночью, и наступила тьма. Выбежав из дома, он на коня сел и вскачь его пустил. От удара четырех копыт коня четыре радуги образовались.

Китайские стрелки Шуну не могли поймать.

Китайский начальник, собрав народ свой, спросил: «Шуну глянул и мое каменное окно двумя глазами своими растопил. Отчего это могло случиться?» Мудрый старик сказал: «Огонь глаз Шуну от солнечного жара отделился! Не только твое каменное окно, но, если бы Шуну вздумал, он землю насквозь прожог бы!»

Китайский начальник спросил: «Когда Шуну рукавами тряхнул, темная ночь наступила. Отчего это случилось?» Мудрый старец сказал: «Вот отчего это случилось: тело Шуну от волшебного камня — неба отделилось, оттого он день в ночь и ночь в день превращать может!»

Китайский начальник спросил: «Когда Шуну верхом на коня сел и конь его вскачь пустился, от удара четырех копыт коня четыре радуги протянулись. Отчего это могло случиться?» Мудрый старец сказал: «Вот отчего это случилось: копыта коня Шуну из крепкой стали — алмаза сотворены; когда четыре копыта коснулись четырех камней, четыре радуги растянулись!»

Из земли китайского начальника убежав, в землю Белого хана Шуну жить приехал.

3

pir pys kižē pardy. caraš akeldi. adazy enezi erbektežip qałyny berdi. anyç. sōnda qys adazy nuç ajułəna ajułdap keldi. mał enci appyrdu: mał, qoj, nek, at, gas, jastyq tōžek ałdy. quptujaq ozołop pardy.

małdy apyryp azyrap turdu.

oł paryan qys aryp turdu. qamny qamnadyr turdu. qam ajdyp turdu: «qurtyjaq par połtur! qojnu tepši tudar kerek, qurtyjaq ēzini jazyjar kerek!»

tepši tudup požody. apac kedeni kezip, jözö-bła syrłap turdu, qurtyjaq pō połzyn, đep.

aγyγγy jazyłdy. mał. qoj, nek köp östü. paза pała töretti. pała aγrydy. paза qam qamnady. «qurtyjaq ezini n'aman etken! kökle eder kerek! tep turdu. kökle edip jazap turdu. közemni edip pułyap turdu, sary jaḡ urup jazap turdu, oronya oltozup qamnap turdu. paза anyñ sönda pała jazyłyp turdu.

paза qanca-dā jatqan. pała aγryp öle berdi, köp, toγus pała töredi, parcyn öldü. qancı-qancı qamnadyp połbody. apšijaq-ła qurtujaq ekele pöjü jadap qałdy. paза małdy parcyn qamnadyp tozyłdy. erbektežip turdyлар: myndan paза jerge qacar, tep turduлар.

apšijaq kebege otty sałyp turdu. tałyany qōrup turdu, közemni pułyap turdu, sary jaḡny urup turdu. qožyqty ajlandera sałyp turdu. An-sönda qurtujaqtardy qycyryp ałdy. «pony jiler, men kelbencē parbaılar!» tep turdu.

An-sönda apšijaq ūḡnuñ syrtyndā qaptā qyrtyjaqty ałyp, enēge sałyp, małta-bła törup turdu. qaptyñ tübüne jede-berdi, qurtyjaq qyγγyryp turdy «ary jurtumy üzüp turduñ!» qałyany małta-bła kerte šapty. qan ežikke cacyłdy.

andyn ary apšijaq-ła qurtyjaq qašty. taštyn cyḡala ūḡdiñ tözüne ot sałdy «ködere küjüp parzyn» dep.

Andān ary apšijaq-ła qurtyjaq qacā-berdiler. süḡduñ jaγazyna jet pardyлар. kebege oltorдылар. süḡ töben uya-berdiler. paза qanca-dā n'an süge kirdiler. paryan pažynda süḡden cerge cyḡa-berdiler. qanca-dā raq cerge pardy. anda jurtap jerlep jada -berdiler.

qarijer caqta pir pała cyqty. ol bała ol cerde ūr catqan.

qurtyjaq jołdu istep jyttap jürdü. süge pardy. süge paryp, surap turdu: «pistiñ ūḡnuñ ezi qajda pardy? süḡ aždyp turdu: «men jaā kelgem, alynda paryan süḡ unnyjar!»

qurtyjaq sugnun jaγazuna cure-curē tappyn sałdy.

Одна девица вышла замуж. Родня жениха родителям невесты «чараш»¹ привезла. Отец и мать жениха, договорившись с родителями невесты, калым отдали. После этого девица в улус отца своего, в гости приехала. Овец, коров, лошадей, гусей, подушки, постели, как приданое, взяла и в дом мужа увезла. Куртыяк² же вперед отправились.

Приведя скот, она его кормить стала.

Та, вышедшая замуж девица, вскоре заболела. Шамана камлать заставила. Шаман сказал: «Куртыяк здесь оказались! Овцой угостить их надо, их изображение изготовить надо!»

Жертвоприношение устроили. Затем кусок белого холста отрезали и охрой на нем нарисовали: «Пусть это куртыяк будут» — сказали.

Болезнь женщины прошла. Овцы, коровы и другой скот во множестве водиться стали. Потом она ребенка родила. Тот ребенок заболел. Снова шамана камлать заставили. «Изображения куртыяк плохо сделали! Надо куклы сделать!» — шаман сказал. Сделали куклы, затем кашу из муки замешали, маслом полили и их угощать стали, на скамейку посадив. После этого ребенок выздоровел.

Некоторое время прожили. Ребенок опять заболел и умер. Много, девять детей у них родилось, и все умерли. И камлания не помогли. Муж и жена вдвоем жить стали. Весь их скот от жертв куртыяк перевелся. Они между собой тогда говорить стали: «В другую землю отсюда давай убежим!»

¹ сараž — сговор. Один из моментов свадебной обрядности — приезд родителей и родственников жениха в дом родителей невесты. Обычно в этот приезд привозят родителям невесты калым.

² qurtyjaq — qurtujaq — собственно старухи. Куртыяк является у камандинцев синонимом брöккенер.

Муж огонь в печи развел, талкан поджарил, кашу намешал, масло налил, ложки в круг разложил, затем куртыяк пригласил и так им сказал: «Ешьте и пока не вернусь, не уходите!»

После этого муж мешок с куртыяк, находившийся под крышей дома, взял и, на порог положив, топором рубить стал. Когда он до угла мешка дошел, где, прижавшись друг к другу куртыяк запрятались, куртыяк кричать стали: «Наше привольное житье ты прервал!» Но муж всех куртыяк топором зарубил. Кровь их на дверь брызнула.

Потом муж с женой оттуда убежали. Как только на улицу вышли, они под дом огонь положили и сказали: «Все пусть сгорит!»

Муж и жена убежали. До берега реки дошли. В лодку сели. Вниз по реке поплыли. До большой реки доплыли. На берег вышли и в далекую землю пошли. Там жить-поживать стали.

Когда они состарились, у них ребенок родился. Он в той земле долго жил.

Куртыяк, следы бежавших разыскивая-разнюхивая, ходили. К воде пришли. К воде придя, ее спрашивать стали: «Хозяин нашего дома куда ушел?» Вода ответила: «Я только что сюда пришла; вода, которая раньше прошла, наверно об этом знает!»

Куртыяк по берегу ходили-ходили и хозяев так и не нашли.

Социальная основа приведенных легенд раскрывается с полной ясностью и очевидностью.

1-я легенда

Герой легенды Конгудай нарушает категорический императив материнского рода — человек должен жениться на дочери брата своей матери — и женится на женщине чужой. Брак этот оказывается недолговечным: спустя год после рождения ребенка его жена умирает.

После этого Конгудай решает вернуться к старой, ортодоксальной форме брака: он отправляется к брату своей матери и берет в жены его дочь.

Но при этом Конгудай нарушает другой императив материнского рода — матрилокальность брака. Вместо того, чтобы поселиться в роде жены, он забирает свою жену к себе. Духи рода жены — эмегендер, ревностно охраняющие старые порядки и всячески противящиеся нарушению веками установившихся норм и обычаев, начинают ее преследовать, насылая на нее болезнь. Духи являются к ней во сне и требуют, чтобы она забрала их к себе в новый дом. Только после этого они обещают ей выздоровление. Требование духов — компромиссное: оно свидетельствует о том, что в идеологии материнского рода уже пробита брешь, оно характерно для переходного периода от материнского к отцовскому роду. Духи не настаивают уже на восстановлении матрилокального принципа, предопределенного назревшими новыми социально-экономическими отношениями, но они желают сохранить за собою главенствующую роль в культе, они добиваются выдающегося положения в религии. Духи претендуют на главенствующее положение в новом доме женщины — они требуют, чтобы женщина поместила их в переднем углу, самом почетном месте дома ее мужа.¹

Узнав о причине болезни жены, Конгудай спешит в дом ее родителей, чтобы перевести к себе изображения духов (куклы) и таким образом их умиловить.

После этого женщина выздоравливает и родит двух сыновей.

В этой легенде таким образом отразился переходный период от материнского к отцовскому роду в его первоначальной форме. Конгудай выступает в легенде

¹ Ср. слова молитвы-обращения к духам эмегендер у телеутов: «в переднем — почетном углу дома сидящие» и название духов ёрёккенер у кумандинцев «tördö--tördö — находящиеся в переднем почетном углу».

как представитель нарождающегося нового отцовского рода, но над ним сильно довлеет идеология материнского рода, преодолеть которую он все еще никак не может.

2-я легенда

Как и в первой легенде, Конгудай женится раньше на женщине чужой, и эта женщина вскоре умирает. Выразителем нового агнатического принципа во второй легенде выступает сын этой женщины Шуну. Когда его отец Конгудай решает отправиться к брату своей матери, чтобы взять себе в жены его дочь, Шуну этому препятствует, угрожая своему отцу карой духов отцовского рода. «Если ты женщину из нечистой земли возьмешь, — говорит Шуну своему отцу, — то кобылица твоя, когда в жертву ее будешь приносить, к Паяна не пойдет. Когда убьешь ее, мясо ты сам и есть должен будешь».

Паяна, т. е. Ульгень — белый и чистый бог неба, божество агнатного рода, не простит Конгудаю брака на женщине «черной» из земли, ставшей уже «нечистой».

Но несмотря на эту угрозу Конгудай, корнями своими уходящий глупо в материнский род, все же отправляется к брату своей матери и женится на его дочери — на «вольной черной девице, которая к мужу перейти не должна». Эпитеты девицы поразительны; они ярко выражают основные принципы материнского рода: матрилокальность брака и независимое положение женщины.

Затем повторяется то же самое, что мы видели в первой легенде: жена Конгудая, переселившись в дом мужа, начинает болеть. В отличие от первой легенды, где Конгудай при заболевании жены отправляется в ее род за ее духами и сам их привозит, в этой легенде Конгудай обращается за помощью к своему родовому шаману («шамана из своей земли камлать заставил»). Но шаман оказывается бессильным: он не имеет власти над чужими духами. Тогда Конгудай приводит шамана из рода жены. Шаман объясняет, что духи рода жены — эмегендер — явились («приданым будучи пришли»),¹ изготавливаются изображения этих духов, — после этого женщина сразу выздоравливает. У нее рождаются два сына.

Шуну — представитель отцовского начала, вступает в борьбу с этими двумя сыновьями, представителями материнского начала, и все дальнейшее содержание легенды посвящено описанию этой борьбы. Шуну все время одерживает верх над этими сыновьями, что вызывает недовольство и гнев их матери. Отец же держит сторону Шуну. Наконец, Шуну решает опозорить и своего отца и тем самым отомстить ему за его второй брак. Отец апеллирует к народу, но не встречает сочувствия — идеи агнатизма уже пустили глубокие корни. Отец тогда заставляет народ наказывать Шуну. Но тут на сцену выступает ближайший агнатный родственник Шуну, его отцовский дядя,² и как представитель агнатного рода все делает для того, чтобы спасти жизнь Шуну, борцу за торжество идей агнатизма. Шуну остается в живых. И когда, благодаря помощи Шуну, народу удается избавиться от своих врагов, Шуну получает всеобщее признание, и народ окончательно становится на его стороне.

В дальнейшем характер легенды несколько нарушается, и воспоминание о прежних порядках опять вспыхивает. Шуну, не разделившись окончательно со своими соперниками, сыновьями жены его отца, отправляется в род своей матери, женится на дочери брата своей матери, поселяется на жительство в доме своей

¹ Ср. эпитет духов эмегендер в телеутских молитвах, «с приданным пришедшие».

² В пересказе легенды о Шуну, приведенном в работе В. И. Вербицкого, вместо отцовского дяди выступает старик: «Никто не знал, куда пропал Шуну. Только один старик понял, в чем дело, и сделал от своей юрты подкоп к темнице и в продолжение семи лет питал узника» (Алтайские инородцы, стр. 117).

жены, наследует звание брата своей матери и вместо него становится ханом.¹ Однако народ этому противится, в результате чего Шуну убивает своих детей, рожденных в доме жены, и покидает свою жену, ее дом и ее род. Принцип агнатизма восторжествовал окончательно.

3-я легенда

Женщина переселяется в дом своего мужа, нарушая таким образом одно из основных правил материнского рода — матриликального брака. Она навлекает на себя этим гнев духов материнского рода (куртыяк), и духи начинают ее преследовать: они насылают на нее болезни. Путем изготовления изображений этих духов, а также путем жертвоприношения удаётся духов умиловить и женщина выздоравливает. Но только на время. Духи неутомимы. Они не могут допустить нарушение веками существовавшего брачного порядка. Их ярость особенно возрастает, когда у женщины рождается в новом доме ребенок. Ведь это в корне подрывает основы материнского рода и сделает неизбежным переход к патернитету и к счету родства по линии отца! Они, хранители и покровители материнского рода, не могут этого допустить. Они насылают на ребенка болезнь. Но на этот раз не помогает ни изготовление их изображений, ни угощение их — ребенок умирает. Такая же судьба постигает и других детей, которые родятся у женщины в доме мужа.

Убедившись в беспечности неоднократных жертвоприношений, убедившись в невозможности умиловить духов, муж решает их уничтожить, сжечь свой дом, которым они овладели, и увести жену в далекую землю, подальше от ее родни, подальше от ее материнских духов.

В этой далекой земле у мужа и жены рождается ребенок, который и остается в живых.

Для этой легенды характерны моменты протеста и борьбы с духами. Мужчина окончательно порывает с духами рода жены, порывает с традициями материнского рода и на новом месте, где-то очень далеко, пытается утвердить новую семью, построенную уже на основе отцовского рода.

Таков генезис и социальный смысл наших легенд. Эти легенды отражают борьбу двух общественных систем. Они красноречивейшим образом говорят за то, что и телеуты и кумандинцы в своем историческом прошлом проделали общий для всего человечества путь развития от материнского к отцовскому роду.

N. Dyrenkova

Résumé

Le reflet de la lutte des principes matriarcal et patriarcal dans le folklore des Téléoutes et des Koumandines

Les trois légendes notées en 1936 par l'auteur chez les Téléoutes et les Koumandines (Sibérie occidentale) conservent un souvenir très vif de la lutte des deux systèmes sociaux, matriarcat et patriarcat, dans le passé de ces peuples. Elles permettent d'affirmer en toute certitude que les Téléoutes, comme les Koumandines, ont suivi dans leur développement historique la voie commune à toute l'humanité, qui passe du régime matriarcal au régime patriarcal.

¹ Согласно другому варианту легенды о Шуну, записанному мною у телеутов же, Шуну едет не к дяде — брату матери, а к деду — отцу матери (tajbažu). Дед передает ему по наследству свой юрт, скот и имущество. Он назначает Шуну ханом своего стойбища. Шуну начинает править «подданным народом» своего деда, но народ восстает против Шуну. См. также у В. И. Вербицкого: «Шуну отправляется с прежними друзьями своими в Кокан к деду своему по матери, но этот назад тому два месяца как помер, не оставив по себе наследника. Коканцы единогласно избрали его своим ханом. . . » (Алтайские инородцы, стр. 118). Ср. у В. В. Радлова: Darauf kehrte Schünü nicht zurück, sondern begab sich zur jurte seines Onkels (дядя по линии матери. Н. Д.) Ajjkku. Dieser gab ihm seine Tochter. Schünü heirathete diese und wohnte daselbst. Als Ajjkku alt geworden, sagte er zum Schünü: «Du gebiete meinem Volke, ich bin selbst alt geworden (Proben, т. I, стр. 207, 185).

ЗАМЕТКИ

В. Н. Чернецов

Чум

Чум — коническое переносное жилище, распространенное среди кочевых и полукочевых народностей северо-западной Сибири и северо-восточной Европы. Следует полагать, что первоначально чум являлся жилищем только ненцев (самоедов), от которых и был впоследствии воспринят вместе с заимствованием оленеводства вогулами, остяками и зырянами.¹ Что мы имеем здесь дело с заимствованием, явствует из названий чума, равно как и других объектов оленеводческого инвентаря, в мансийском и хантыйском языках, где чум именуется «ненецким домом» [манс. jörn kòl., хант. jorin xät (Ahlqv. N. O. 83), где jörn, jorjin, ненэц]. На ряду с этим мы видим, что конструкция чума не только в общих чертах, но и в деталях единообразна у всех этих народностей. Лишь в способе и материале покрытия можно указать некоторое разнообразие, преимущественно, впрочем, обусловленное характером хозяйства данной группы и естественными условиями. Так, в южных частях тундры и в лесотундре мы встречаем наиболее типичный вид летнего чума с покрытием из бересты, специально приготовленной и сшитой в полотнища. Но уже в северной части тундры у ненцев, не откочевывающих ежегодно на зиму в лес, наиболее обычной летней покрышкой служат старые вытершиеся зимние «нюки» из оленьих шкур, иногда с добавлением бересты. В северной тундре берестяная покрышка слишком дорога и недоступна для большинства хозяйств.

С другой стороны, в таежной полосе у оседлых и полuosедлых групп ханты и манси, чум встречается в несколько упрощенной конструкции. Вследствие того что его не приходится перевозить, шесты, вырубаемые на месте, обстругиваются не так тщательно, как у кочевников, и кроется чум не «тискаами» — пластинами, сшитыми из проваренной бересты, а отдельными кусками свежесодранной бересты и пихтовой коры, которые удерживаются на месте жердями и бревнами, положенными поверх кровли.

Величина чума определяется количеством шестов, составляющих его остов. Их бывает в среднем 30—40, в больших чумах — до пятидесяти. Длина шестов около 5 м. Два шеста, несколько более толстые, чем другие, имеют на концах отверстия, через которые связаны веревочной петлей (рис. 1). Эта пара является основной при расстановке шестов чума. Порядок этой расстановки следующий (рис. 2):

а) устанавливается основная пара, которую в первое время поддерживают один или два человека;

б) устанавливаются I и I' группы шестов, в порядке номеров: 1, 2, 3, 4. Концы этих шестов просовываются в петлю основной пары. Если есть свободные руки, то расставляют одновременно с обеих сторон: $I_1—I'_1$; $I_2—I'_2$; $I_3—I'_3$; и т. д.;

¹ Kai Donner. Über das alter der ostjääkischen und wogulischen Renntierzucht. Finnisch-Ugrische Forschungen, XVIII, Helsingfors, 1927; В. Чернецов. Темны средств передвижения в мансийском языке. Сб. памяти В. Богораза, Л., 1937.

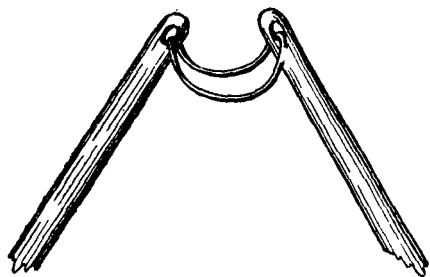
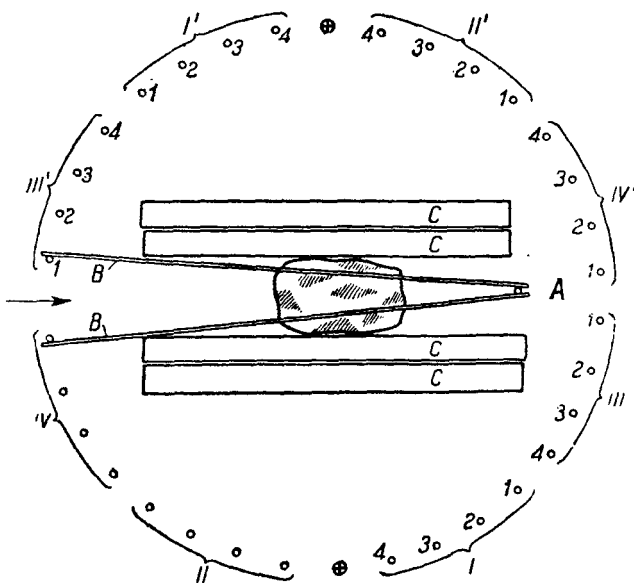

Рис. 1. Верхние концы основных шестов.

- ⊙ - Основная пара шестов
- A - Симса
- B - Жерди на которые вешается крюк для котла
- C - Доски

Рис. 2. Схематический план чума.

снег кладутся два 1—1½-метровых бревенца в расстоянии 80—100 см один от другого, а на них железный лист, служащий для раскладки костра. При таком устройстве, хотя снег под листом и протаивает, костер все же остается на уровне пола в чуме.

По обе стороны от очага укладывают по две доски, служащие полом. В летнем чуме доски в большинстве случаев отсутствуют, так как возить их с собою представляется затруднительным. Доски, имея четыре и даже более метров длины, сантиметров 30 ширины и 3—4 толщины, представляют довольно значительную тяжесть, так что летом для их перевозки требуется отдельная нарта. В таежной полосе, особенно в бедняцких хозяйствах, доски из тех же соображений заменяются нередко настилом из жердей, покрытых еловыми ветвями.

Далее между досками и стенами устраиваются постели. На низ (зимой на снег, так как он под чумом не разгребается) кладутся маты из хвороста (нен.

в) таким же порядком ставят группы II и II';

г) устанавливается «симса» (рис. 3А) — центральный шест, поддерживающий горизонтальные жерди (В), на которые подвешивается крюк для котла (рис. 3а). Симса является священным шестом, олицетворяющим духа очага. Этот шест нередко резной, а у шаманов на его вершине находится деревянное изображение шаманской птицы *mi-plej* (рис. 3А). Священным считается и место позади симсы. Там обычно хранятся пища, посуда, нередко ставятся идолы. В связи с этим женщинам за симсу заходить нельзя;

д) после установки I, I', II, II' групп ставятся в порядке номеров шесты III, III', IV и IV' групп. Концы этих шестов уже не просовываются в петлю основной пары, а накладываются сверху. При «сваливании» чума, шесты разбираются в обратном порядке и складываются на две специальные нарты;

е) когда расставлены шесты, укрепляют горизонтальные жерди В, В'. Один конец каждой из них просовывается в петлю, привязанную к симсе (3с), а другой конец привязывается к шестам III' и IV', ограничивающим вход.

Когда остов чума поставлен, вносят цыновки, подстилки из хвороста, котлы и прочую утварь. В центре чума устраивается очаг. Летом для него выкапывается небольшое углубление, которое обкладывается камнями, если они имеются в данной местности. Зимой на

нон'эг), на которые стелются травяные циновки, или связанные из тонких пучков травы или плетеные остячкой работы. Поверх циновок укладываются оленьи шкуры.

Когда необходимые предметы занесены, приступают к покрытию чума. Покрышки летнего чума шиваются из полос бересты, положенной в два три ряда так, чтобы слои ее перекрещивались, чем достигается большая прочность полотнищ. Береста предварительно специально подготавливается. Ее очищают от наростов, верхней белой пленки и варят.¹ Вываренная береста приобретает значительную эластичность, прочность и не пересыхает спустя даже значительное время. Шивается береста нитками из оленьих сухожилий, которые, так же как и сама береста, хорошо противостоят гниению. Вся покрывка состоит из четырех частей *a*, *a'*, *b*, *b'* (рис. 4), которые располагаются на остоле чума двумя ярусами. Две нижние части *a*, *a'* сшиты в виде усеченных секторов и имеют завязки для прикрепления их к шестам чума. Части *b*, *b'* имеют на их верхних углах небольшие карманчики, в которые вставляются концы шестов, с помощью которых покрывки поднимаются на место, где они удерживаются имеющимися на них веревками, которыми чум обвивается кругом (рис. 5 и 9). В дальнейшем части *b*, *b'* с помощью тех же шестов можно несколько передвигать; во время дождя их поднимают, сокращая тем самым дымовое отверстие, а при ветре передвигают в ту или другую сторону для улучшения тяги. Для последнего служит иногда также небольшой четырехугольный кусок бересты, поднимаемый на шестах с наветренной стороны дымового отверстия.

У полуоседлого населения низовьев Оби, где чум как летнее жилище распространен весьма широко, употребляется обычно несколько упрощенная система покрывшек. Чум кроется тисками сравнительно небольшого размера, расположенными в два яруса. Нижний ярус состоит из 4—5 тисок, имеющих несколько закругленный нижний край. На них налегает второй ряд из 3—4 тисок прямоугольной формы. Для защиты дымового отверстия от дождя и ветра, наверху укрепляются два небольших куска бересты. Расположение тисок видно из рис. 6 и 7. Так как у полуоседлого рыболовческого населения чум в течение лета переносится с места на место редко, такая дробность покрывшек не представляет собою

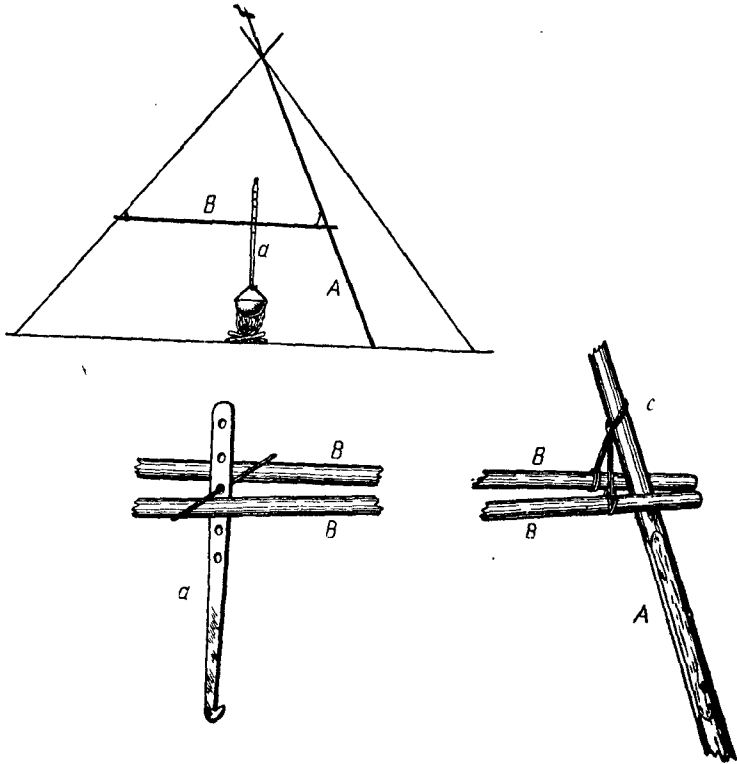

Рис. 3. Крепление жердей, поддерживающих крюк для котла. А — Симса; В — жерди, на которые вешается крюк; а — крюк для котла.

¹ Подробнее об этом см. U. T. Sirelius. Die Handarbeiten der Ostjaken und Wogulen, Journal de la Société Finno-Ougrienne, v. XXII, Hels. 1903, p. 49—50.

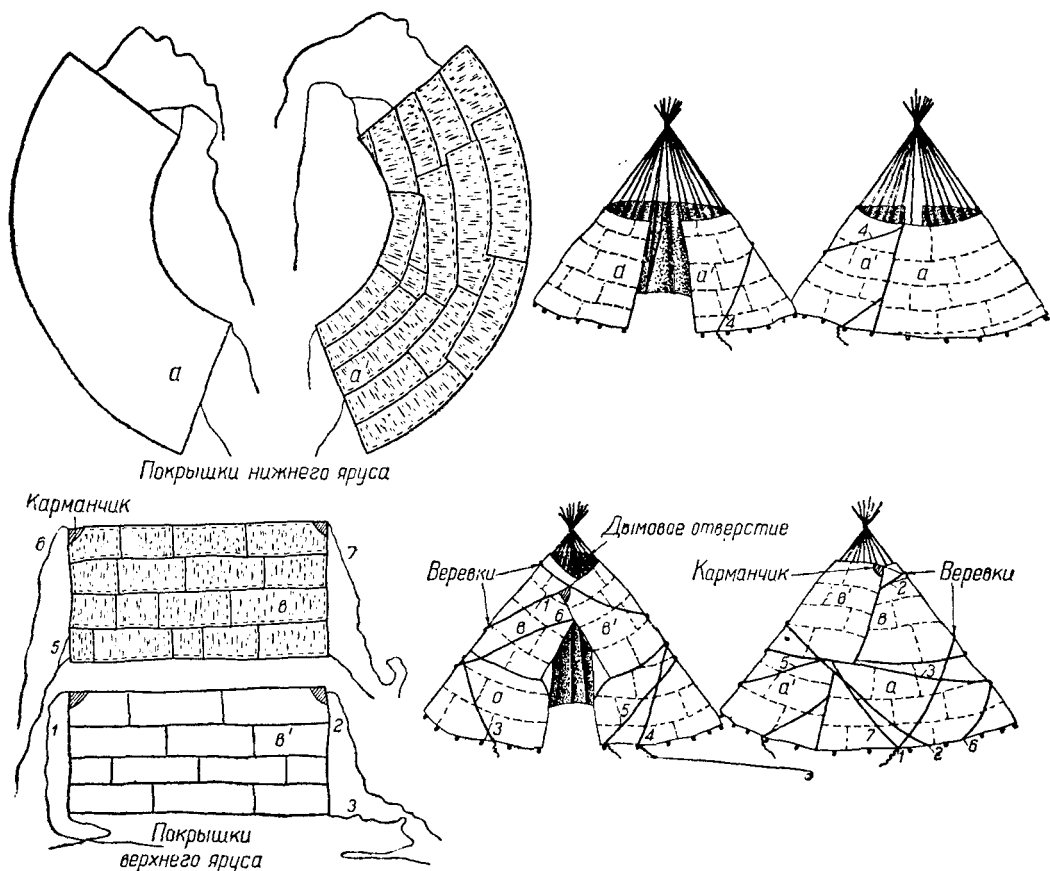

Рис. 4. Покрышки нижнего и верхнего ярусов.

Рис. 5. Вверху — надет нижний ярус берестяных покрышек. Внизу — надеты оба яруса берестяных покрышек.

существенных неудобств. Наконец, как уже упоминалось, у оседлого и полуоседлого населения таежной полосы чум часто покрывается отдельными кусками свежесодранной бересты, удерживаемыми на месте рядом жердей и бревен (рис. 8).

Дверь в берестяном чуме представляет собою прямоугольный или несколько суженный в верхней части кусок трех-четырёхслойной тиски, края которой, чтобы они не обтрепывались, обвиваются кожей или берестой. Дверь подвешивается на двух веревках, одними концами привязанных к ее углам, а другими — к верхушке одного из шестов. Иногда (чаще всего в таежной части) сбоку двери пришиваются две кожаные петли, которыми она надевается на шест, нижним концом воткнутый в землю и прислоненный к чуму.

Несмотря на то, что тиски для покрытия чума называются вогулами и остяками «ненецкая береста» [M. jörn säs; X. jorgin tondi (Ahlqv. N. O. 83)], изготавливаются они главным образом в таежной полосе теми же остяками и являются вместе с травяными цыновками одним из объектов, экспортируемых в тундру.

Зимний чум покрывается оленьими шкурами в два слоя: внутренний — мехом вниз (нен. түйко) и внешний — мехом наружу (нен. јеје). На покрышки зимнего чума идет всего около 60 оленьих шкур, причем для түйко около 27—28 и для јеје 32—33. Для внутренних покрышек шерсть на шкурах подстригается

Рис. 6 и 7. Легний чум, крытый отдельными тисками.

Рис. 8. Летний чум, крытый кусками невыделанной бересты.

Рис. 9. Летний чум с покрывками, шпигтами из «глинок».

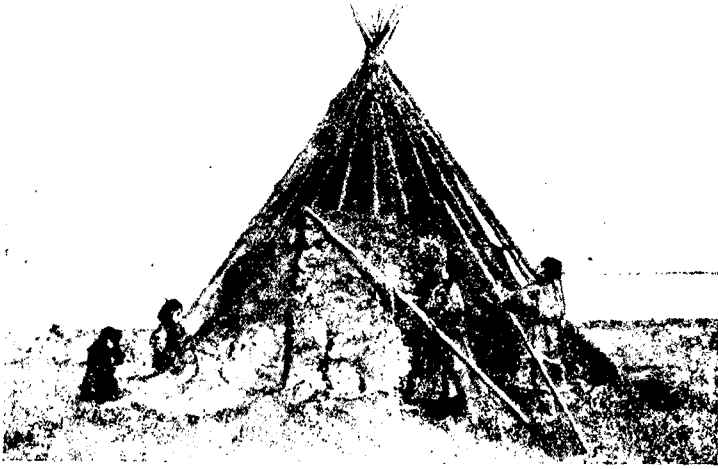

Рис. 10. Покрытие чума.

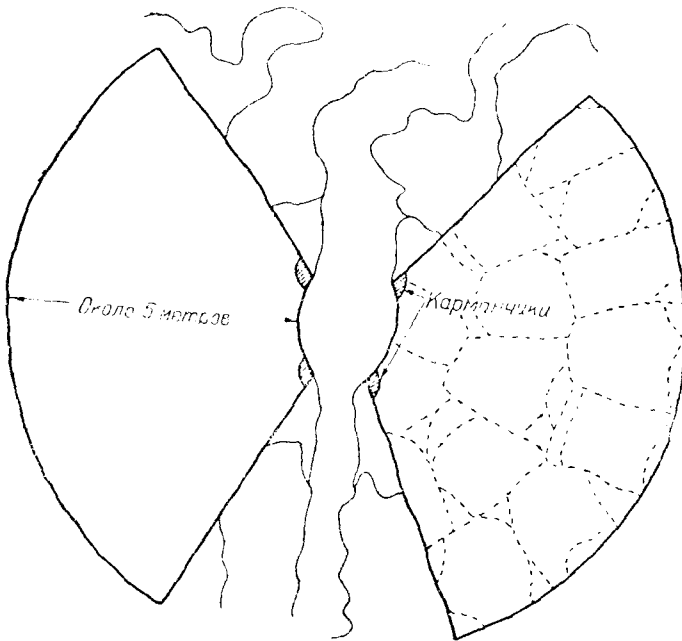

Рис. 11. Очертания зимних меховых покрывок (јеје).

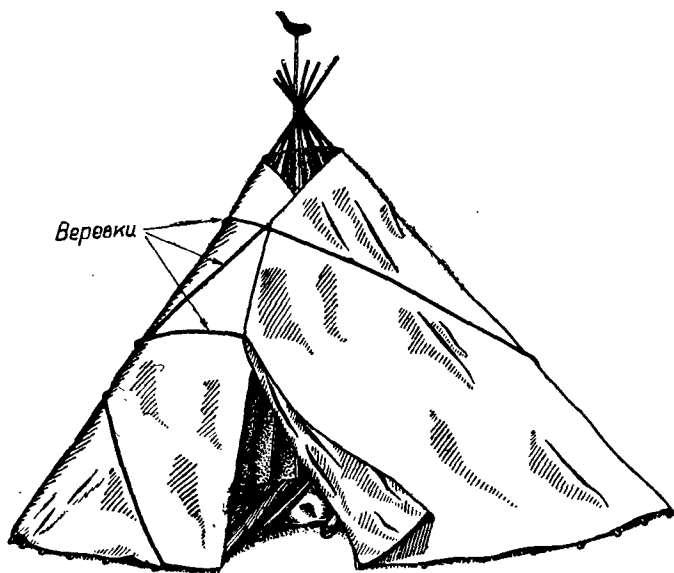

Рис. 12. Зимний чум.

или, в небогатых хозяйствах, для них идут уже несколько вытертые шкуры. Каждый из слоев покрышек состоит из двух половин, имеющих форму усеченных секторов (рис. 11), размерами несколько превышающих половину поверхности чума, так что края покрышек налегают один на другой.

Покрышки поднимаются на место с помощью шестов, для которых на верхних углах имеются небольшие карманчики и обвязываются веревками. Предпочитаются веревки из конского волоса, так как они не намокают и не поддаются гниению.

Край одной из внешних покрышек перекрывает входное отверстие, образуя таким образом откидную дверь (рис. 12).

В прежнее время жилая площадь чума распределялась следующим образом.¹ Если чум занимался одной семьей, в таких случаях обычно зажиточной, то на одной стороне в средней части (против основного шеста, рис. 2) спали глава семьи и его жена, а также младшие дети, выше их (т. е. ближе к симса) неженатые сыновья. На другой стороне, от середины к симса старики (напр. отец главы семьи), неженатые сыновья и работники, а от середины к двери остальные незамужние женщины, как то: дочери, сестры главы семьи и если есть, то работница. Если в хозяйстве имелись еще брачные пары, как, напр., женатый сын или работник или младший брат главы семьи, то они занимали середину.

Гостей укладывали, придерживаясь определенной схемы, т. е. мужчин от середины к симса, женщин от середины к входу, женатых на середине, причем в зависимости от того, какое положение имел гость, укладывали его ближе или дальше от края. Самыми худшими считались крайние места к симса — для мужчин и к входу — для женщин.

Если в чуме жили две семьи, они, придерживаясь изложенного принципа, занимали каждая свою половину.

Стоимость половины чума и отдельных ее частей, выраженная в оленях, в то время приблизительно равнялась:

Половина верхних (jeje pel'a) и половина нижних покрышек — 20 оленей, 2 доски (для всего чума нужны четыре) — 1 олень, 10 шестов — 1 олень.

¹ Приводимые данные собраны десять лет назад на п-ове Ямале.

А. И. Андреев

Труды и материалы В. Н. Татищева о Сибири

Василий Никитич Татищев (р. 1686 г., ум. в 1750 г.), один из видных деятелей петровского времени, был не только первым русским историком, автором «Истории Российской», но также ученым географом и этнографом. Уже в первое свое пребывание в Сибири (1720—1723 гг.) Татищев занимался выполнением не только прямых своих обязанностей — «в Сибирской губ. . . где обыщутся удобные разные места, строить заводы и из руд серебро и медь плавить», но и живо интересовался современным состоянием и ее населения, результатом чего явились, напр., интересные записки его о Сибири, напечатанные в 1863 г. П. П. Пекарским.¹

17 марта 1734 г. Татищев был вновь назначен в Сибирь главным начальником горных заводов Сибири и Пермского края. В данной ему инструкции,² помимо вопросов управления заводами, был особый пункт (13-й), относящийся к изучению обширного края, в котором находились упомянутые заводы. Татищеву вменялось в обязанность не только дать географические карты отдельных уездов, но и составить «обстоятельное географическое описание» Сибири; для выполнения этого поручения в его ведение передавались все имевшиеся в Сибири геодезисты; кроме того, он мог требовать от Сената потребное число «искусных геодезистов со учениками» и понуждать их к сочинению исправных карт всей Сибири и «в том над ними надзирать». В октябре 1734 г. Татищев прибыл в Екатеринбург и принял от де-Геннина управление заводами. В эти же первые месяцы пребывания там им были сочинены вопросы по географии и истории Сибири, ответы на которые предполагалось получить от правительственных учреждений Сибири, как материал для географического ее описания. Список таких вопросов был препровожден Татищевым также в Академию, причем он просил не только рассмотреть его, но и отпечатать в достаточном количестве экземпляров. Из сохранившейся переписки 1734—1735 гг. нельзя установить, какие встретились препятствия к исполнению желания Татищева.³ Текст вопросов был переведен, впрочем, на немецкий язык и в феврале 1735 г. передан на рассмотрение акад. Эйлеру,⁴ но заключение последнего отыскать не удалось. Уже по опыту прежних своих сношений с Академией зная, что дела в ней идут весьма медленно, Татищев, не дожидаясь ее замечаний, разослал выработанную им анкету по губернским и провинциальным канцеляриям Сибири и Казанской губ. и уже с начала 1735 г. стал получать ответы на предложенные им вопросы. Надо заметить, однако, что поступление ответов шло очень медленно, требовались неоднократные напоминания со стороны Татищева, а качество ответов его определенно не удовлетворяло.

¹ Записки Русск. геогр. общ. 1863, кн. 3-я, исслед. и матер., стр. 112—114, 124—128.

² Полн. Собр. зак., IX, № 6559.

³ Проток. Акад. Наук, 1, стр. 135.

⁴ Проток. Акад. Наук, 1, стр. 150.

Но во всяком случае от многих провинциальных канцелярий Сибирской и Казанской губерний были получены достаточные сведения для того, чтобы Татищев мог приступить к составлению общего географического описания Сибири. Кроме ответов на анкету, полученных главным образом, из Западной Сибири, источником для автора послужили и некоторые печатные труды о Сибири, которыми располагал Татищев.¹

Это прежде всего труд Страленберга «Das nord- und östliche Theil von Europa und Asia», основательно изученный Татищевым и несколько позже под его наблюдением переведенный в Самаре на русский язык.² К этому труду им составлены обстоятельные примечания.³ Замечания на Страленберга Татищев стремился получить с мест, и в этом смысле, напр., писал иркутскому вице-губернатору Бибикову 4 июня 1737 г.;⁴ надо думать, что подобного же происхождения те замечания на известия Страленберга об якутах, которые сохранились в бумагах Татищева.⁵ Кроме Страленберга, в выписках Татищева сохранились извлечения из других печатных трудов о Сибири: из «Стата Сибирского», под которым надо разуметь вышедшую в 1720 г. (повторно в 1725 г.) в Нюрнберге книжку под заглавием «Der allerneueste Staat von Siberien, eines grossen und zuvor wenig bekannten Moskowitischen Provinz in Asien»; судя по заключительной главе, в составлении книги принимали участие пленные шведы, собравшие, как известно, большой историко-этнографический материал о Сибири, до сих пор, однако, почти не вошедший в нашу литературу о Сибири. Впрочем, этнографическая часть этой книжки не представляет особой ценности, так как является простым переводом и компиляцией книг Витзена и Исбранд Идеса. Помимо того, Татищев располагал известиями о Сибири Лоренца Ланга, надо полагать, по немецкому тексту, напечатанному в «Verändertes Russland» Вебера (Ганновер, 1729). Он ссылается также на Адама Бранда, описавшего свое совместное с Исбранд Идесом путешествие через Сибирь в книжке, изданной в Гамбурге в 1698 г. Вероятно, Татищеву были известны и другие путешественники по Сибири, но судить об этом трудно, так как до нас дошла лишь часть его выписок. На основании этих печатных и рукописных материалов, Татищев в 1736 г. составил «порядок общаго географического описания всеа Сибири»;⁶ по плану оно должно было заключать 19 глав, из которых отыскиались только некоторые главы: гл. 1 «о имени Сибирь» (§§ 1—5), гл. 2 «о границах» (§§ 6—14), гл. 3 «о великости» (§§ 15 и 16), гл. 4 «о воздухе» (§§ 17—21), гл. 5 «о водах» (начало § 22) и часть гл. 13 «о жителях Сибирских» (§§ 73—74); § 75 и следующие до конца труда (гл. 19-й) пока не найдены.

Составленные Татищевым в 1734 г. вопросы, видимо, мало удовлетворяли его самого, и одновременно он работал над сочинением другого более подробного и обстоятельного «предложения», где в 198 пунктах им изложены те вопросы по географии, истории, этнографии и языкам народов Сибири, ответы на которые дали бы, действительно, богатый материал о народах Сибири. Время составления этой второй анкеты тот же 1734 г., так как уже в письме 5 ноября 1734 г. (т. е. вскоре по прибытии Татищева в Екатеринбург) он запрашивает Шумахера

¹ Извлечения из них см. в отрывке из его выписок, напечатанном в труде Н. А. Попова, «В. Н. Татищев и его время», М., 1861, стр. 705—716.

² Перевод в отд. рукописн. книги Библ. Акад. Наук СССР, шифр 16. 13. 16, на 104 лл.

³ Отд. рукописн. книги Библ. Акад. Наук СССР, шифр 17.9.7, список канцелярский, на 75 лл.

⁴ Архив Акад. Наук СССР, ф. 3, оп. I, № 816, л. 3: копия письма; л. 4—26 об.: копия «предложения».

⁵ Ср. в письме Шумахеру 3 января 1739 г. (Архив Акад. Наук СССР, ф. 121): «из Якутска получил описание якут с фигурами, которое списав немедленно пришлю». Выписки из Страленберга об якутах и замечания на них (неизв. почерком) в Архиве Акад. Наук СССР, ф. 21, оп. 5, № 149, лл. 410—416.

⁶ Инст. истории Акад. Наук СССР, по описи рукоп., поступивших из Библ. Акад. Наук СССР, № 344, на 18 лл.

о том, что же сделано в Академии с присланными им вопросами «для известия о народах идолопоклоннических»,¹ составляющими раздел 2-й этой инструкции. Вопрос оставался без ответа до 1737 г. Объяснение такого странного молчания Академии по поводу большой научной работы, проделанной В. Н. Татищевым, надо, видимо, искать в том, что в ее составе не было достаточно компетентного лица, которое могло бы критически подойти к трудам Татищева. Вопросы, поднятые в «предложении» и других трудах Татищева, были, конечно, близки акад. Г. Ф. Миллеру, находившемуся, однако, в Камчатской экспедиции и, как отмечено мною в другом месте,² работавшему одновременно с Татищевым над разработкой тех же вопросов географии, этнографии и истории Сибири, которых касался Татищев в своих трудах. Сведений о непосредственных сношениях Татищева и Миллера в эти годы не имеется, но во всяком случае обе инструкции Татищева были известны Миллеру: в бытность его в Красноярске в 1740 г. он взял там для себя отпуски ответов Красноярской воеводской канцелярии на обе анкеты Татищева, которые и сохранились в одном из его портфелей с надписью, сделанной им собственноручно. В составленной Миллером в том же 1740 г. инструкции Фишеру для собирания географических, этнографических и исторических сведений о Сибири можно установить несомненные заимствования из инструкций Татищева, о которых идет здесь речь.

Только в мае 1737 г., в связи с новым назначением Татищева в Оренбургскую экспедицию и новым указом Сената об ускорении работ по составлению карт и описания Сибири, Академия ответила на его письма 1735 и 1736 гг., при которых были приложены упомянутые труды: «предложение о описании Сибири» было отдано президентом на просмотр «некоторым членам, чтобы о том Академии Наук репортовать и на Страленберхову книгу присланные примечания в такой порядок привести, дабы оне к прочим до Российской истории принадлежащим описаниям присовокуплены быть могли».³ В действительности же и в дальнейшем обсуждения «предложения» Татищева не происходило. Спустя полгода Татищева вновь обращается в Академию по тому же вопросу. К промемории его от 16 октября 1737 г.⁴ об изготовлении инструкции для геодезистов, посланных Оренбургской экспедицией в Сибирь и другие места, Татищев приложил вновь свое «предложение», как проект части этой общей инструкции. Из текста промемории видно, что геодезистам, отправленным в Сибирь, эта его инструкция вручена в качестве обязательной. В письме к президенту от того же 16 октября 1737 г.⁵ Татищев, настойчиво требуя составления и напечатания инструкции для геодезистов, между прочим, пишет: «. . . muss dieselbe weitläufig verfasst werden, absonderlich wo leute von anderer religion und sprache sind», несомненно, имея в виду ту часть ее, которая его особенно интересовала — о собирании сведений по географии, этнографии и истории народов Сибири. Но и на этот раз Академия слабо реагировала на просьбу Татищева. 12 марта 1739 г. Татищев вновь напоминает Академии о необходимости высылки «обстоятельной геодезистам инструкции», в которой должен быть раздел, посвященный составлению географических описаний,⁶ но в ответ получил лишь ту часть ее, которая была составлена Делилем и касалась астрономических и геодезических измерений. В апреле 1739 г. Татищев представил в Сенат подробный отзыв на эту инструкцию, где не преминул высказаться по поводу состояния географического изучения России и Сибири в те годы,⁷ а в конце его вновь настаивал на рассмотрении, исправлении и затем

¹ Архив Акад. Наук СССР, ф. 121, письмо 5 ноября 1734 г.

² Г. Ф. Миллер. История Сибири, I, Ленинград, 1937, стр. 71.

³ Матер. для ист. Акад. Наук, III, стр. 396.

⁴ Там же, III, стр. 499—501.

⁵ Там же, стр. 498—499.

⁶ Там же, IV, стр. 40.

⁷ Там же, IV, стр. 97—104.

отпечатании его «предложения», и о рассылке его по городам, «дабы каждой провинции описание купно с ландкратою издать было возможно».

Поскольку вопросы, поднятые Татищевым, касались Академии, в последней они встретили тот же отклик, как и при более ранних попытках Татищева получить ответ на давно уже лежавшее в Академии его «предложение».

Ожидая долго ответа Академии, Татищев давно уже использовал инструкцию для собирания нужных сведений. Одновременно с «апробацией» представленных им в Кабинет первых глав географического описания Сибири, Татищеву было поручено, по образцу географического описания Сибири, сочинить географию всего государства. С целью получения необходимых для этого материалов Татищев вошел с новым представлением в Сенат о том, чтобы его «предложения, что к тому. . . от губерний и городов потребно (т. е. его инструкцию из 198 пунктов) повелели, рассмотря и, если в чем потребно, исправя, напечатать и во все государство разослать». И еще до получения ответа Сената и вместе с тем печатных экземпляров инструкции, он «для скорости» разослал ее в письменном виде геодезистам, находившимся в Сибирской и Казанской губерниях.¹ Ответы последних, а также провинциальных канцелярий, начали поступать с 1738 г. Не касаясь качества ответов, следует отметить, что запросы по второй анкете Татищева, вероятно, были отправлены во все сибирские губернские и провинциальные канцелярии, но неизвестно, от всех ли канцелярий были получены ответы; во всяком случае сохранились они до нас далеко не в полном виде. Сам Татищев уже не использовал собранные вторичные материалы о Сибири, так как в феврале 1739 г. был вызван в Петербург, а в июне того же года был отставлен от Оренбургской экспедиции; когда же он мог вернуться к научной работе, то внимание его оказалось направленным в сторону других практических интересов, для разрешения которых пришлось искать и собирать новые материалы.

Впрочем, помимо ответов на анкеты, во все годы пребывания Татищева в Сибири он занимался изучением и собиранием других материалов по ее географии и истории. Так, в промемории 3 мая 1738 г. он сообщает в Академию несколько ценных замечаний по поводу ранних работ Г. Ф. Миллера по истории калмыков, напечатанных в первых пяти выпусках *Sammlung Russischer Geschichte*, и присылает копию полученного им от калмыцкой «княгини тайшиной нечто кратко о их законе», надеясь получить от нее известия о вере и истории калмыков и примечания на напечатанное Г. Ф. Миллером и другими о калмыках.² В связи с этим стоит требование к И. С. Унковскому о присылке в Академию журнала его путешествия в 1722 г. к калмыкам, который по получении был послан затем Татищеву.³ Свое обещание выслать в Академию материалы о калмыках Татищев выполнил позже.⁴

Кроме рукописей и книг по географии и истории Сибири, в те же 1734—1739 гг. Академия получала от Татищева неоднократно карты, составленные под его руководством геодезистами Оренбургской экспедиции.

Часть собранных Татищевым материалов о Сибири была выслана им в Академию еще в 1734—1739 гг. Оставшиеся у него поступали в последующие годы. Так, перевод Страленберга был передан в 1747 г., весь анкетный материал по запросам 1734 и 1737 г. был переслан Татищевым в Академию только в 1749 г.⁵

До 1930 г. материалы Татищева находились в отделе рукописной книги Библиотеки Академии Наук СССР, и при передаче в 1930 г. из Библиотеки истори-

¹ Матер. для ист. Акад. Наук, IV, стр. 99, 101.

² Там же, III, 682—683, 725—726.

³ Там же, стр. 806—807.

⁴ См. список материалов в промемории, полученной в Академии 12 марта 1739 г. (Матер. для истор. Акад. Наук, IV, стр. 41. Часть этих материалов в Архиве Акад. Наук, разр. II, оп. I, № 205, лл. 113—114 об.).

⁵ Матер. для ист. Акад. Наук, X, стр. 2. Архив Акад. Наук СССР, проток. бумаги 1749 г., август, № 1.

ческих материалов в другие хранилища часть материалов Татищева почему-то была передана не в Архив Академии Наук СССР, где ныне находятся все материалы о Сибири, собранные Татищевым (ф. 21, оп. 5, №№ 149—153 и 163), а в Историко-археографический институт, ныне Институт истории Академии Наук СССР, где хранятся по описи рукописей, поступивших из Библиотеки Академии Наук СССР под №№ 344 и 345. О происхождении материалов, относящихся к тем же анкетам 1734 и 1739 гг. и хранящихся в ГАФКЭ, в портфеле Миллера № 516, тетр. 2, сказано мною выше; они, несомненно, должны быть включены в общий обзор материалов Татищева о Сибири.

Татищев имел в своем собрании также копии с документов, хранившихся в его время в сибирских архивах: в списке рукописей, которые были у него в конце 1735 г., он, между прочим, отметил: «G. Historia Siberiensis. Diplomata exscripta de Siberiensibus limitaneis negotiis»,¹ а в перечне книг и рукописей, оставшихся после его смерти, указаны «архива Томская», «архива Тарская» и др.² Надо думать, что их постигла общая судьба рукописей, оставшихся в его селе Грибанове: они погибли в пожар вскоре после смерти Татищева (1750 г.).

Если не считать извлечений из материалов, собранных по анкете Татищева геодезистом Вас. Шишковым и напечатанных Н. А. Поповым (его труд о Татищеве, стр. 569—577 и 696—704) и В. В. Радловым в «Сибирских древностях» (1, прилож. стр. 140—146), то все прочие материалы остаются до сих пор неизвестными. Нет надобности доказывать, что они представляют большой научный интерес. Анкетный материал является первым по времени материалом XVIII в. о народах Сибири, собранным по известному плану, для своего времени, вполне научному, и в ряду аналогичных материалов того же XVIII в. (прежде всего собранных в 1734 и следующих годах Г. Ф. Миллером и полученных по анкете 1760—1761 гг.) они заслуживают изучения и издания в первую очередь.

Хранящийся вместе с ним большой словарный материал,³ собранный Татищевым через провинциальные канцелярии Сибири и по его заданию Кириаком Кондратовичем⁴ и другими его сотрудниками тех лет, должен привлечь к себе внимание лингвистов как одна из ранних попыток в области собирания материалов по языку народов Сибири.

Наконец, для истории русской картографии и картографии Сибири, в частности, представляют большой интерес упомянутые выше карты, которые являются первым серьезным опытом у нас в этой области, когда нередко отсутствовали самые элементарные требования для подобной работы, о чем красноречиво рассказывает сам Татищев в названном выше представлении в Сенат по поводу инструкции Делиля. Как и прочие картографические материалы б. Географического департамента Академии Наук, они хранятся в картографическом отделе Библиотеки Академии Наук СССР и, подобно прочим материалам, собранным Татищевым, еще ждут своего исследователя.

Печатаемые далее документы, хранящиеся в ГАФКЭ, в портфеле Миллера № 516, относятся ко второй половине 1737 г., после 26 июля, когда было получено в Красноярске предложение Енисейской провинциальной канцелярии о высылке В. Н. Татищеву сведений о состоянии живущих в Сибири народов. Эти

¹ Список приложен к письму 21 дек. 1735 г., которое сохранилось только в латинском переводе (Архив Акад. Наук СССР, разр. III, оп. I, № 179).

² П. Пекарский. Новые известия о В. Н. Татищеве. СПб., 1864, стр. 59. В письме 30 марта 1749 г. Татищев пишет, что у него имеются «архивы Сибирская, Казанская, Астраханская и др.» (Архив Акад. Наук СССР, ф. 1, оп. 3, № 37, л. 308).

³ Те несколько образцов ответов провинциальных канцелярий Сибири на словарную анкету Татищева, которые, по словам Г. Ф. Миллера в его «Истории Акад. Наук» (Матер. для ист. Акад. Наук СССР, VI, стр. 286), взял в Сибири Фишер и потом передал в Геттингенское научное общество, являются отпусками ответов этих канцелярий на запрос Татищева; подлинные же ответы хранятся в Архиве Академии Наук СССР.

⁴ О словарях, составленных им по поручению Татищева, см. Матер. для ист. Акад. Наук, IV, стр. 131, 385 и у Н. А. Попова, назв. соч., стр. 581—583.

сведения требовалось дать в отношении канских татар, аринцев и качинских татар. Красноярская воеводская канцелярия собрала о них показания сведущих людей, имена которых названы в начале тех сказок, которые были написаны одним из писцов канцелярии, как видно по тому образцу, который был приложен к предложению, но пока не найден (это был ответ на тот же вопрос о состоянии сибирских народов, составленный в Тобольске в отношении остяков, вогулов и других народов Тобольской провинции). Собранные сказки были отправлены в Енисейск 12 января 1738 г. Позже данные сказок были обработаны для ответов на те 198 вопросов В. Н. Татищева, о которых говорится выше.¹

Являясь первоначальным документом, не подвергшимся переработке канцеляристов, часто не разбиравшихся в тех вопросах, которые ставил В. Н. Татищев, печатаемые сказки ярко отражают показания сведущих людей и в некоторых случаях, несомненно, передают их подлинные слова. В виду гибели архива Красноярской воеводской канцелярии нет возможности установить биографии тех, которые выступают в сказках в качестве сведущих людей, и вместе с тем показать, насколько основательно канцелярия считала их таковыми. Впрочем, показания об аринцах и качинцах давали лица, связанные с этими народами своим происхождением. Что же касается первой сказки «о состоянии народа Канской земли», написанной по показаниям красноярских детей боярских Прокопия Многогрешного, Семена Аксакова и Ивана Саламатова, то следует заметить, что первый из них является сыном красноярского сына боярского Василия Игнатьевича Многогрешного, бывшего черниговского полковника, сосланного в Красноярск в 1672 г. Василий Многогрешный провел много лет на службе в Красноярске и в 1692 г. стоял во главе большого отряда служилых людей, посланного в Канскую землю против «изменников» — тубинских князьцов Шанды и других, в результате чего Канская земля подверглась новому разорению.² Прокопий Многогрешный, сын Василия Многогрешного, начал службу, видимо, в 1695 г. и продолжал ее в Красноярске и, надо полагать, не раз бывал в Канской земле. Такой же фамилией красноярских служилых людей, неоднократно бывавших в Канской земле, являются Саламатовы, из которых Тит Саламатов принимал участие в упомянутом походе 1692 г.,³ а Иван Саламатов служил там.

Как известно, в своем продвижении вверх по Енисею служилые люди еще в начале XVII в., в 1608 г., обложили ясаком находившуюся на обоих берегах Енисея Тюлькину землю, под которой справедливо разумеют земли аринцев и качинцев:⁴ под 1630 г. упоминается «Аринские земли» князец Татуш, названный в другом месте князцом Тюлькиной земли;⁵ на территории последней в 1629 г. был построен Красноярск, а земля Тюлькина разделилась с тех пор на две части: землю Аринскую и Качинскую, являвшиеся пригородными по отношению к Красноярску волостями. Судьба живших в них качинцев и аринцев тесно связана с историей Красноярска в XVII в., причем аринцы особенно много страдали от неоднократных нашествий на Красноярск енисейских киргизов и родственных им племен, в частности тубинцев. Сведения об аринцах впервые были даны Страленбергом (стр. 85), причем неосновательность многих из них была установлена Г. Ф. Миллером в его первом томе «Истории Сибири» (по изд. 1937 г., стр. 185—187). В 1718 г. в Аринской земле считалось 8 улусов, с 90 ясашными людьми.⁶

¹ ГАФКЭ, портф. Миллера № 516, лл. 489—490.

² Доп. к Акт. историч., VI, стр. 324, 325, 327; Оглоблин. Обзор. докум. и дел Сибирск. прик., I, стр. 116, 117; Памятники Сибирской истории, I, стр. 15, 16; Оглоблин. Служба в Сибири Демьяна Многогрешного, в Чтен. в Общ. Нестора летописца, VI (1892), отд. II, стр. 150, 165—168.

³ Оглоблин. Обозрение, III, стр. 36; Памятники Сибирской истории, I, стр. 16.

⁴ Миллер. История Сибири, гл. VII, § 7.

⁵ Оглоблин. Обозрение, I, стр. 95.

⁶ Арх. Акад. Наук СССР, ф. 21, оп. 4, № 20, л. 236 об.

«Канская земляца» была обложена ясаком впервые в 1628 г. В известиях XVII в. живший по р. Кану народ носит название котовцев, а их земля — Котовской; последнее название близко к самоназванию этого народа — кхетовчи, которое приводит Страленберг: по его словам (стр. 36, по переводу под редакцией В. Н. Татищева): «канские татары. . . никакого с татары сравнения не имеют, но сущие самояди или остяки, с которыми в языке, хотя по близости татарским испорчен, но много согласуют, и сами сказывают о себе, что они одного народа были и вместе жили. Сие имя дали им русские от реки Кан. . . Сами они себя зовут кхетовчи, а тунгусы их зовут аза. Они немногочисленны и едва от 400 до 500 человек соберется». Не касаясь вопроса о языке канских татар, отмечу лишь, что общее количество ясачных канских татар (кроме жен и детей), по данным 1718 г.,¹ равнялось 267 человек, «да в прошлых годах 18 человек бежали». Судя по документам XVII в., котовцы не оказывали сопротивления русским, но последним сильно противодействовали соседи котовцев — кочевавшие нередко в той же Канской земляце — тубинцы, требовавшие от котовцев ясака. Борьба тубинцев с русскими заполняет историю Канской земляцы до самого конца XVII в., когда в результате похода Василия Многогрешного тубинцы были окончательно вытеснены из этой земляцы. Сбор ясака русскими и тубинцами и продолжительная борьба между ними в Канской земляце привели население в крайне бедственное состояние, о чем говорит и печатаемая сказка (ср: «. . . и живут весьма нужны»).

Упомянутая в № 2 Кайбальская земляца находилась на р. Абакане; на ее территории был выстроен в 1707 г. Абаканский острог. По ясачным книгам 1718 г. в Кайбальской земляце считалось 16 улусов с общим количеством 292 ясачных людей.²

Ценность печатаемых документов несомненна для историка и этнографа народностей Сибири, не имеющих для Красноярского и Восточно-Сибирской области других более ранних документов с таким богатым этнографическим содержанием.

1

1737 г. августа—декабря. — Сказка красноярских детей боярских Прокопия Многогрешного с товарищами «о состоянии народа Канской земляцы».

1737 году красноярские дети боярские Прокопий Многогрешной, Семен Аксаков, Иван Саламатов в Красноярской канцелярии сказали о состоянии народа Канской земляцы:

Оной народ состоит ростом средним, лицом смуглые, глаза узкие, черные и карие, волосом черные и русые. Платья носят зимою козлиные, тулупы шерстью вниз, а летом носят кафтаны козлиные голые, а рубашек на себе не имеют, кроме оных кажанов. А на ногах носят зимою козлиные пимы, по подобию сапогов бес каблуков, из осенних козлин, а летом из летних козлин. И штаны носят из оных же козлин голых, как летом, также и зимой. А такое платье носят и женский полк. А на головах носят малахаи лисьи, и рысьи, и росмачьи, и волчьи, и беличьи и протчих зверей. А на руках рукавиц не носят, и вместо рукавиц имеют у тулупов долгие рукава, и тем согревают руки. А живут (л. 491) оные канские татары зимою и летом в берестеных юртах острых, которые называются хателы, а по-русски называются алачеги. И в середине кладут огонь, и спят зимою в морозное время гузнами вместе, а головами розно, бес штанов, для теплоты, также и мужики в дорогах спят по тому ж; и постели имеют у себя из козьих головок и ис травы, и одеваютца оными же козлиными тулупами и одеялами коз-

¹ Арх. Акад. Наук СССР, ф. 21, оп. 4, № 20, л. 237.

² Арх. Акад. Наук СССР, ф. 21, оп. 4, № 20, л. 236.

лиными ж; а в летнее время спят, как и русские. А оные татары пропитание имеют себе зимою всякое звериное мясо, кроме волчья и лисья мяса, также и пропостинное мясо ядят, кроме ж оных волчья и лисья мяса. И сараню питаютца белою и желтою, и из оной сараны делают тобу кислую и сушеную, и как им понадобится есть, то оне оную тобу варят в воде и ядят; а сухую сарану едят вместо сухой рыбы и мяса (л. 491 об.). А оные ж канские татары промышляют зверей: летом лосей, а по их званию аганчи, и изюбрей, по их игум, и коз диких, а по их эг, а осенью и зимою и весною соболей, лисиц черных, и бурых, и красных, и рысей, и росомах, и выдр, и волков, и белку, тако ж и сохатых, и коз, и изюбрей. И оными зверьми платят в казну ее императорского величества ясак по шти, и по 5, и по 4, и по 3, и по 2, и по одному соболю на год; а у которых оных зверей не имеетца, и те платят ясак деньгами по рублю за соболя, которые деньги вырабливают у русских людей в летнее и в зимнее время. И живут оные татары по своим урочищам по Кану реке и в разных местах и кочуют с места на место по разным речкам как летом, так и зимою. И промышляют оных зверей осенью до снегу на конях и пешие. А лыжи у них имеютца деревянные (л. 492), подклеены камасами канинными и сохатинными. И стреляют оных зверей ис пищалей винотовальных и из луков кремневых стрелами. А стрелы имеют копейца железные и костеные, которые луки и стрелы делают они сами. И оные татары, как родятца у них мужеска или женска полу, то у них имена дают им по своему мнению, как им на ум найдет: на что глядят, по тому и имя даст. Да у оных же татар вера имеетца, и приносят жертву: бросают в огонь ядь куски свои, и потом бросают же шайтаном, которые весят на батагах у себя в юртах: голые соболи, и колонки, и горностаи, и белки, и привязывают же всякие лоскутья, и из птиц привязывают орлов и лунев, и тем называют шайтанов и¹. . . в них веруют. А ныне из оных татар многие пришли более половины во крещение в христианскую веру, и стоят близ Канского острогу, и повсягодно исповедываютца (л. 492 об.), и имеют у себя в юртах святые иконы и друг от друга обучаютца христианской вере. А некрещеные татары имеют у себя попрежнему шаманщиков, и бьют в бубны по ночам, а днем не шаманят, и веруют в шайтана; и собираетца на оное шаманство где их сколько имеетца мужеску и женску полу, и оных шаманщиков они называют вместо попов и дают оным шаманщикам плату скотом и протчими зверями и платьем. И оны же татара детей своих обучают сызладенчества мужеска полу стрелять из лука и ис пищали, и ходить на лыжах и ездить на конях, и промышлять всяких зверей, чем бы ему пропитание иметь. А женский полк обучают шить тулупы, и пимы, и штаны, и малахаи, и сарану копать (л. 493). И оный народ имеет у себя жен по одной, по две и по три. И берут оных жен от десяти лет и до старости. И сватаютца оные татара: ежели имеютца у двух мужиков жены беременны и еще не родили, то сватанье бывает у которого родитца сын, а у другога дочь, то с тех пор имеетца сватанье до возраста; и дают за невесту плату, а по их калыму; а как у обеих родятца по дочери или по сыну, и то сватанье покидают, а калым берут назад. И и[з] родства [берут] отец не[ве]ску и брат невеску ж, кроме родных, без разбору, и в то у них возбранения не имеют. И дают же за оных невест калыму скотом от 5-ти и до 15-ти скотин; а у кого скота не имеетца, то битыми сохатыми зверьми, козами и сохатыми. И исчисляют сохатова за скотину, а 10 коз за скотину ж, и квашеною сараню по 4 или по 5 пуд за скотину ж. И на тех свадьбах² бывают у них вместо пиров, бьют по скотине и по две и варят, и покаместа³ съдят мяса то все (л. 493 об.), по юртам своим и разъедутца. Да на тех ж свадьбах бывает пляска: скачут кверху, и бьют в ладони, и поют по своему песни, и тем себя увеселяют. А торгов у оных татар никаких не имеетца, и живут весьма нужны. И как оные татары умирают, то они в том

¹ В рукописи далее: алкем.

² В рукописи: свободах.

³ В рукописи: пока мяса.

же платье и кладут, в чем он ходил живой, и сверх того обвяжут его берестом; и отвозят их на высокие горы, и на тех горах поставят четыре столба, вышиною в печатную сажень, и наверху сделают мост, и на оный мост одного мертвого положат и сверх того покрывают берестом же и обвязывают прутьями; и те столбы у них называются лабазами; и одной мертвой лежит на тех столбах, пока не згниют столбы и не упадут на землю; а других мертвых закапывают в землю, где кто прилучится, и обертывают по тому же берестом.

2

1737 г. августа—декабря. — Сказка красноярского сына боярского Кирилла Худоногова и казака Якова Терского «о состоянии народа Кайбальской землицы» (л. 493 об.). Красноярские дети боярские Кирило Худоногов, казак Яков Терской в Красноярской канцелярии сказали о состоянии народа Кайбальской землицы:

Оной народ против Канской землицы.

3

1737 г. августа—декабря. — Сказка красноярского сына боярского Ивана Нашивошниковца с товарищами «о состоянии народа аринских татар».

Тако ж Красноярские сын боярской Иван Нашивошников, Аринской землицы ясашные татары Огус Тайшин, Афонька Манастырев, отставной ясашной Арзамас Казаков в Красноярской канцелярии сказали о состоянии народа аринских татар:

Оной Аринской землицы имеетца ныне природных 20 человек, ростом средние, волосом черные. Платье носят зимою козлиные и овчинные тулупы поливых коз зборами, и сверх оных тулупов носят адноротки из сермяжного сукна, а летом носят такое ж платье. А на ногах носят пимы козлиные ж и штаны из оных же козлин, а летом голые. Зимою носят рукавицы из оных же козлин с шерстью, и на руках. А на головах носят малахай овчинные, а женский полк носят такое ж. На теле рубахи: мужеск полк муские, а женск полк женские, холщевые и китайчатые. А более одного платья они у себя не имеют (л. 494 об.). А живут оные татары в берестеных круглых юртах, зимою и летом в одних. И кладут в середине огонь. И спят оные татары на войлоках, которые войлоки обшивают по одному краю разных цветов сукнами для красоты. Изголовье имеют из оных же войлоков и разцветчивают знатными ж сукнами с одной же стороны. И одеваютца козлиными тулупами и одеялами козлиными ж. И спят они по подобию, как и русские. И пропитание имеют себе: сеют хлеб ядрицу и ечень. И имеют у себя скот: кони и коровы, и овцы,—тем и питаютца, и ядят конинное, и коровье, и овечье, и козлиное мясо, битое и пропастинное. Так же копают коренья: сарану белую и желтую, и сушат, и сушеную варят с водою и ядят же. Тако ж и звериное мясо едят медвежье, и сохатинное, протчих зверей, кроме волчьа и лисья мяса. И платят оные татары ясак в казну ее императорского величества собольми, и лисицами, и волками, и сохатинами, и деньгами за соболи, по рублю за соболя, по 5, и по 4, и по 3, и по 2, и по одному соболю с человека на год (л. 495). И живут оные татары по речке Бузиму и кочуют с места на место по одному Бузиму. А веру имеют: они почитают на небе бога и кланяютца небу, и сонцу, и месяцу. И кто у них заболит, и многие ставят свечи спасителю образу и Николаю чудотворцу. А другие призывают из разных землиц шаманщиков и над тем больным шаманят: бьют в бубен и призывают диявола, чтоб одной больной тем исцелился. И как у них родятца младенцы, и дают имена мнением своим, как вздумают. И как оных младенцев родят, матери имеют болезну так, как русские. И берут за себя жен по одной и по две от 15-ти

лет и старее, и от родства берут оных жен от отцовою стороны от третьева колена, а от матери двоюродных сестер и протчих. И калыму дают за одних жен по пожиткам их скотом: за девок от 10 до 20 скотин, а за бабу по 7 скотин, и отдают за калым корову стелну за две, а кобылу бережую за две ж (л. 495 об.) головы. И на тех свадьбах бывають у них пиры: ис кобыльева и коровьева молока делают вино бес хмелю, и оное вино пьют, и бьют коней, и коров, и баранов, и варят оное мяса и ядят, и подчивають гостей; а венчанья по их вере никакова не бывает. И детей своих обучают как муской, так и женской полк ездить на конях с ызмладенчества; и как приидут в возраст, то муской полк обучают стрелять из луков и ис пищалей, а женской полк шить тулупы, и пимы, и штаны, и малахаи, и рукавицы. И как оные татары умирають, и тех мертвых оболочут в то платье, в чем он ходил. И копають на высокоом месте в ямы и засыпають землею, а на верх земли закладывають каменьем. И над тем мертвым чиняť поминование: пьют вышеписанное вино и бьют коня, и то мясо над тем мертвым сваряť и ядят, а голову, и гриву, и хвост повесяť над тем мертвым для знаку, и разьедутца по домам своим.

4

1737 г. августа—декабря. — Сказка Качинской землицы отставного служилого атамана Мугунгакова с товарищами «о состоянии народа Качинской землицы».

Красноярские Качинской землицы отставные служилою атаман Мугунгаков, ясашной Сарго Тургуин, толмачь Иван Онашкин в Красноярской канцелярии сказали о состоянии народа Качинской землицы:

Оной народ состоит в вере своей: ни поста, ни молитв никаких не знают, а наипаче что навькають шайтаном, и веруюť в него и шаманяť по их закону. Надеваєť оной шаманщик особливое платье, шитое ис кета[й]ки белой, а по плечам нашивають красное сукно и кисти шолковые, а по подолу обшито красною китайкою; и оной шаманщик скачет кверху на полтчетверти и выше; и бьют в бубен лопаткою, которая с одной стороны обшита волчью лапою; и оную лопатку кто сидит в юрте и бросають к ним на колени, и ту лопатку кому бросаť на колени, и оной подаєť ту лопатку оному шаманщику, и тот шаманщик кричит весьма необычайно². . . а что кричит и говорит, и оной сам не знает; и выбегает (л. 496 об.) шаманщик из юрты и после того входит в ту юрту и сказываєť им, что им наперед узнать; и за то шеманшество оному шаманщику дають дары по коню или какое платье и называють оных коней изык. А оной народ ростом средней, лицом смугловат, глаза серые и черные, волосом черные ж. И носяť на голове косы родного волоса, а вокруг косы бреють наглат. А платье носяť: мужики сарги тугук³. . . тулупы козлиные и бараньи, и заметывають левую полу направо, и опушывають те тулупы бобрами и овчинами черными; и сверх тех тулупов надевають однарядки ис цветного сукна и ис сермяжного. А на головах носяť малахаи лисьи, и рысьи, и волчьи, и овчинные з челами⁴ шолковыми и бумажными и нитеныма, кроме медвежьих. А на руках носяť рукавицы овчинные и козлиные, а на ногах пимы, подобны сапогам без каблуков (л. 497). А женской полк носяť зимю тулупы, а летом носяť жайлоки по их вере и сверх того носяť чигилек, подобен басроку. А на головах девки плетут кос по 15-ти и больше и меньше из родимых волосев, а бабы по две косы наплетають долгиє; а в ушах носяť серьги большие, кольца и каменья кладут хруш. . . шуру и потом к той шуре навешивають бисер и жемчюк китайской; а на головах носяť малахаи такие ж против муских с челами. Да на ногах носяť штаны ровдужные и холщевые. А юрты

¹ В рукописи: возят.

² Далее в рукописи: и где даť кверху.

³ Далее в рукописи: на толмача.

⁴ В рукописи: делами.

у себя имеют летом берестенные круглые, а зимою у иных бывают и воиловские, и делают иные избы. И имеют у себя богатство: деньги и скот, кони и коровы, и овцы, и тем себе пропитание имеют (л. 497 об.). И ясак платят в казну ее императорского величества собольми, и лисицами, и волками, и рысями, и росомаками, и белкою, и сохатинами, и деньгами по рублю за соболя, от пяти и до одного соболя на человека, смотря по пожиткам. И как у них родятца младенцы, то имя дают такие, что им на память взойдет. И оные родильницы очищения никакова себе не имеют, кроме того, что просто водою обмоетца. И оные ж татары имеют веру ж: как станут ясть, то перво [й] кусок в огонь бросают и плюют. И как у них бывают свадьбы, и на тех свадьбах бьют по коню и по быку, смотря по пожитку, и то мясо варят и ядят и пьют вино, которое деляют ис кобыля и коровья молока; и как съядят мясо и выпьют вино, то мужики сядут на коней, и возьмут скотинью грудину и оную грудину, на конях сиде, ядят и бегают, — то у них называется вместо потехи, и потом уедут по домам (л. 498). И берут жен из родства: с отцову сторону не берут, а с материнску сторону берут сестру двоюродну, и отец умершего сына невестку и меньшей брат большую невестку; и берут жен по три, и по две, и по одной, и дают за оных жен калыму, а по русски плату, скотом от 3¹ и до 5-ти скотин. А у оных татар торгов у себя никаких не имеют. А оной народ, как умирают, то кладут в землю, и землю не закапывают, только кладут сверх мертвого деревянной потолок и сверх того потолку закладывают камнем; и поминовение чинят над мертвым против того, как показано в Аринской землице.

¹ В рукописи: 30.

Н. Г. Шпринцин

„Живописное описание путешествия из Порту Филис в Куяба“ Г. Флоранса

Публикуемая нами рукопись художника экспедиции акад. Г. И. Лангсдорфа¹ — Г. Флоранса (H. Florence) «*Esquisse pittoresque du voyage de Porto Feliz à Cuyaba et explication de dessins ci joints*», переведена с подлинника, написанного на французском языке, хранящегося в Архиве Академии Наук СССР (фонд 63, опись I, № 21). Рукопись вместе с описанными в ней рисунками была, повидимому, послана, как можно судить по косвенным замечаниям Флоранса в его дневнике в *Revista Trimensal*,² через посредство итальянского купца Angellini в Петербург, в Академию Наук в июне 1827 г.

Большинство рисунков, упоминаемых Флорансом, в настоящее время не обнаружено. С достаточной степенью достоверности мы можем документировать лишь незначительную сохранившуюся часть их.

По своему содержанию рукопись Флоранса частично представляет краткое изложение соответствующих мест его дневника. Этот очерк, как видно из заглавия, является описанием путешествия из расположенного на берегу реки Tiété города Порту Филис в тогдашнюю столицу штата Matto-Grosso — Cuyabá.

Связанное с большими трудностями и лишениями путешествие по многочисленным водным путям продолжалось от 22 июня 1826 г. до 30 января 1827 г. Таким образом за период более чем в полгода было пройдено всего около 2500 км. В городе Куяба экспедиция пробыла до конца ноября 1827 г. За это время был произведен ряд экскурсий, в результате которых были собраны значительные научные материалы. Эти материалы, так же как довольно большое число рисунков, сохранились, повидимому, полностью.

Перевод рукописи Флоранса выполнен Е. М. Кубиш под моей редакцией. Нашей задачей являлась наиболее точная, насколько возможно, дословная передача содержания подлинника, так как мы не считали себя в праве давать вполне литературный перевод архивного документа в ущерб текстологической точности.

В круглых скобках помещены слова, перевести которые точно не представлялось возможным. В квадратных скобки заключены все дополнительные замечания, а также отдельные слова, разъясняющие дословный перевод.

Оригинал рукописи в настоящее время готовится к печати в качестве приложения к альбому рисунков художников экспедиции акад. Г. И. Лангсдорфа.

¹ Об этой экспедиции см. мою статью «Экспедиция академика Г. И. Лангсдорфа в Бразилию в 1-й четверти XIX в.» (Советская этнография, 1936, № 1, стр. 109—120).

² *Esboço da viagem feita pelo Sr de Langsdorff no interior do Brasil, desde Setembro de 1825 até Março de 1829. Revista Trimensal*, т. XXXVIII, pp. 1—11, Rio de Janeiro, 1875. Подробное описание этого путешествия, по содержанию не совпадающее с публикуемой рукописью, было напечатано в «*Revista do Museu Paulista*», т. XVI, 1929 (См. Н. Florence. *De Porto Feliz à Cuyaba, 1826—1827*). Оно является переизданием той части дневника Флоранса, которая относится к провинции С. Паулу.

Воспроизводимые в тексте рисунки, повидимому, относятся к числу тех, которые описаны Флорансом.

Г. Флоранс. Живописное описание путешествия из Порту Филис в Куяба.

Недоверие на долгое время прекратило в Бразилии возможность для увеличения сведений [об этой стране]. Дону Педро принадлежит честь открытия для европейцев одной из наиболее богатых стран вселенной.¹ К удивлению жителей Куяба над их реками стал развеиваться русский флаг.

Поспешность нашего путешествия, несколько менее стремительного, чем путешествия торговцев, совершающих переезд из Порту Филис в Куяба, дала нам возможность лишь поверхностно ознакомиться с естественными богатствами этой прекрасной страны, для всестороннего ознакомления с которыми понадобятся столетия изучения.

Постоянно воспроизводящая природа как бы поставила себе целью размножаться на глазах наблюдателя. Постоянно возрождаясь, она желает посвятить ботаника в тайны растительного мира, ознакомить художника с разнообразием наиболее счастливых форм изящных очертаний. Сама быстрота движения лодок, несомых волнами рек, то веселая, то меланхоличная, то строгая, то привлекательная помогает развертыванию самых разительных контрастов. Всегда чарующая, эта природа заставляет нас жалеть о том, что мы не в состоянии воспроизвести ее во всех ее деталях.

Водопады вызывают чувство изумления и это ощущение незнакомо тем, кто никогда не плавал в утлом челноке, отданный на произвол пенистых волн, когда берега исчезают с быстротой молнии. Судно несется с изумительной быстротой, проходя мимо подводных камней, которые можно избежать только благодаря громадному опыту и полному знакомству с этими местами. Большинство рифов обходится без выгрузки грузов, у некоторых приходится облегчать лодки, через другие — переезд совершенно невозможен и тогда приходится переправлять лодки по суше.

Рио Тиетэ в течении своем, полном бесчисленных каскадов, образует два величественных водопада. Первый — называемый Avaindava,² который мы видим на рис. 1, и второй — Itapura,³ еще более величественный. Воспроизведение в таком небольшом масштабе может дать нам лишь слабое понятие (о них). Здесь река не пересечена в своей ширине, она продолжает течь с двух сторон водопада и вода низвергается лишь по расселине в виде подковы параллельно течению, в то время как вода, текущая еще по верхнему уровню реки, потихоньку спускается до той точки, где отвесная скала заставляет ее ниспадать в самую середину подковы. Падение воды равно пятидесяти с лишним футам. Рис. 3 представляет эту величественную картину.

По выходе из Тиетэ — попадают в огромную Паранá. Водопад по имени Urubu-Ponga⁴ поражает своими размерами. Река здесь шириною более лье. О ее необъятности нельзя себе составить точно понятия из данного небольшого рисунка.

[¹ Дон Педро I (1798—1834), сын короля Португалии Иоанна VI, получил титул принца Бразильского в 1816 г. В 1821 г. был назначен регентом Бразилии. В 1822 г. был провозглашен «конституционным императором Бразилии». Его двойственная политика (в первые годы управления — сочувствие революционному движению как средству для захвата власти, в дальнейшем, — подавление революционного движения и стремление к установлению неограниченной монархии) вызвала новую волну восстаний. В 1831 г. Дон Педро вынужден был отречься от престола и возвратиться в Европу.]

Сочувственное упоминание Флоранса, повидимому, имеет в виду факт превращения Бразилии в самостоятельное государство. До 1822 г. Бразилия была колонией Португалии.

[² В описи рисунков, отправленных из Куяба в Петербург, составленной Флорансом, указано, что этот рисунок выполнен художником Адрианом Тонэй.]

[³ В той же описи Флоранса значится: «Вид водопада Итапура двумя лье выше впадения этой реки в Паранá». Рисунок Адриана Тонэй.]

[⁴ Точнее U r u b u n g á.]

Две реки или два ручья, носящие названия Sanguixuga и Vermelha, данные им благодаря яркокрасной окраске их вод, соединяясь, образуют rio Pardo,¹ которая на протяжении около 60 лье принимает большое число ручьев и две реки, обе носящие имя Nhanduï, которые отличаются одна от другой прилагательными, — большая и малая река Nhanduï или Anhanduï. В эту реку попадают после выхода из Параны. По этой реке поднимаются до порта (гавани) Sanguixuga, выше которого маленькая река этого названия становится несудоходной. Отсюда и до фасенды² Самариам считают два лье, на протяжении которых лодки перевозятся на телегах. № 9.

№№ 11 и 12 представляют фасенду Самариам. Здесь помещается регистра-тура и здесь же торговцы платят правительству пошлины за право ввоза товаров и за транспорт лодок. Эта фасенда принадлежит нескольким участникам, которые имеют здесь невольников. Но хотя ее положение и очень выгодное, отдаленность ее от заселенных провинций мешает ее развитию. Она кое-что представляла собой, когда движение по рекам было более регулярным и когда вся торговля Куяба шла по этому пути. Теперь же, когда судоходность рек с каждым днем уменьшается, фасенду ждет разорение. Вид с севера дает понятие о ее деталях, а другой — дает нам правильное представление о виде на фасенду при приближении к ней.

№ 12. Рисунок Г. Флоранса, представляющий течение Парагвая напротив фасенды Albuquerque, где находится предполагаемый зритель. Горы, которые виднеются, это — Serra da Paraguaу, кончающиеся близ устья S. Lourenço. От Камапуан до Парагвая приходится спускаться по трем рекам: Камапуан, Cochim и Tacuari, около устья которого начинаются большие болота, пересекающие Куяба, С. Лорэнсу и часть Парагвая и которые делают заразной значительную часть провинции Матто-Гроссо.

№ 13 представляет белого Urubu (Vultur para Lin). Рисунок нарисован с живого экземпляра. Птица эта была слегка ранена одним из наших охотников, поправилась и провожала нас во время всего нашего путешествия. Она умерла в день нашего приезда в Куяба.

№ 14. Портрет сына капитана Бенедикто, касика гуато (fils du Capitain Benedicto, cacique Guatô), одного из самых красивых мужчин, когда-либо виденных мною. Индейцы гуато большей частью живут на берегах Парагвая и С. Лорэнсу, куда они обычно удаляются в дождливое время года. В сухое время года они живут в местности, называемой Dourados. Отсюда сугки пути до устья rio Porrudos или С. Лорэнсу. Эти индейцы самые миролюбивые, хотя в то же время и самые храбрые из всех народностей (peuplades) Matto Гроссо. В лесу они нападают на ягуара, не имея другого оружия, кроме лука и длинного копья без железного наконечника (sans fer). Эти неустрашимые стрелки преследуют рыбу, которую они пронизывают своими стрелами. Самая быстрая птица не может ускользнуть от них. Когда гуато отправляется на рыбную ловлю или на охоту, то семья его сопровождает его. Стоя в передней части своей лодки, которой жена его, окруженная всеми своими детьми, управляет при помощи легкого весла, он с серьезностью плывет вдоль этих молчаливых речных путей. Тело его покрыто мириадами москитов, которые сосут его кровь. Он как будто не замечает их. Лишь иногда он останавливается, берет свой Матара, т. е. кусок материи, повешенный на поперечную палку за два верхних конца и который он постоянно носит с собою.³ Двумя-тремя взмахами прогоняет это множество насекомых и снова начинает грести. Если он слышит крик обезьяны-ревуна, он причаливает свою

[¹ В переводе с португальского языка эти слова буквально обозначают: Sanguixuga, точнее Sangesuga — пиявка (кровопиец); Vermelha — красная краска (киноварь); Pardo — темный, серый, мрачный.]

[² Fazenda — экономия, поместье.]

[³ Это орудие показано на рис. 13bis и на рис. 14, где мы видим женщину, управляющую лодкой. [Примечание Флоранса. Н. Ш.]

Рис. 1. «Août 1826. Chute de Parañá, dite Salto de Urubupunga, à 2 lieues plus haut que l'embouchure de Tiété. Adrien Taunay fecit».

Водопад Urubupunga. Рис. А. Тонэя. Одноцветный, исполненный жидкой тушью. (Фонд 63, опись 2, № 52.) Разм. оригинала 61 × 44 см.

Рисунок не закончен.

лодку, берет две стрелы, направляется в лес и редко когда животному удастся избежать его смертоносной руки. Они — гуато — очень падки на этот мех, так же как на мех ягуара, который они продают проезжающим путешественникам.

По возвращении в свои хижины, они садятся около огня, все время отгоняя окружающих их москитов. Ночью они спят под сеткой от москитов. Они очень скромны в своей домашней жизни, но не упускают случая сопровождать *topçoes* (так называются торговые экспедиции, отправляющиеся в Куяба), чтобы пользоваться их кухней.¹ Они очень ревнуют своих жен.

№ 16. Портрет капитана Бенедикто.

№ 17 и следующие — индейцы Guana. Этот народ (*cette nation*) почти противоположность предыдущему. По характеру он труслив. От нападения враждебных народов (*des nation ennemies*) они спасаются около португальцев, под защитой которых чувствуют себя в большей безопасности. Почти все они живут вблизи крепости Coimbra и часто отправляются в город, где они торгуют своими изделиями. Они хорошо умеют выделывать хлопчатобумажные ткани. Когда они приходят в Куяба, их помещают в порту под присмотром приказчика магазина. Они выстраивают себе хижины около верфи, которые они при уходе разоряют,

¹ Аналогичные сведения приводятся Максом Шмидтом в его работах, посвященных гуато. В частности, описание методов охоты почти дословно совпадает с данными Флоранса (см., напр., M. Schmidt. *Reisenskizzen in Zentralbrasilien*. Globus, 1902, стр. 97). Охотничье оружие этих индейцев подробно описано Ю. Козловским (J. Koslovsky. *Tres semanas entre los indios Guatos*. Revista del Museo de La Plata, 1895). К началу XIX в. гуато уже употребляли копья с металлическими наконечниками. Так, М. Шмидту удалось видеть лишь одно копье с костяным наконечником (*Die Guato*. Ztschr. für Ethnologie, 1902, стр. 83).

Гуато впервые были посещены европейцами во время конкисы, в XVI в. В настоящее время они почти вымерли. Их быстрому и очень значительному вымиранию способствовали несколько эпидемий оспы, а также жестокие репрессии правительственных войск во время подавления неоднократных восстаний гуато. Значительная часть гуато ассимилировалась с новым населением Бразилии.]

чтобы продать строительный материал.¹ Именно в этих хижинах я рисовал эти (рисунки), которые посылаю.

№ 24. Этот рисунок — портрет индейца из Cochabamba² из испанских провинций. Он принадлежит г. Анджелини, итальянскому торговцу.

№ 25. Индианка народа Cabexi³ (de nation Cabexi).

№ 26. Эти вазы принадлежат г. Анджелини. Они ему были подарены испанским священником, владельцем прекрасной коллекции редкостей. Эти вазы очень старинные.

№ 27. Головной убор, изображенный на этом рисунке, сделан из когтей ягуара.

Изображенная внизу материя — испанский пончо. Голова проходит через прореху, сделанную в верхней части. Материя спадает на тело большими складками. Это род ризы.⁴

№ 28. Разные предметы одежды, употребляемой жителями S-a Gurz de la Sierra. Внизу находится мужская шляпа. С двух сторон шляпы находятся лямки, которыми женщины поддерживают свои юбки. Наверху юбка, употребляемая старыми женщинами. Здесь видна лишь половина. Сзади находится такая же вещь. Эти два предмета разделены таким образом, что две стороны остаются открытыми.

№ 29. Одежда касика индейцев Ariacas. Два индейца этого племени, живущие на берегу р. Arinos вместе с неким Piexota, пришли посмотреть город Куяба. Их привели к президенту (au president). Один из них был одет так, как тот, который показан на рис. 29, другой [одет] так же, за исключением головного убора, который, очевидно, является отличительным знаком касика.

Касик явился со стрелой, наконечник которой был срезан в знак мира. Mr. José Saturnino da Costa Pereira, президент провинции, обласкал их, выдал касику патент капитана, дал ему мундир европейского образца и дал ему свое имя взамен имени Jugucaxiari. Эти индейцы вернулись в свою деревню (aldeia) Tiscaragaeagi в полном восторге от его приветливости и удивленные всем тем, что они видели, в особенности величиной города. Смотрите в конце копию и перевод патента этого индейца.

Н. В. Только костюм точен, личность вымышленная, так как в бытность нашу в Куяба там не было ни одного индейца этого племени.

№ 30. Индеец гуато. (Этот индеец был нарисован после других того же племени, поэтому он не был занумерован на своем месте.)⁵

№№ 31 и 32. Индеец народа бороро (de la nation bororo). Это племя живет на берегах реки Jaugu. Его можно встретить около большой дороги из Villa Bella de Mattogrosso, в местности, называемой Cabaçal.⁶

№№ 33, 34, 35. Индейцы племени Сауарбс. Это племя живет на берегу реки Парана и занимает большую площадь. На большой дороге Соуаз встречаются

¹ Упомянутая Флорансом группа гуана была в 1901 г. посещена Максом Шмидтом. По его наблюдениям гуана почти все говорят по-португальски. «Что касается образа жизни этого маленького селения, — замечает М. Шмидт, — то он стал вполне таким, как у бразильцев» (M. Schmidt. Guaná. Ztschr. f. Ethnologie, 1895, стр. 324.)

² По современной транскрипции Cochabamba.]

³ Cabiši.]

⁴ Пончо — четырехугольный кусок ткани (обычно шерстяной). Особенно распространена эта одежда в горных районах Южн. Америки, а также в Чили (Патагония) и в Центр. Америке. Его внешний вид и способ ношения правильно описаны Флорансом. Замечание о том, что пончо представляет собой «род ризы», было вызвано, вероятно, некоторым сходством по внешнему виду.]

⁵ Разъяснение Флоранса. Н. Ш.]

⁶ Из числа нескольких групп бороро наибольшей известностью пользуются именно те, которые были посещены экспедицией Г. И. Лангсдорфа: восточные, или Bororos dos Campos и западные, или Bororos cabaçales. Они принадлежат к числу тех южно-американских племен, о которых имеется обширная специальная литература, не говоря о многочисленных, иногда довольно подробных сведениях в работах по этнографии Бразилии и в описаниях путешественников.]

Рис. 2. «Indien Cabexi élevé à Cuyabà. Cuyabà, Novembre, 1827. Hercule Florence fecit».

Индеец кабиши. Рис. в красках Г. Флоранса. (Фонд 63, опись 2, № 98.)
Разм. оригинала 22 × 29 см.

В описании Флоранса, повидимому ошибочно, значится «индианка».

каяпб. Они доходят до Кампуан и часто меняют местожительства, опасаясь Гуаусигус, называемых также и индейцами Cavalleiros. Гуайкуру считают другие племена своими рабами, грабят их скот и увозят их женщин. Напротив устья Тьетэ, на берегу реки Парана, находится их деревня, где они принимают проезжающих иностранцев. Вне этой деревни опасно встретиться с каяпо, благодаря той постоянной боязни и недоверию, которые они питают в отношении португальцев. Лишь изредка можно встретить индейца, всего запачканного, с кожей цвета земли, лежащего в кустарнике, чтобы дичь, на которую он охотится, не могла его видеть. Они ищут спасения в смерти того, когда они считают своим врагом.¹

№№ 36 и 37. Два индейца Xiquitos,² состоящие на службе у господина Хосе Сатурнино да Коста Перейра, президента провинции Куяба.

№№ 28, 39 и 40. Индейцы племени Chamoukoks.³

Занесение в протокол патента индейца José Saturnino Jugucuaixari следующего содержания:

Хозе Сатурнино да Коста Перейра, Кавалер ордена Христа, лейтенант-полковник Имераторского корпуса св. Ангела (? du Genie. Н. Ш.), профессор Военной Академии в Рио Жанейро, Депутат Распорядительного Совета Национальной Типографии и Президент провинции Матто Гроссо извещает всех тех, кто увидит этот патент, что в виду того, что Хозе Сатурнино Jugucuaixari, вождь (principal) индейцев апиака (Ariaccas) по имени Тусигареацару, расположенной на берегу реки Аринос, являлся основателем полезного начинания, через посредство которого он убедил орду из членов своего народа, числом более тысячи человек (une horde de plus de mille personnes de sa nation), отправиться в путь

[¹ О каяпо см. F. Krause. «In den Wildnissen Brasiliens». Leipzig, 1911, § III, Die Kayapó, стр. 368—402, а также J. Vellard. «Six mois au Pays de Karajas et des Cayapos». La Géographie, 1935, Т. LXII.]

[² Chiquito.]

[³ Chamacoço.]

с берегов реки Jeroína¹ и привел их к названной деревне, на расстояние более шестидесяти лье. Одновременно он уже произвел посадки в помощь путешественникам, направляющимся с верховьев Парагвая — Diamantino в Gran Para, благодаря его исключительной храбрости и тому авторитету, которым он пользуется, будучи сыном вождя (principal) Тасуресихиару. Я решил назвать его капитаном индейцев названной деревни Тосигоре (о чем свидетельствует настоящая грамота). В силу этой грамоты он будет пользоваться всеми почестями, привилегиями, правами и освобождениями, которыми он имеет право пользоваться в данном звании (. . . de tous les honneurs, privilèges, libertés et exemptions qui, comme tel, lui sont dus) и приказываю начальнику области, к которой принадлежит названная деревня, чтобы он его признавал капитаном (pour tel), как этого требует служба Его Императорскому Величеству. Кроме того, я приказываю подвластным ему индейцам, чтобы они его слушались и выполняли бы его приказания во всем том, что касается службы, так, как это должно, и случшими чувствами.

В подтверждение этого я даю ему настоящую грамоту, подписанную мною и скрепленную печатью с моим гербом.

Дана в этом городе Куяба, 6 дня октября 1825 [г.] от Рождества Господа нашего Иисуса Христа четвертого [года] независимости и империи.

Писал ее, я, João Pedro de Moraes Baptista. Она скреплена гербом Его Превосходительства Хосе Сатурнино да Коста Перейра.

Патент, которым Его Превосходительство назначил Хосе Сатурнино Juru-siaxiari капитаном индейцев апиака, деревни, называемой Тусигареакар, расположенной на берегу реки Аринос.²

Продолжение описания.

Три рисунка без номера представляют первый этюд пальм, которые в этой стране называются Borisim. Эта пальма растет в болотистых местностях и достигает очень значительной вышины. Данный экземпляр — молодое дерево.

Другой рисунок — этюд маленького пальмового дерева, называемого Тусим.³ Женская пальма дает очень тонкую нить, которую индейцы употребляют для выделки различных тканей.⁴ Эта пальма очень распространена на берегах рек Парагвай, Сау, Лоренсу и Куяба.

Третий рисунок представляет Самро. Этот вид был выполнен на Rio Pardo, в местности, называемой Reversa Grande. С этого места начинаются большие кампо, которые тянутся до Камапуан. Пальмовые деревья, которые мы видим на этом рисунке, представляют собой вид очень распространенный в этих кампо. Их здесь называют Гуасима или Васима.⁵ Ножка ее листьев покрыта бархатистой пылью, из которой делают превосходный трут.

6 рисунков малого формата, выполненные во время короткого путешествия по большой дороге из Сау Паулу в Коритиба.

№ 1. Вид города Napetininga.

№ 2. Вид торго или горы das fornas.

№ 3. Вид той же горы сверху. Этот вид интересен тем, что он показывает пункт, где меняется растительность. У подножия этой горы начинаются обширные сосновые леса (Araucarias).

[¹ Juruená.]

[² Содержание патента свидетельствует о «покровительственной» политике бразильского правительства по отношению к индейцам. В частности в провинции Матто-Гроссо это обстоятельство было вызвано практической необходимостью. В то время торговля между отдельными провинциями облагалась особыми пошлинами. В 1815 г. была на несколько лет разрешена беспошлинная торговля между провинциями Парá и Матто-Гроссо, по рекам Аринос и Жюруэна-Тапажес. Естественно, что местные власти были заинтересованы в том, чтобы сделать эти пути безопасными. Надо было, «умиротворив» индейцев, использовать их в качестве проводников и гребцов при перевозке товаров по рекам.]

[³ *Astrocarium tucuma Mart.*]

[⁴ Это замечание соответствует действительности. Так, G. Friederici в *Hilsvörterbuch für den Amerikanisten* (Halle, 1926), поясняет: «*Tucum*. . . Eine Gespinstpflanze» (стр. 98).]

[⁵ Повидимому, один из видов *Musa sp.*]

А. Н. Кондауров

Отчет об экспедиции Института антропологии, археологии и этнографии Академии Наук СССР по изучению жилищ ягнобцев и горных таджиков (1936 г.)

Летом 1936 г. мною была совершена поездка в долины рек Ягноба и Варзоба (Захматабадский и Варзобский районы Таджикской ССР) для изучения архитектуры жилищ ягнобцев и горных таджиков. Эта поездка явилась продолжением работы по изучению ягнобского жилища, начатой в 1934 г. Задачи ее сводились к дополнительному сбору этнографического материала в Ягнобе, к ознакомлению с ягнобскими селениями в верховьях Варзоба и к сбору этнографического материала в соседних районах, населенных горными таджиками.

Поездка в Ягноб 1934 г. выявила несомненные пережитки перевобытно-коммунистических отношений у ягнобцев, наличие остатков домашней патриархальной общины и своеобразного типа многосемейного жилища. Однако собранные сведения были недостаточно полными и не охватывали собой всей долины в целом. В результате продолжительной работы над материалами 1934 г. и материалами предшествовавших экспедиций к горным таджикам, хранящимся в отделе Средней Азии Института антропологии, археологии и этнографии Академии Наук СССР, выявилась необходимость специальной поездки в Таджикистан для изучения горного жилища, так как полученные мной данные свидетельствовали о наличии в Ягнобе и в соседних с ним районах определенных типов жилой постройки, соответствующих определенным стадиям развития и разложения домашней общины. Выявилась необходимость проверки предварительных сообщений и сбора дополнительного материала непосредственно на месте.

В результате поездки собран материал, выясняющий в достаточной мере основные особенности ягнобского жилища. Всего заснято более 40 планов жилищ, кварталов и целого селения, из них 30 приходится на селения ягнобцев. Наибольший интерес вызывают планы многосемейных построек-кварталов и план летовки, снятый в Куле. Собранный материал подтверждает первоначальное предположение о том, что прототипом современного жилища ягнобцев был большой дом, в котором жило большое количество семей кровных родственников, происходивших от одного предка. Большинство ягнобских селений разбиты на кварталы. Кварталы представляют собой либо группу пристроенных друг к другу жилищ, либо один большой дом со многими помещениями для нескольких домохозяйств. В таком доме семьи, живущие общим домохозяйством, занимают ряд помещений, сообщающихся между собой внутренними проходами. Помещения семей разделившихся родственников, либо не родственных друг другу, разделены глухими внутренними стенами и имеют снаружи отдельные входы. Помещения для скота либо пристроены с боковых сторон «жилого массива», либо расположены общей

Рис. 1. Селение Дехи-болянд. Верхний Ягноб. (Фото автора.)

постройкой ниже жилищ на склоне, так что вся постройка состоит из двух этажей; первый этаж составляют хлевы, над ним второй, уступом, жилище. Плоская крыша хлебов представляет собой ровную площадку перед жилищами, куда выходят наружные двери. Такие кварталы-дома имеют определенные наименования. Дома имеют сходство во внешней архитектуре, а частью, и во внутреннем устройстве, с пуэбло американских туземцев, описанных Морганом; разница лишь в величине постройки и в числе обитателей ее.

Наличие в Ягнобе повсеместно остатков домашней общины (больших домохозяйств братьев и близких родственников), многосемейной постройки, кварталов и селений родственников — доказывает существование в прошлом домашней общины в развитом состоянии и в качестве всеобщей формы семейных отношений. С другой стороны, при сравнении типа постройки большой семьи на Вандже и Припамирье с ягнобскими многосемейными жилищами и с большим домом таджиков-зиддинцев (имеется план) возникает новое предположение на основании специфических особенностей ягнобской архитектуры. Именно, что ягнобское жилище отражает собой более раннюю стадию общественного развития, нежели патриархальная община в развитом состоянии. Очевидно, постройки-кварталы доказывают родовой характер ягнобских селений.

Это предположение строится на следующем материале: тип современной постройки индивидуальной семьи у таджиков-зиддинцев в своих архитектурных деталях копирует тип общинной постройки. Разница лишь в величине постройки, в размерах и количестве отдельных помещений в ней. Между тем, в Ягнобе мы не находим большого дома с обширными помещениями, типа ванджского или зиддинского, несмотря на несомненные пережитки патриархальной общины. Вместо одного обширного помещения мы имеем у ягнобцев ряд небольших комнат под общей кровлей, общающихся между собой и разделенных наглухо.

Архитектурные особенности жилищ в самом Ягнобе несомненно отражают различные состояния развития техники постройки, причем наиболее совер-

Рис. 2. Один из кварталов селения Дехи-болянд и вид на долину Верхний Ягноб. (Фото автора.)

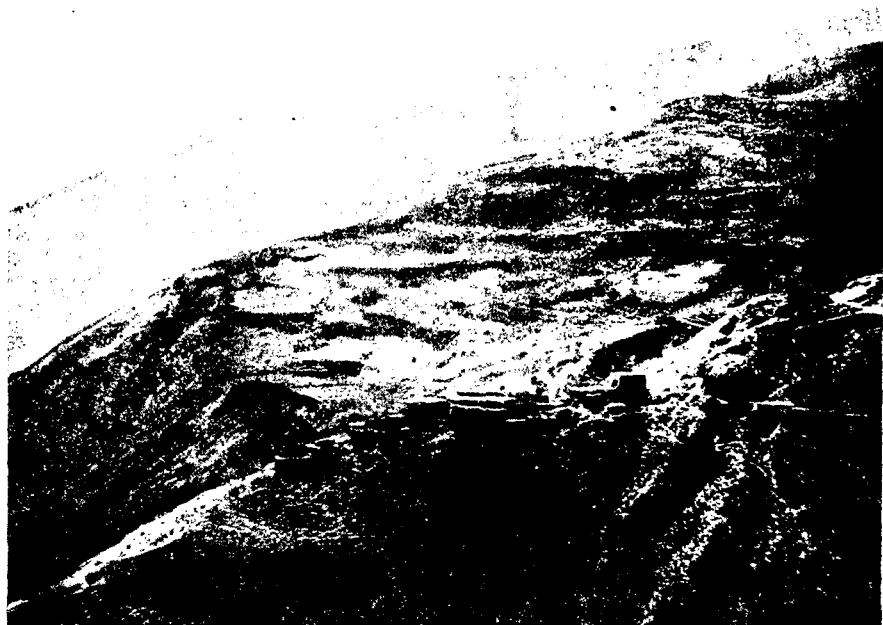

Рис. 3. Один из кварталов селения Дехи-болянд. Верхний Ягноб. (Фото автора.)

шенный тип ягнобского жилища в своих архитектурных особенностях многое уже перенял от окружающего таджикского населения. Архитектура ягнобских жилищ свидетельствует о том, что процесс разложения домашней общины в Ягнобе был ускорен какими-то пока еще не изученными нами причинами и что исторически весьма краток период патриархальной общины как всеобщей развитой формы семьи у ягнобцев. Патриархальная община, восприняв тип постройки родовой организации, иного типа жилища не выработала. Несовершенство техники и условия высокогорной местности способствовали консервации старых технических навыков домостроения. В этом убеждают особенно жилища на летовках, находящие себе параллели в архитектуре зимних жилищ в селениях. Материал, собранный на летовках, заставляет предполагать в «хип'е» (жилище на летовках) прототип постоянного зимнего жилища, именно — землянку. По всей вероятности, первоначально селения ягнобцев представляли собой группы землянок и укрытий в скалах, защищенных искусственными стенами из естественного камня. Некоторые ягнобские селения выселяются на летовки кварталами. Если селение состоит из пяти, шести и больше кварталов, то 2—3 квартала живут на летовке совместно в одной группе жилищ, пристроенных друг к другу и соединенных между собой ходами и просто проходами из одного помещения в другое. Один из таких кварталов летовки Кули-миона представляет собой одно сооружение — общее много-семейное жилище под одной кровлей, круглой формы. В центре помещается общий большой загон скота, вокруг него полукругом расположены 9 «комнат», в которых живут женщины 9 семейств. Входы в эти жилые помещения обращены внутрь — к загону. Для сообщения служит специальный открытый проход между жилищами и стеной загона. Большинство жилищ на летовках Кули-миона представляет собой землянки или полуземлянки со стеной фасада, сложенной из камня и с плоской крышей. Группировка землянок и пристройка вынесенных на поверхность жилищ повторяют общий принцип архитектуры общинных построек в селениях. На основании собранного материала намечаются следующие стадии развития жилищной архитектуры.

Первая стадия — землянка и группы их, сообщающиеся между собой — родовое поселение. Вторая стадия — прогресс техники домостроения — вынесение жилища на поверхность (жилища каменной кладки — современная летовка), группировка жилищ по признаку родовых связей обитателей. Третья стадия — дальнейший прогресс техники — употребление кирпича-сырца, приближение в планировке к правильной геометрической форме, к многоугольнику и четырехугольнику — общий дом со многими помещениями для семей родственников, живущих общим патриархальным хозяйством — современная многосемейная постройка. Четвертая стадия соответствует появлению индивидуальной семьи — индивидуальная постройка и общий дом для многих семей, не состоящих в родственных и прямых экономических связях (современный общераспространенный тип постройки). Дифференциация по социальному признаку (классы). Наконец, изменения в жилище под влиянием новых форм быта советского кишлака, использование технических навыков и типа общинной постройки в колхозном хозяйстве. В этом направлении и намечается мной обработка собранного материала.

Аналогичный материал о пережитках домашней и сельской общины (большие домохозяйства неразделившихся родственников, многосемейная постройка, общинные мужские дома — «алоу-хона» и «михмонхона», остатки коллективного производства в земледелии и скотоводстве, пережитки коммунизма домашней жизни) собран в долинах рек Зидди и Варзоба у таджиков и ягнобцев. Здесь также выявлены различия в типе жилища у таджиков долины Зидди и таджиков долины Варзоба и намечаются две линии развития архитектуры. Прототипом жилищ зиддинцев предполагать землянку, у варзобцев же шалаш. Соответствующие переходные архитектурные формы в первом случае от землянки к современному глинобитному жилищу, во втором случае от шалаша к современной каркасной двускатной постройке, подтверждаются нашим материалом.

Рис. 4. Летовка. Верхний Ягноб. (Фото автора.)

Не лишены интереса также собранные сведения об этническом составе населения долин Зидди и Варзоба. Местные предания о появлении таджиков в этом районе выводят таджикское население местности Зидди из Каратегина и страны Вахио в верховьях р. Хингоу (соврем. Тавиль-Даринский район). Предания рассказывают о том, что предками современных таджиков-зиддинцев были вахиочи, выходцы из Вахио. Первые пришельцы-таджики застали здесь другое население, поселившееся ранее. Предания отрицают принадлежность этих «первых людей» к таджикам, приписывая им всевозможные низкие качества и утверждая также, что это исконное население жило в рабстве. Собрать какой-либо материал, достаточно полно освещающий социально-экономический строй той эпохи, основываясь исключительно лишь на преданиях, в настоящее время невозможно. Решение этого вопроса может быть только в результате длительного этнографического изучения населения этих мест. Однако один из обычаев, действовавших ранее, на мой взгляд, указывает на следы рабовладения. Обычай требовал от каждого таджика помнить свою родословную до пятого поколения. Если человек не мог назвать своих пяти предков (отец — дед — прадед — прапрадед — прапрапрадед), то каждый мог его назвать «gulom» (раб.). О таком человеке говорили, что он раб, не помнящий предков своего отца и деда, что он не называет своих предков, потому что его отец был рабом. Эта обидная кличка «gulom» оставалась за человеком на всю жизнь. Односельчане не считали его своим и таджиком, потому что его отец не назвал ему своих предков (отец по обычаю, когда чувствовал приближение смерти, обязан был назвать или вновь напомнить своим сыновьям имена их предков, какие ему известны).

Предания указывают также, что вахиочи в свою очередь пришли в Вахио из Афганистана и также застали поселившееся до них население. На таджиков Варзоба предания указывают как на пришельцев из долин (с низу) со стороны Самарканда. Интересно то обстоятельство, что в живой речи совершенно ясно можно различить некоторые отличия в словарном составе у зиддинцев и варзобцев.

Например, зиддинцы и варзобцы отдельные части жилой постройки, выполняющие у тех и других одинаковые функции, называют разными терминами. При расспросах относительно различий в говоре варзобцы отвечают, что зиддинцы «az Korotegin omadast, mo varzobi» (зиддинцы другой народ, они из Каратегина пришли, мы же варзобцы). Территориально, как сказано, зиддинцы населяют долину Зидди компактной группой селений, долина Зидди отделена от местности Варзоби-боло (верховья Варзоба) цепью гор системы Гиссарского хребта. Помимо преданий о заселении долины и отличий в языке мы находим у зиддинцев и варзобцев различия в типе самой постройки, что объясняется, как уже сказано, различием в технике домостроения и еще тем, что у зиддинцев несомненно в большей степени сохранились пережитки патриархальной общины и «коммунизма домашней жизни».

Материал, относящийся к архитектуре ягнобцев-выселенцев (селения Кок-тепа, Зуман, Гароб, Оби-Сафед), устанавливает у них ягнобский тип жилища, распространенный в долине Ягноба, сохранение ягнобских терминов и наименований в архитектуре жилищ на ряду с заимствованиями из таджикского языка. Ягнобцы-выселенцы сохранили свой тип постройки, отвечающий сложившимся семейным отношениям и условиям общежития. Однако они переняли некоторые особенности жилищ таджиков-зиддинцев, техника домостроения которых несомненно более совершенна, нежели ягнобская.

Н. П. Гринкова

Экспедиция Гос. Музея этнографии в Воронежскую область (1936 г.)

Летом 1936 г. Гос. Музеем этнографии была организована экспедиция в Воронежскую область для изучения русского населения и сбора коллекций для организуемой в музее выставки «Русское население черноземных областей», которая должна представлять собою один из разделов I отдела музея, изучающего народы РСФСР.

Государственным Музеем этнографии изучение быта русского населения Воронежской области начато еще в 1925 г. совместно с разрядом этнографии Государственной Академии истории материальной культуры.

Работы велись в 1925, 1926 и 1927 гг. За этот период собраны материалы по различным вопросам этнографии, а также доставлен в музей как вещевой (коллекции №№ 4336, 4345, 4854, 5268), так и фотографический материалы (коллекции №№ 4570, 4959, 5092, 5158). Часть материалов, собранных во время этих экспедиционных исследований, была в свое время уже опубликована.¹ Основными участниками этих работ были Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринкова.

Материалы 1925—1927 гг. в основном отражали остатки старого быта, хорошо сохранившегося в период собирания в обследованных районах. Для более раннего периода в музее имеется ряд коллекций, собранных еще в дореволюционное время. Начало сбора вещевого материала по этой области для музея началось с 1904 г. За дореволюционное время собрана большая часть предметов, имевшихся до настоящей экспедиции в музее, но все эти собрания носят односторонний характер, а именно они отражают праздничную нарядную сторону быта сельской буржуазии и середняцких слоев. Поэтому в дореволюционных собраниях преобладают материалы по нарядной, вышитой и богато украшенной праздничной одежде, а также по крестьянской вышивке. Совершенно отсутствуют рядовые будничные, рабочие костюмы, отсутствует материал, говорящий о бедности и нищете бедняцкого населения. Мало внимания обращалось собирателями на производственные процессы, на повседневную бытовую сторону

¹ Н. П. Гринкова. Очерки по русской диалектологии: V. О некоторых говорах б. Задонского и Землянского уездов Воронежской губ. (Изв. по русскому языку и словесн., т. II, кн. I, стр. 76—116); VI. К вопросу о влиянии великорусских говоров на пограничные украинские. (Говор слободы Урьв б. Коротоякского уезда Воронежской губ. Изв. по рус. яз. и сл., т. III, кн. 2, стр. 205—224). VII. О русских говорах б. Коротоякского у. Воронежской г. (Изв. по рус. яз. и сл., т. III, кн. 2, стр. 557—580); Ее же. Однодворческая одежда б. Коротоякского уезда (Изв. Педагог. инст. им. А. И. Герцена, вып. I, 1928); Ее же. Сказки Куприянихи («Художественный фольклор», 1926 г., № 1); О записи сказок в Воронежской губернии в 1926 г. (Сказочная комиссия в 1926 г., изд. Географ. общ., 1927 г.); Ее же. Воронежская сказка о Ленине (Уч. зап. Педагог. инст. им. А. И. Герцена — факультет языка и литературы, вып. I, 1936 г.); Е. Э. Бломквист. Материалы по истории жилища в Придонских районах Воронежской области (Сов. этнография, 1934 г., № 5); кроме того, ряд научных и иллюстративных материалов, собранных в 1925—1926 гг., использован и опубликован Н. П. Гринковой в ее последних статьях (см., напр., «Советская этнография» 1934, № 1, 1935, № 1, 1936, № 2).

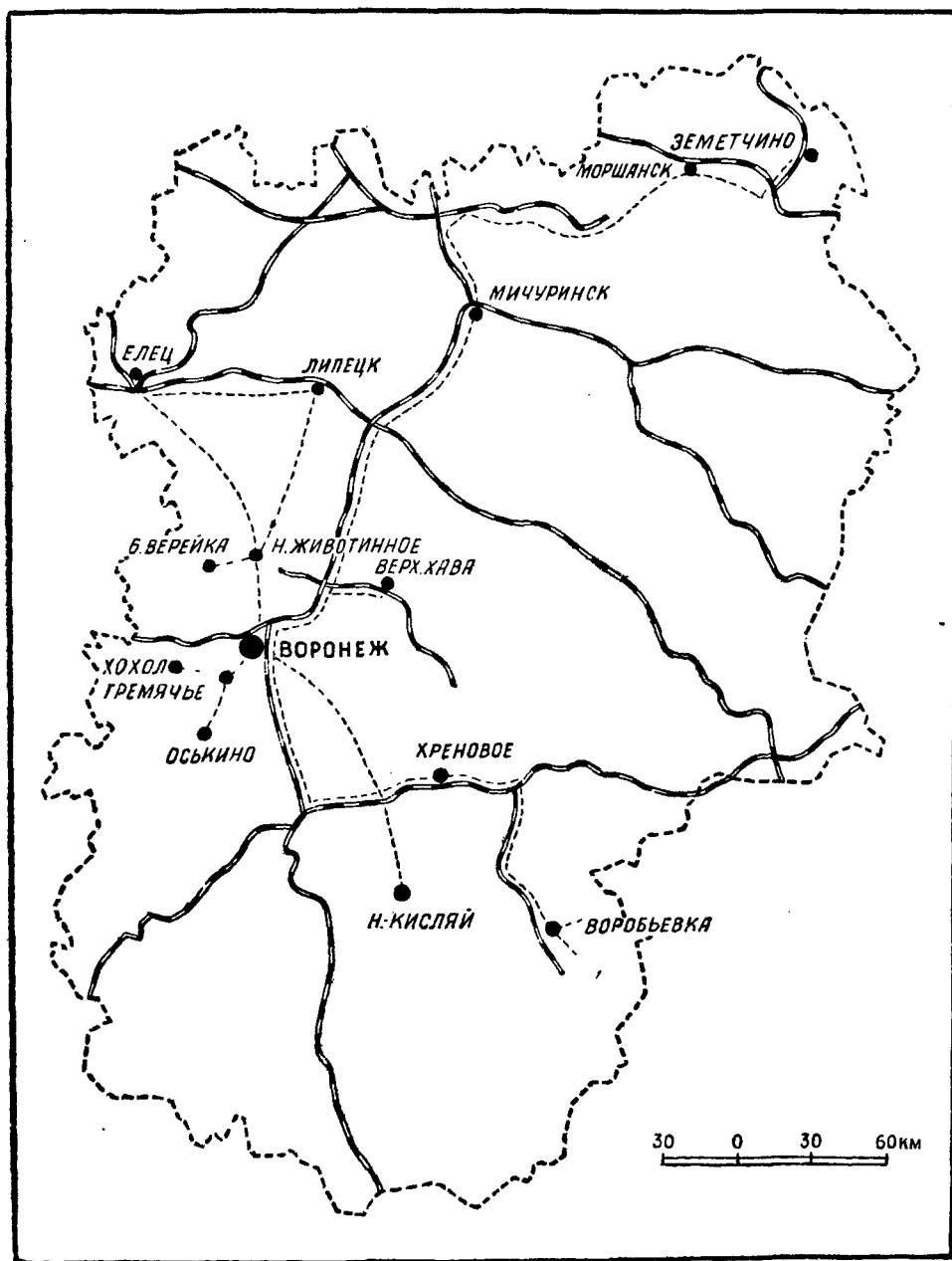

Рис. 1. Карта маршрута экспедиции.

жизни, почти совершенно отсутствовали по Воронежской области материалы по верованиям населения. В послереволюционное время (1925—1927 гг.) работниками музея до некоторой степени эти недочеты исправлены привозом сельскохозяйственных орудий, предметов бытового порядка, предметов будничной одежды, предметов по обрядам. За все время, предшествовавшее настоящей экспедиции, поступило в музей по Воронежской области около 1000 предметов и около 1000 фотографий.

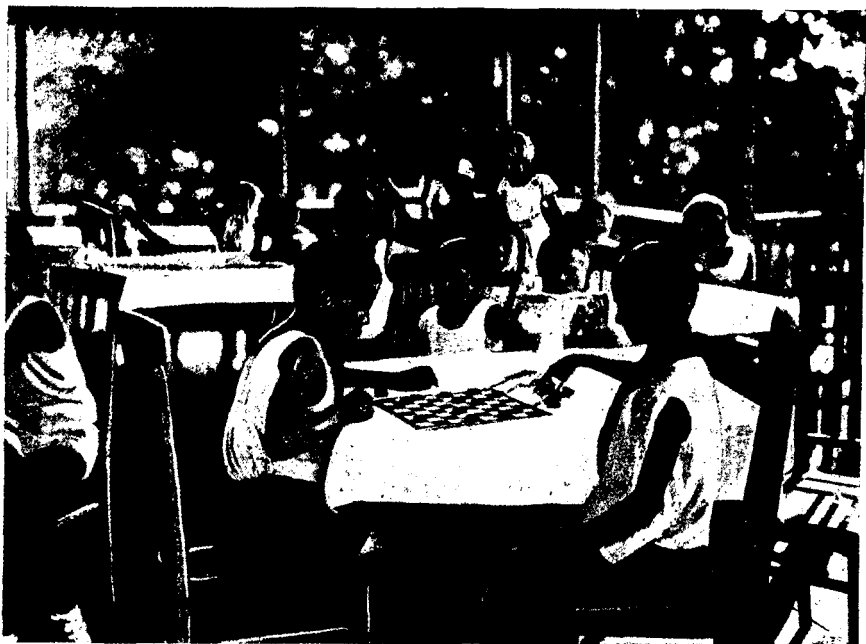

Рис. 2. Пионеры на веранде Воробьевского оздоровительного лагеря.

Сборы нынешнего года шли в плане углубления и расширения сборов материала по новой колхозной деревне.

Для экспедиционных работ была выбрана Воронежская область прежде всего потому, что по этой области имеется в распоряжении музея большой материал, на основании которого можно построить довольно полно и выразительно показ дореволюционной черноземной деревни. Выше уже указывалось, что в дореволюционное время во многих районах области был собран обильный, правда, одно-сторонний материал. Сборы 1925—1927 гг. в значительной мере восполнили лакуны старых сборов. Кроме того, довольно большой фотографический и иллюстративный материал существенно дополнял вещевые материалы. Но кроме материалов музейного порядка, мы располагаем ценными материалами для Воронежской области и в дореволюционной литературе.

Прежде всего приходится подчеркнуть, что В. И. Ленин в своем «Развитии капитализма в России» уделяет не мало внимания развитию экономики б. Воронежской губернии, напр. в вопросах разложения крестьянства,¹ в вопросах изучения крестьянских бюджетов.²

Далее следует сослаться на известную книгу А. И. Шингарева «Вымирающая деревня»,³ где мы имеем весьма детальную и острую характеристику быта и особенно санитарии двух рядовых селений б. Воронежской губернии, Ново-Животинного и Моховатки, расположенных рядом одно с другим. Для характеристики многих сторон бытового порядка из этой книги можно черпать весьма ценный материал, собранный наблюдателем, прожившим несколько лет в б. Воронежской губернии и непосредственно наблюдавшим ужасающую картину обнищания и разорения жителя черноземной полосы.

Таким образом, не говоря уже о многочисленных мелких статьях и заметках по Воронежской области, мы располагаем ценными материалами для характеристики старой деревни.

¹ Ленин, Соч., т. III, гл. II, разд. VI.

² Там же, разд. XII.

³ А. И. Шингарев. Вымирающая деревня, 1901.

Для характеристики послереволюционной деревни представляет интерес книга Шуваева «От вымирания к возрождению».

Приведенные выше соображения представляют собою причины чисто теоретического характера, которые толкали нас на исследование именно воронежской деревни. Но кроме чисто теоретических соображений, мы ориентировались при нашей работе на Воронежскую область прежде всего потому, что эта область в деле социалистического строительства является в РСФСР одной из передовых, ярким и выразительным подтверждением этого является тот факт, что постановлением ЦИК от 15 марта 1935 г. Воронежская область была награждена орденом Ленина. Такая награда определенно говорит о значительных успехах в области социалистического строительства и, конечно, для музейного показа новой, современной, колхозной деревни важно было собрать конкретный материал именно по этой области.

Таким образом к началу экспедиционных работ 1936 г. музей обладал довольно значительными коллекциями, характеризующими дореволюционный быт черноземной деревни. Эти коллекции были положены в основу при разработке экспозиционного плана раздела выставки, отображающего старую деревню. Что касается материалов, характеризующих быт новой, колхозной деревни, то в собраниях музея абсолютно не было никаких материалов, и в экспозиционном плане при разработке раздела, отображающего новую деревню, пришлось руководствоваться не конкретными материалами музея, а теоретическими соображениями и общими наметками.

Из указанного положения вытекало самое построение экспедиционной работы и наметка самого маршрута, так как нужно было, с одной стороны, наполнить конкретными материалами общие наметки плана, собрать вещевой, фотографический и прочий иллюстративный материал для характеристики быта современной колхозной деревни, а с другой стороны, нужно было продолжить и углубить некоторые стороны исследовательской работы предыдущих лет. В результате при разработке маршрута экспедиции важно было наметить ряд таких пунктов, в которых наиболее ярко можно наблюдать явления, характерные для нового быта.

В экспедиционной работе принял участие весь состав 1-го отдела: зав. отделом Н. П. Гринкова, младшие научные сотрудники Т. А. Крюкова и Г. К. Милькова и научно-технический сотрудник Н. А. Федорова. В ряде пунктов работа велась совместно Гринковой, Крюковой и Федоровой, в отдельных же случаях работники выезжали по одному или по два. Г. К. Милькова вела работу исключительно в Воронеже, куда выезжала для собирания материала в областных музеях и учреждениях по порученным ей разделам выставки: аграрному движению, гражданской войне и промышленности области. Кроме того, она выполняла поручения отдела по консультации по экспозиционному плану в областных учреждениях.

Работа экспедиции продолжалась с 8 июля по 4 сентября 1936 г. Центром работы был областной город Воронеж, из которого был предпринят ряд поездок по области. Самый выбор тех или иных районов для обследования был проконсультирован в Облисполкоме и согласован с председателем Облплана.

Из Воронежа в общей сложности было совершено 11 выездов.

1. В о р о б ь е в с к и й р а й о н, расположенный на юго-востоке области в пшенично-подсолнечной зоне. Для работ экспедиции он интересен был по многим причинам. Прежде всего здесь расположен один из крупнейших зерносовхозов области — Воробьевский зерносовхоз, где как раз в середине июля был разгар уборочной кампании. Поэтому сотрудники экспедиции могли ознакомиться с новой техникой уборки хлеба комбайнами, с организацией и ходом хлебоставок и с рядом вопросов бытового порядка, связанных с уборочным периодом (ср., напр., выезды в полевые таборы и т. п.) Кроме того, в Воробьевском зерносовхозе привлекал внимание также Воробьевский совхозный театр и хорошо

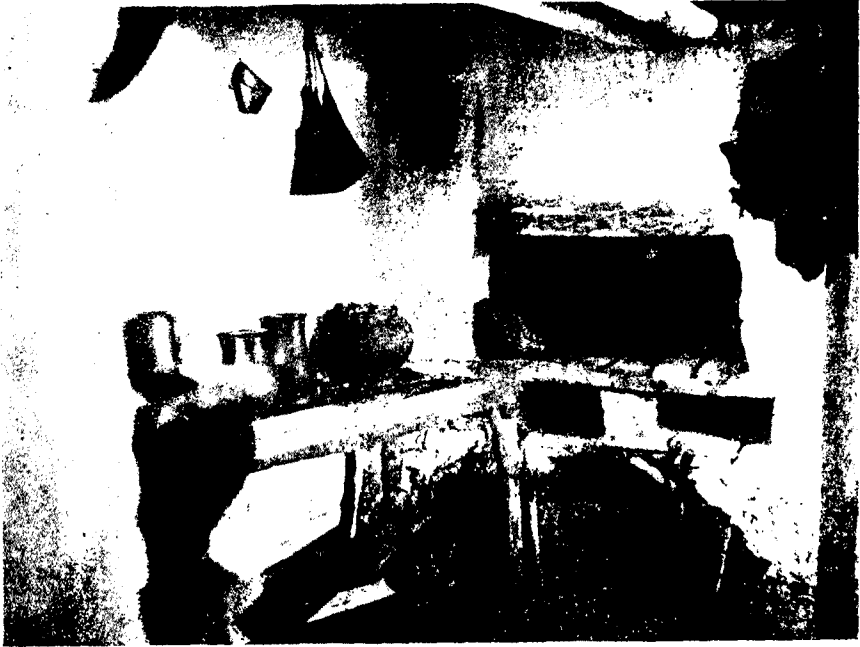

Рис. 3. Печной угол в избе старинного типа в с. Ново-Животинном.

Рис. 4. Детские ясли в с. Ново-Животинном.

поставленные детские учреждения. Театральная труппа, к сожалению, была в гастрольной поездке по области, но тем не менее удалось ознакомиться с организацией и постановкой театрального дела в совхозе и получить некоторый иллюстративный и цифровой материал. Наконец, Воробьевский район привлекал внимание экспедиции и хорошо организованной работой с пионерами. В области он является передовым по работе с детьми, за что в 1935 г. был премирован 12 тыс. руб. В районе имеется первый в области районный оздоровительный лагерь для пионеров, расположенный в Рудняском сельском совете, а также в большинстве колхозов района организованы пионерские лагеря; летом 1936 г. по району было организовано 19 колхозных лагерей.

Сотрудники экспедиции ознакомились с постановкой дела и организацией четырех пионерских лагерей, в том числе и районного оздоровительного. В этих лагерях, кроме непосредственных наблюдений, произведен ряд фотографических снимков. Посещенные лагеря, действительно, заслуживают внимания: по высокому качеству постановки их работы они, действительно, при показе нового в деле строительства области могут говорить о культурном строительстве и о культурном росте современной деревни. Работа в районе велась тт. Гринковой, Крюковой и Федоровой.

2. Хреновской район, где т. Гринкова произвела ряд фотоснимков по Хреновскому конному заводу.

3. Березовский район, с. Ново-Животинное. Данное село представляло интерес для работ экспедиции прежде всего потому, что оно имеет о себе довольно значительную литературу и вызвало неоднократный интерес, начиная с известной работы Шингарева.¹ В виду того, что на предполагаемой выставке будет помещен значительный материал, характеризующий дореволюционную, вымирающую деревню как раз из этой книги Шингарева, то посещение этого селения и сопоставление современного его состояния в сравнении с печальным прошлым представляло для сотрудников экспедиции несомненный интерес. Сотрудники ознакомились с колхозом «Красный Октябрь», где особое внимание было обращено на вопросы культурного строительства. А в этом плане в селении можно было найти довольно много интересного. Прежде всего в Ново-Животинном имеется образцовая опытная школа, затем 1-я колхозная музыкальная школа, наконец, хорошо поставленные детские сады и ясли. По указанным объектам собран цифровой и фотографический материал. Параллельно шли наблюдения над бытом колхозников и собирались музейные коллекции. В общем из Ново-Животинного привезено коллекционных материалов 44 предмета, а также собран значительный фотографический материал. Работа велась тт. Гринковой, Крюковой и Федоровой.

4. Землянский район, с. Большая Верейка. В Б. Верейку выезжала т. Гринкова, которая вела работы в этом селе еще в 1925 г. Поездка была продиктована тем, что в план работ было поставлено собрание дополнительного материала к прежнему, собранному в 1925 г.

В прежнюю поездку был собран материал по весенним обрядам, но не был достаточно детализирован, а также не было собрано вещевого материала, связанного с этими вопросами. В результате поездки нынешнего года для музея приобретена «русалка» — женская фигура из тростника со всеми атрибутами обряда «вождения русалки» (всего 9 предметов). Кроме того, Н. П. Гринкова посетила сказочницу А. К. Барышникову, у которой впервые записала в 1925 г. 56 сказок и которая в настоящее время стала фольклорной известностью.²

У сказочницы записано 18 сказок с новыми сюжетами, ранее не записанными. В Б. Верейке произведен также ряд фотоснимков.

¹ Шингарев. Вымирающая деревня; Шуваев. От вымирания к возрождению.

² С. А. Минн. Сказочница Барышникова. Литературный критик, 1936, № 4. Сказки Куприянихи. Запись сказок А. М. Новиковой и И. А. Осовецкого. Ред. И. П. Плотникова. Ворон. обл. изд., 1937 г.

Рис. 5. Расписная хата дочери сказочницы А. К. Барышниковой; справа у стола сидит сама сказочница.

Рис. 6. Одна из лучших кружевниц Елецкой аргели т. Баранова.

5. Г о р. Е л е ц. Поездка в Елец была совершена тт. Гринковой и Федоровой для собирания коллекций по елецким кружевам и для ознакомления с современным производством и бытовыми условиями елецких кружевниц. В музее имелась коллекция старых елецких кружев, современное же состояние не имело достаточного освещения в литературе и необходимо было для выставки собрать свежий материал. Собрана коллекция новых образцов и ряд материалов, характеризующих производственный процесс, а также фото и сведения, иллюстрирующие бытовое и культурное обслуживание кружевницы.

6. Г о р. Л и п е ц к. В Липецк выезжала т. Крюкова для собирания дополнительного материала по разделу выставки, характеризующему промышленность области. Получен материал по Липецкстрою и заводу «Свободный Сокол», главным образцом характеризующий быт современного рабочего. Кроме того, собрана коллекция по липецкой глиняной игрушке и по так наз. «народной медицине».

7. Л о с е в с к и й р а й о н. В Лосевском районе, именно в с. Нижний Кисляй, выезжали тт. Гринкова и Крюкова по приглашению областного комитета по делам искусств (сектора самодеятельного искусства) на праздник народного творчества, происходивший там 2—4 августа.

Праздник был приурочен к этому сроку в связи с окончанием займовской кампании в районе, а также в связи с выполнением государственных поставок. Организован был праздник в парке, находящемся при Н.-Кисляйском сахарном заводе. Весьма активное участие в организации этого праздника принимал политотдел Бигюгского свеклосовхоза, особенно начальник политотдела И. С. Горбаченко. На празднике народного творчества присутствовало 500 человек участников, в программе были весьма разнообразные номера, главным образом музыкально-вокального характера, а именно, несколько хоров, несколько отдельных ансамблей колхозных песенниц, ансамбль жалеечников, ансамбль частушечниц, оркестр баянистов, духовой оркестр, несколько струнных оркестров и т. п. Кроме того, в программу праздника входил показ оперы «Запорожец за Дунаем», исполняемой местными силами под руководством т. Жмурко. Действующими лицами в опере были шофер сахарного завода, работники политотдела, совхоза и завода; хоровые партии исполнял хор колхозниц. Этот праздник по широте охвата народных масс, по их заинтересованности в этой работе, по высокому качеству исполнения произвел огромное, незабываемое впечатление и может служить прекрасной иллюстрацией культурного роста современной колхозной деревни.

8. Г р е м я ч е н с к и й р а й о н. Выезд в Гремяченский район был продиктован рядом разнообразных причин. С одной стороны, по материалам, собранным Н. П. Гринковой в 1926 г., в ряде сельских советов этого района должно быть наличие многих пережитков, по которым нужно было собрать вещевой материал для оформления раздела, характеризующего дореволюционную деревню. С другой стороны, было известно, что на территории района расположена областная опытная сельскохозяйственная станция, образцовая хата-лаборатория и, наконец, в соседнем Хохольском районе — колхозный Дом отдыха. Эти объекты привлекали внимание работников экспедиции, и в связи с этим была организована работа в районе следующим образом.

Т. А. Крюкова выехала из с. Гремячего в с. Оськино, из которого имелся в собраниях музея ряд фотографий от 1926 г. (Гринковой и Г. И. Фомина). На основании этих материалов т. Крюковой было дано задание приобрести полный костюм этого селения для дополнения коллекции, ранее собранной Гринковой и Бломквист в селениях, примыкающих с юга к Гремяченскому району. Основным же заданием т. Крюковой в с. Оськино было собирание вещевого и фольклорного материала по обряду «вождение русалки», общие сведения о котором были получены т. Гринковой еще в 1936 г., и приобретено в Воронеже несколько фотографий по этому обряду. Т. А. Крюкова организовала в с. Оськино полностью воспроизведение этого обряда, который совершался все последние годы, кроме нынешнего.

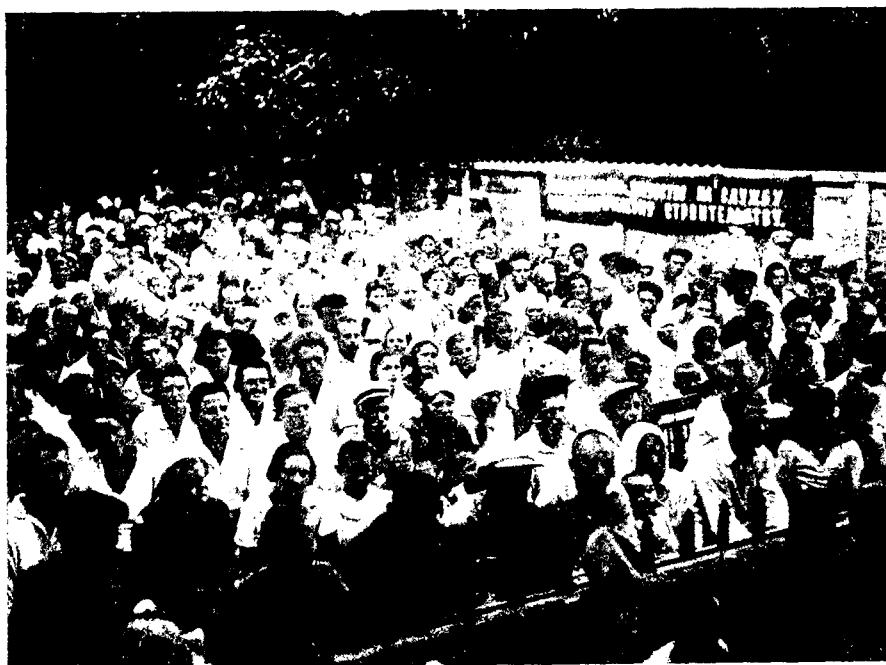

Рис. 7. Зрители в летнем театре в с. Н. Кисляй во время праздника народного творчества.

Рис. 8. Пляски колхозниц Лосевского района во время праздника народного творчества.

По этому обряду собран весь вещевой материал, необходимый для организации соответствующей сцены в выставочных залах музея, а также произведены фотоснимки.

Н. П. Гринкова и Н. А. Федорова вели работу, главным образом в с. Гремячем, где была собрана коллекция одежды и предметов домашнего обихода, необходимых для дополнения имеющихся в музее материалов. Подбор предметов был продиктован заранее составленным списком в соответствии с разработанным планом экспозиции.

Кроме работы в с. Гремячем, тт. Гринкова и Федорова выезжали в Хохольский колхозный Дом отдыха, по которому собрали ряд интересных сведений и произвели фотоснимки. Затем выезжали на Опытную сельскохозяйственную станцию и в образцовую хату-лабораторию, где произвели фотоснимки и собрали материалы, необходимые для раздела выставки, характеризующего реконструкцию сельскохозяйственного производства в Воронежской области.

9. Верхне-Хавский район. В данный район выезжали тт. Гринкова и Федорова. Основной задачей их работы было ознакомление со свекловичным хозяйством области и собирание фотоматериалов для соответствующего раздела дела выставки. Выбор Верхне-Хавского района был продиктован следующими соображениями. Прежде всего этот район находится в центре свекловичной зоны области и является одним из наиболее специализированных и мощных свекловичных районов области. Но кроме этого общего соображения, в В. Хаву побуждало ехать еще более важное обстоятельство, а именно: В.-Хавский район является рекордным районом по урожайности сахарной свеклы по всему Союзу — в 1935 г. орденосныки этого района собрали в отдельных случаях по 611 ц с гектара. В с. Нижний Байгород этого района живут и работают знаменитые орденосныки свекловичных полей, их 6 в одном селении. Кроме них, в том же селении орденосныком является и председатель сельского совета.¹ Сотрудники экспедиции из районного центра В. Ханы выезжали в с. Н. Байгород, где фотографировали орденосныков района и их работу на свекловичных полях. Кроме того, в районном центре собран ряд материалов и произведены фотоснимки, характеризующие социалистическое и культурное строительство в районе. Кстати, следует отметить, что строительство в этом районе имеет большой размах в виду того, что центральными и областными организациями отпущены значительные средства этому району, давшему большое число орденосныков. Строится 2 электростанции — одна в В. Хаве, другая в с. Н.-Байгород, баня, универсам, клуб, перестраивается старая церковь в большой Дом социалистической культуры по проекту работников Воронежского областного союза архитекторов и т. д.

10. Земетчинский район. Этот район привлекал внимание работников экспедиции прежде всего тем, что в этом районе находится первый колхозный театр, являющийся филиалом Московского Малого театра. Для собирания материалов по самому колхозному театру и колхозному зрителю выехали в с. Заметчино тт. Гринкова и Крюкова. К сожалению, полностью выполнить намеченную программу работы не удалось, так как артисты и культработники театра находились до 15 сентября в отпуске, и наблюдать непосредственную работу театра не пришлось. Собраны лишь сведения о работе театра, получены афиши и тому подобный материал, произведены фотоснимки.

Из Заметчина была предпринята поездка в с. Ушинка Заметчинского района, интересного в этнографическом отношении тем, что до сегодняшнего дня там в целости сохраняется старинный женский костюм. Действительно, в с. Ушинка все женское население носит старый тип костюма, характерный для данных районов. Замужние женщины носят гладкие толстые синие поневы, без клетчатого узора, с широким тканым узорным окаймлением подола; поневы

¹ См. издание «Орденосныки социалистических полей», Ворон. обл. изд., 1936.

Рис. 9. Ансамбль жалечников на празднике народного творчества в Лосевском районе.

Рис. 10. Улица в с. Гремячем.

распашные. Кроме того, носят старинного типа рубахи «с косыми поликами», «запонь», в праздничные дни «нагрудники». Характер украшений как всего костюма, так и отдельных составных частей его варьируется в зависимости от назначения костюма и в зависимости от его носителя («молодойская» понева или рубаха, «пецальная», «старушечья», «солдатская» и т. п.).

Сотрудниками экспедиции собрана коллекция по костюму и его орнаментике со всей терминологией как частей костюма, так и отдельных элементов орнаментики. Следует подчеркнуть, что вся эта терминология еще живет полной жизнью и отдельные орнаментальные элементы имеют устойчивую терминологию.

В с. Ушишка произведен также ряд фотоснимков. К сожалению, вынужденное кратковременное пребывание в селении не дало возможности углубить работу по более детальному обследованию этого весьма ценного в отношении пережитков селения.

И. М и ч у р и н с к. В г. Мичуринске основную работу вела т. Федорова, которая собирала материалы по Мичуринскому плодовому питомнику и по внедрению методов работы Мичурина в колхозную практику.

Таков в основном маршрут экспедиции и ударные моменты работы в том или другом районе. Но кроме указанных выше отдельных ударных тем, характерных для определенного района, сотрудниками экспедиции велась постоянная работа во всех районах по отдельным темам в связи с теми поручениями, которые они имели по тем или иным разделам выставки в соответствии с намеченным планом экспозиции, а также в связи с их научно-исследовательскими заданиями и интересами.

Н. П. Гринкова вела во всех пунктах наблюдения по реконструкции сельскохозяйственного производства и сдвигам в быте и идеологии колхозника, учитывая все время те громадные изменения, которые произошли в воронежской деревне в сравнении с ее наблюдениями в период 1925—1926 гг., предшествовавших широкому колхозному движению. В указанные годы Гринковой был собран значительный материал по сельскому хозяйству в единоличном хозяйстве. Наблюдения 1936 г. дают яркую картину новых форм и производственного и бытового порядка. Во всех районах велись наблюдения по одежде, которая являлась в период работы 1925—1927 гг. одной из основных тем работы г. Гринковой. Кроме того, собирался материал по верованиям, фольклору и диалектам обследованных селений.

Т. А. Крюкова, которой на выставке поручена работа по аграрной магии, по верованиям, переселенческому движению в дореволюционном разделе и в после-революционном разделе по культурному строительству, животноводству и птицеводству, собирала материал по всем указанным темам попутно во всех селениях. Следует отметить большую коллекцию лечебных трав и способов лечения, собранную ею в нескольких пунктах работы. Интересны также материалы по детским учреждениям области. Основная работа по сборанию материалов по развитию художественной самодеятельности выполнена также т. Крюковой.

Н. А. Федорова специально вела наблюдения по вопросам питания населения обследованных пунктов, собирая попутно коллекцию суррогатов питания, которые применялись местным населением в годы неурожая и голодовок в дореволюционное время. Кроме того, ею собрана коллекция по обработке конопли и шерсти. Собирался также везде материал по реконструкции быта в связи с заданием по выставке.

В результате работы в Воронежской области членами экспедиции собрано около 400 предметов, пополнивших основные коллекции музея по этому району, привезено 500 фотоснимков, приобретенных в различных организациях и у различных лиц в области, произведено 500 оригинальных фотоснимков по различным вопросам.

Среди собранных предметов особенно следует отметить вещевой материал двух вариантов обряда «вождения русалки» (вариант с. Б. Вереяка и вариант

с. Оськино). Эти материалы, характеризующие остатки древних верований, представляют большой интерес с точки зрения истории развития верований у русского населения и являются весьма редкими в музейных собраниях. Как Гос. Музей этнографии в Ленинграде, так и Музей народов СССР, насколько мне известно по коллекциям, относящимся к русским, имеют весьма скудный материал по этому вопросу. Описанию и разработке этого материала собирателями уделено особое внимание.¹

Кроме того, ценным дополнением к большим собраниям по русской одежде, имеющимся уже в старых коллекциях музея, являются те костюмы, которые приобретены в сс. Ново-Животинном, Гремячем, Оськине и Ушинке.

Среди фотоматериалов наиболее важными являются снимки, характеризующие новый колхозный быт и культурное строительство в современной воронежской деревне.

Кроме выездов по районам, участники экспедиции вели работу в различных учреждениях Воронежа: Облплан, Облзу, Облздрав, Облоно, Краеведческий музей, Антирелигиозный музей, Музей Революции, Музей санкультуры, Дом пионеров, Обл. Совет физкультуры, Научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства, Комитет по делам искусств, Союз архитекторов, Отдел печати, Детская техническая станция, редакции газет «Коммуна», «Юный коммунар», «Будь готов», Обл. совет МОПРа, Обл. совет ОСО, Сельскохозяйственный институт и др.

Здесь собран основной статистический, а частично и иллюстративный материал для организованной к ленинским дням в залах музея выставки «Русское население черноземных областей».

¹ См. Н. П. Гринкова и Т. А. Крюкова. Пережитки весенних обрядов в русской деревне, изд. Гос. Музея этнографии, 1937.

ПО МУЗЕЯМ

Э. В. Краснуха

Из опыта работы политико-просветительного отдела музея Института антропологии, археологии и этнографии Академии Наук СССР

Одним из основных затруднений политико-просветительной работы во всяком музее, а в этнографическом в особенности, является вопрос о кадрах экскурсоводов. Трудности заключаются в том, что почти ни в одном высшем учебном заведении не читается экскурсионная методика, и таким образом мы имеем дело с людьми, быть может знающими материал того или иного музея, но не владеющими методом интересной подачи этих знаний. Это — с одной стороны. С другой стороны, в этнографических музеях особо ощущается отсутствие лиц, окончивших высшее учебное заведение и подготовленных специалистов-этнографов. Подготавливая экскурсоводов, нередко приходится знакомить их на ряду с экскурсионной методикой и с этнографическими знаниями.

В попытках разрешения этих задач политико-просветительный отдел Музея антропологии, археологии и этнографии Академии Наук СССР самую существенную часть своей работы сосредоточивает на подготовке кадров экскурсоводов. К услугам начинающих экскурсоводов организован консультационный кабинет, в задачу которого входит обеспечение всех запросов экскурсовода. Для этого ему дается в кабинете консультация по возможным темам экскурсии, предлагается рекомендательный список литературы. Будущего экскурсовода кабинет обеспечивает книгами и помощью специалистов по разделу, по которому готовится экскурсовод. Последний, имея общее образование и все условия для разработки темы экскурсии, предоставляемые ему политико-просветительным отделом музея, может довольно быстро подготовиться на узкие темы (по одному отделу). В процессе работы экскурсовод сможет расширять диапазон своей работы в смысле расширения тематики экскурсий. Допуск новых экскурсоводов к экскурсии проходит через комиссию, составленную из руководителей политико-просветительного отдела, опытных экскурсоводов по соответствующему материалу и научного сотрудника отдела, на материале которого проводится экскурсия.

При условии, что новый экскурсовод удовлетворительно осилил материал, владеет в основном экскурсионным методом и дает правильную методическую установку, он допускается к работе с группой и повторно проверяется уже при ведении экскурсии.

В связи с тем, что зачастую экспозиция не всегда может достаточно охватить все темы и надо быть готовым к различным запросам со стороны посетителей музея, политико-просветительный отдел составляет дополнительный наглядный справочный материал в виде так наз. «портфеля экскурсовода». Думается, что нужда в таких «портфелях» ощущается в большей или меньшей степени во всех музеях. Пользуясь «портфелем экскурсовода», можно гораздо глубже и ярче иллюстрировать тему. Разработка таких портфелей требует тщательной работы

политико-просветительного отдела. Обычно он состоит из ряда хорошо выполненных карт, художественных диаграмм и фотографий природы, фауны, флоры, типов населения, бытовых сцен, документов и пр.

Экскурсовод берет «портфель» на экскурсию и использует, по мере необходимости, то карту, то график или фотографию. При этом надо ощущать известную меру, чтобы не перегрузить экскурсии показом содержимого портфеля в ущерб основной экспозиции.

Работая усиленно над улучшением качества показа музея, нельзя не упомянуть опыта, сделанного политико-просветительным отделом Института антропологии, археологии и этнографии Академии Наук СССР по иллюстрированию экскурсий показом этнографических фильмов и живой демонстрации народного искусства в исполнении проживающих в Ленинграде представителей северных народностей. Для подбора доброкачественных этнографических фильмов политико-просветительным отделом проводится предварительный просмотр их со специалистами института, и широким массам показывается только научно проверенный и одобренный материал.

Показ искусства народов Севера был проведен по договоренности с Институтом народов Севера им. Смидовича. Институт силами студентов нанайцев, эвенков, хантов и др. показывал зрителям еще бытующие у них обрядовые танцы, и, наряду с этим, развлечения — фехтование и пляску. В ближайшем будущем политико-просветительный отдел предполагает дать ансамбли корейского и китайского искусства.

Л. И. Лавров

Краеведческие музеи на Северном Кавказе

За время летней командировки 1936 г. мне удалось осмотреть 7 областных и районных музеев в Северо-Кавказском и Азово-Черноморском краях. Эти музеи к настоящему времени накопили богатый геологический, палеонтологический, археологический и исторический материалы. Что касается этнографии, то она более или менее представлена лишь в Ингушском (г. Орджоникидзе, директор т. Мальсагов) и Северо-Осетинском (там же, директор т. Хадаев) музеях, которые вообще производят впечатление более упорядоченных по сравнению с другими. Но как слабую сторону этих музеев нужно отметить то, что исторические отделы их больше освещают историю соседних народов (Шамиль, Магомет-Амин, Зелим-хан) и пр., а не прошлое самих ингушей и осетин. Недостаточно развернуты историко-революционные отделы. Кабардино-Балкарский музей (г. Нальчик, директор т. Ермоленко) из осмотренных — самый богатый археологическими памятниками. Но, к сожалению, этнография представлена почти только костюмами, история — кремневым оружием да 2—3 документами, отдел социалистического строительства — устарелыми фотографиями, а историко-революционный — фактически отсутствует. С переводом музея в более просторное помещение (что ожидается в недалеком будущем) эти недостатки, очевидно, будут выправлены. Черкесский музей (г. Сулимов, директор т. Бондаренко) накопил уже не мало экспонатов по геологии, палеонтологии, зоологии, ботанике. Археологическая выставка еще не богата (курганная керамика). Есть кое-что по этнографии, но главный упор сделан на историю. К сожалению, музей не успел еще организовать показ всех народностей Черкесской области (ногайцы, абазины, осетины, русские, казаки). Например, исторический отдел освещает прошлое одних лишь черкесов, и то черкесов в о б щ е, а не Черкесской автономной области, отчего прошлые судьбы последних остаются затемненными. Молодой Карачаевский музей (г. Микоян — Шахар, директор т. Кубанова) размещен всего лишь в одной комнате. Это самый бедный экспонатами национальный музей на Северном Кавказе. Этнография представлена лишь старинным женским платьем и деревянными «галюшами», а история — случайным оружием да известной картиной (не оригинальной) шамилевых наивов. Богат экспонатами Майкопский городской музей (директор т. Перепелицын). Преобладают — геология и палеонтология. Выставлен ряд интересных археологических находок. Любопытны материалы по истории г. Майкопа (документы, планы, рисунки). Из этнографических предметов нужно отметить относящиеся к кустарным промыслам жителей б. Майкопского района. Недостатком музея является отсутствие объяснительных надписей на экспонатах. В связи с переводом в г. Майкоп центра Адыгейской автономной области поднят вопрос о слиянии городского музея с Адыгейским областным музеем (пока находящимся в г. Краснодаре), что следует приветствовать, так как музеи дополняют друг друга, и в результате объединенный будет лучшим национальным музеем на всем Северном Кавказе.

Попутно я заехал и в Сочи. В Сочинском районном музее из археологических памятников выставлены: древнегреческая и византийская керамика и статуэтки, орудия производства и оружие некогда живших здесь племен убыхов и асадзуа, эмигрировавших в Турцию в 1864 г. Этнографический показ современного населения почти совершенно отсутствует. Хотя и лучше чем в других музеях, но тоже недостаточно развернут отдел историко-революционный. Лучше выглядит естественно-исторический отдел. Объяснительные надписи в Сочинском музее до сих пор именуют убыхов и асадзуа черкесскими племенами, хотя давно известно, что асадзуа говорили на диалектах абхазского языка, а убыхи (что разъяснено работами П. Услара, А. Dirr'a, G. Dumézil'я) имели свой особый язык, отличный от абхазского и черкесского.

Вообще музеями Северного Кавказа накоплены богатые естественно-исторические и археологические материалы, но прорывным участком являются этнография и история (в том числе история революционного движения).

А. Н. Кондауров

Центральный музей Таджикской ССР (г. Сталинабад, 1936 г.)

Центральный музей Таджикской ССР (историко-краеведческий), организованный в столице Таджикистана г. Сталинабаде, существует всего несколько лет. Экспозиция музея представляет собою ряд небольших выставок, в основу которых положен материал временной выставки «Производительные силы Таджикистана», осуществленной в 1933 г. в Ленинграде в связи с конференцией по изучению производительных сил Таджикистана в Академии Наук СССР. Материал пополнен и освежен новыми данными, собранными сотрудниками музея на месте в Таджикистане. Экспозиция является временной, и в настоящее время сотрудники заняты разработкой плана постоянной экспозиции и подбором материала.

Существующая экспозиция представляется в следующем виде. Первый зал отведен вводному отделу, который дает знакомство с природой, климатом, флорой и фауной Таджикистана. Этот отдел по сравнению с остальными производит лучшее впечатление. Здесь посетитель знакомится с природными богатствами Таджикистана на вещественном материале. Представлены коллекции полезных ископаемых, разрабатываемых в настоящее время и выявленных экспедициями Академии Наук СССР и среднеазиатских организаций. Показаны образцы культурных растений и местной флоры, многие представители которой имеют крупное промышленное значение, как каучуконосы. Представлен материал, характеризующий промышленное и сельскохозяйственное освоение отдельных частей республики.

Однако отдел еще только разворачивает свою экспозицию, и пока еще не дает географической характеристики Таджикистана в целом, во всем ее многообразии.

Кроме вводного, представлены еще отделы историко-революционный и социалистического строительства. Крупным недостатком историко-революционного отдела является полное отсутствие вещевого материала. Вся выставка строится исключительно на фотографиях, иллюстрациях и плоскостном материале. Несмотря на богатство содержания, массовый посетитель эту выставку будет смотреть без интереса. Выставка довольно подробно знакомит с революционным движением в Ср. Азии, однако в ней очень бедно представлен местный материал, характеризующий революционное движение в б. Вост. Бухаре, годы борьбы с басмачеством в Таджикистане и победу пролетарской революции.

Отдел социалистического строительства использует вещевой этнографический материал, — костюм, утварь, орудия труда, — противопоставляя социалистические формы хозяйства — колхозы, совхозы, зажиточность современного таджика-колхозника — прошлому нищему дехканскому хозяйству до революции. Наглядно, на экспонатах, посетитель знакомится с прошлой примитивной техникой дехканина, почти повсеместно уже выходящей из употребления, и с совре-

менной машинной техникой колхозов и совхозов. Диаграммы, фотографии и иллюстрации знакомят с развитием отдельных отраслей сельского хозяйства: хлопководство, животноводство, зерновое и фруктовое хозяйство, шелководство и т. д., с отдельными моментами труда и быта колхозного дехканства. Как и вводный отдел, выставка по социалистическому строительству не дает полной картины экономического и культурного расцвета современного Таджикистана. Отсутствуют и слабо представлены многие моменты, как, напр., культурное строительство, народное искусство, местные кустарные ремесла.

Общим недостатком всех отделов является отсутствие единообразия в оформлении, примитивность оформления, отсутствие витрин и шкафов и каких бы то ни было мер, предохраняющих экспонаты и иллюстрации от пыли, моли и действия света.

В ближайшем будущем музей предполагает развернуть исторический отдел со следующими разделами: 1) Таджикистан эпохи феодализма, 2) колониальный период и национально-освободительное движение, 3) историко-революционный (Октябрь в России, в Ср. Азии, гражданская война и борьба с басмачеством, национальное размежевание в Ср. Азии и образование Таджикской АССР, образование Таджикской ССР). В план будущей экспедиции не вводится раздел, посвященный дофеодальной эпохе за полным отсутствием в музее материала и специалистов.

Следует указать, что на строительстве музея вредно отражаются частая смена руководства, недостаток работников и отсутствие научной работы в музее, вследствие чего задерживается осуществление постоянной вполне разработанной, четкой экспозиции. Отсутствие материалов по дофеодальной эпохе, а также этнографических и археологических коллекций в историко-краеведческом музее совершенно недопустимо. Отметим еще отсутствие какой бы то ни было помощи и внимания музею со стороны Сталинабадской базы Академии Наук СССР.

Новое издание трудов акад. Г. Ф. Миллера

Институт Антропологии, археологии и этнографии Академии Наук СССР, совместно с Институтом народов Севера им. П. Г. Сидовича и Архивом Академии Наук СССР, подготовил и выпустил в свет новое издание труда Г. Ф. Миллера по истории народов Сибири, вышедшего в 1750 г., но сохранившего большое научное значение до настоящего времени. «История Сибири» Г. Ф. Миллера, состоящая из текста Г. Ф. Миллера и документов 1557—1635 гг., является необходимым пособием по истории Сибири конца XVI — начала XVII вв. Подготавливаемые к изданию томы второй и третий того же труда охватят историю Сибири до 1660-х гг., а в других статьях того же автора, печатаемых в тех же томах, эта история будет доведена до начала

XVIII в. В первом томе, кроме гл. 1—5 «Истории Сибири», даются также автобиография Г. Ф. Миллера и его статьи о «древностях Сибирских», с многочисленными снимками из Ремезовской летописи и с рисунков XVIII в. Общая редакция издания принадлежит И. И. Мещанинову при ближайшем участии проф. С. В. Бахрушина, Г. А. Князева и А. И. Андреева, которым, кроме примечаний к тексту «Истории Сибири» и статей о древностях, принадлежат также две вводных статьи: 1) Г. Ф. Миллер как историк Сибири (С. В. Бахрушин) и 2) Труды Г. Ф. Миллера о Сибири (А. И. Андреев). К первому тому прилагается историко-географическая карта Сибири конца XVI до 30-х годов XVII вв. Цена первого тома 22 руб.

А. И. Андреев

Работа по археологии и этнографии в Калуге за 1935—1936 гг.

Работа по археологии и этнографии в Калуге в 1935—1936 гг. велась Краевым музеем и Калужским районным бюро краеведения в двух направлениях: с одной стороны, в виде оформления собранного ранее материала путем экспозиции его и путем обработки его в виде статей для печати, рефератов, докладов, с другой стороны — в направлении полевых исследований путем командировок научных работников для обследования на местах, участия в раскопках и пр.

1. Экспозиционная работа. В 1935 г. произведена была полная реэкспозиция всего материала Калужского краевого музея. Сотрудники музея были командированы в Московский областной Музей в Истру, в Музей Революции и Гос. Исторический музей, где ознакомились с новыми методами экспозиции. По возвращении в Калугу был составлен детальный план экспозиции, рассмотренный и одобренный Московским отделом народного образования и Московским областным музеем как мето-

дическим центром музеев Московской области. Согласно этому плану и перестроен музей, причем в Исторический отдел вошли следующие разделы: доклассовое общество, эпоха феодализма в Калужском крае, Великая Крестьянская война, Калуга как торговый центр в XVIII в. и начале XIX в., эпоха крепостничества в Калужском крае, капиталистическая деревня и капиталистический город, революционное движение в Калуге и в Калужском крае до 1917 г. и 1917 г. в Калуге.

Отдел социалистического строительства за недостатком выставочной площади помещен в другом здании.

Однако, несмотря на серьезную, быстрыми темпами произведенную работу по перестройке музея, ее безусловно нельзя считать законченной. Имеются значительные пробелы в экспозиции, как, напр.: очень слабо освещено феодальное хозяйство, не дан материал по крепостной фабрике, не оформлена экспозиция интересных коллекций по быту калужского купечества

XVIII и начала XIX вв. Все эти пробелы будут безусловно пополнены.

Скажу кратко о выставленном археологическом и этнографическом материале.

В разделе «Доклассовое общество» помещены коллекция по неолиту Калужского края — отдельные ценные находки, материалы раскопок в Детчинском районе, — соседнем с Калужским — фатьяновская культура. Экспонаты с раскопок Огубского городища — тип болотного городища. Далее отображен быт вятичей материалами местных раскопок и рисунками первобытных земледельческих орудий.

Одной из стадийных форм религии родового строя являлся культ предков — ретроспективно, и выставлено здесь собрание культовых предметов старой калужской деревни, связанных с почитанием покойных родичей, как-то: кадиленки для окуривания покойников, кувшинчики для поминального меда, свеча на меду, поминальные лесенки из теста.

Всюду сделан упор на выявление организующей роли человека путем введения в экспозицию ряда картин, выполненных по заказу музея местными художниками, как, напр., «Коллективная охота на мамонта», «Охота на пещерного медведя», «Коллективная выделка каменных орудий», «Славянский поселок» и др. В разделе феодализма интересна картина местного художника Любимова В. П. «Симеоново Городище» — феодальный замок калужского князя Симеона начала XVI в.

Этнографический материал размещен в ряде зал. Отметим здесь лишь некоторые экспонаты, приобретенные после 1925 г. В разделе «феодализм в Калужском крае» — ручная мельница XVI в., старинная деревянная ступа, громадная деревянная чашка, из которой ели 25 человек одной большой семьи — пережиток утвари родового строя, лодка дубовая долбленая окских рыбаков. Для характеристики типичных для этой эпохи верований (пережитки культа животных) выставлены следующие предметы: посохи архиерейские с резными украшениями на рукояти в виде змеиных голов — пережиток почитания змеи, сплетенные из соломы, птицы из крестьянских изб — изображение св. духа; икона Христофора «мученика» с конской головой, сторожевые чугунные доски с головками коней — пережиток почитания коня.

Культ природы: местные водяные культы характеризуются рисунком с натуры почитаемого Громоваго колодца близ с. Борщевки, коллекцией детских рубашек и колпачков, собранных около этого колодца в 1927 г. (они были развешаны на дубах). Здесь же троицкие венки, бросающиеся в Оку в целях гадания, деревянные крестики, кидаемые в колодец.

Для отображения культа растительности и древопоклонства выставлены: остаток почитаемого дуба Тихона, иконы, изображающие Тихона в дупле дуба и под дубом; сплетенные «завитые» в роще маги-

ческие березы троицына дня; освященная верба для первого выгона скота; растение «кукушка», одетое в женскую крестьянскую одежду, и гробик к весеннему обряду «крестины и похороны кукушки».

Появление ремесла внутри феодального хозяйства представлено металлическими произведениями; здесь интересны XVII в. железные двери местной работы. Капиталистическая мануфактура в Калуге XVIII и начала XIX вв. дана в интересных экспозициях калужских производств — пряничного и кафельного.

Земледельческая техника крепостной деревни охарактеризована примитивными орудиями: сохой, бороной с деревянными клевцами, «трясилками», «крюком», для таскания сена и др. Многочисленные формы эксплуатации крепостных крестьян помещиками изображены собранием документов той эпохи, как то: «купчая на крепостную девушку» 1789 г., объявление о продаже крестьян в «Московских ведомостях» XVIII в., «статейным списком» и многих других.

Общая картина убогого быта крепостной эпохи дается в виде макета в натуральную величину курной избы с полной ее обстановкой и с тремя манекенами, одетыми в соответствующую одежду. В этом же зале народное искусство в разных его формах: глиняные фигурные свистульки, деревянные резные изделия, узорное тканье и отличное шитье, «вырезы» с рисунками: «павы», «кони», «медведи», «сады», человеческие фигуры (адоративный жест) и др.

Для характеристики народных суеверий того времени выставлены предметы аграрной магии: масляничная кукла, обрядовое печенье (жаворонки, бобки, каточки, засеванная просфора). Деревянная статуя Николы из г. Перемышля — покровителя земледелия; икона Ильи — патрона сельского хозяйства; первый сноп «зажин». Свадебная магия представлена свадебным курником и украшенным пирогом «роща», шумящими предметами — величальным трещоткой и бубенцом; головным полотенцем, закрывающим лицо невесты от сглаза.

Для контраста с нищенской жизнью закрепощенных масс показана богатая обстановка помещичьего дома начала XIX в. в стильных комнатах б. дома Кологривовых постройки 1805 г. (Помещение исторического отдела музея).

Классовая борьба крепостных крестьян с помещиками, помимо разных документов, дана на картине: «Убийство крестьянами насильника помещика А. Хитрово в с. Смахино б. Малоярославецкого у. в 1846 г.».

В следующих комнатах выставлены предметы, характеризующие классовое расслоение в деревне во второй половине XIX в.: утварь и одежда бедняков и деревенской зажиточной верхушки; и дальше экспозиция по местным кустарным промыслам как проявление проникновения капиталистических форм хозяйства на село: мастерская

набивания холста, самопрялочный промысел, углежжение и смолокурение в Калужском крае.

Дореволюционный быт рабочего дан в виде интерьера бедной комнаты рабочего г. Калуги с тремя соответствующими манекенами.

II. Научно-исследовательская работа. Научно-исследовательская работа относится, главным образом, к 1936 г., так как в 1935 г. музейные работники были заняты почти исключительно перестройкой экспозиции и инвентаризацией музейного имущества.

В июне 1936 г. Калужский музей путем командировки двух своих работников связан с археологической экспедицией ГАИМК, производившей раскопки городища близ дер. Городок Калужского района. Открыто было древнее укрепленное поселение, причем в верхних слоях найдены предметы XII—XIII вв. н. э., а в нижних — предметы VI—VII вв. н. э., а именно: железные ножи, стремя, удила, долото, железная пряжка, костяные стрелы, хрустальные бусы, медный бубенчик с женской одежды, браслет стеклянный с витым орнаментом, масса остатков глиняной посуды с волнистым и линейным узором, причем в верхних слоях — фрагменты посуды, сработанной на ручном гончарном круге, а в нижних слоях остатки грубой посуды без орнамента, сделанной без круга, VI—VII вв. Из костей животных найдены кости свиней, крупного рогатого скота и лошадей, также кости лося и когти медведя.

На городище удалось открыть несколько землянок, причем одна, густо обмазанная глиной, служила кладовой, другие землянки служили жилищем. Калужский музей пока получил с этих раскопок лишь образцы глиняной посуды.

Во второй половине августа 1936 г. К. Я. Виноградовым по поручению Московского областного музея произведены раскопки интересного и редкого археологического памятника — селища в речной пойме. Памятник этот открыт К. Я. Виноградовым летом 1936 г. во время производимого им археологического обследования берегов р. Оки от Лихвина до Калуги. Раскопан был в Перемышльском районе «Певкин бугор», покатая возвышенность, находящаяся в широчайшей Окской пойме, в $\frac{3}{4}$ км от селения Желохово, которое расположено на высоком гребне коренного берега. Почти все работники Калужского музея и Районного бюро краеведения приняли участие в этих раскопках. Найденный здесь материал имеет много общего с предметами, открытыми при раскопках Огубского городища в б. Малоярославецком уезде (1923 г.). Обнаруженную на «Певкином бугре» культуру можно хронологически датировать, как и предметы Огубского городища, I—VI вв. н. э. Вскрыто было 38 участков по 2 м в квадрате. В верхних черных слоях культурного слоя найдено значительное количество остатков гли-

няной посуды и железных изделий, главным образом ножи; нижний светлосерый слой — костеносен, найдены шилья, отличные гарпуны, стрелки, втульчатая стрела; здесь же найдена редкая вещь — серп из кости ребра коровы. Каждый квадрат давал 2—3 интересных вещи. Бронзовых предметов открыто немного — несколько украшений: спиральная привеска, застежка-фибула и др. В последний день раскопок обнаружены следы жилья.

«Певкин бугор», образовавшийся в Окской пойме в процессе наноса водой речного песка, был, очевидно, когда-то местом временного рыбацкого поселка. Весной в те годы, когда этот невысокий бугор не заливался, и затем летом и осенью тут, по всей вероятности, имели приют рыбаки, живя в каких-либо примитивных жилищах, вроде шалашей, тут же готовили пищу, о чем свидетельствуют найденные на бугре кострища, рыбацкие огнища, рыбажья чешуя, рыбы кости. О звероловстве свидетельствуют здесь кости бобра, куницы, лося и других животных. Интересна находка двух черепов собаки.

Отметим, что «Певкин бугор» лежит территориально в комплексе других подобных археологических памятников, расположенных в пойме р. Оки или на первой террасе, как, напр., «Мглицы» в пойме против р. Жиздры, бугор «Польновка» около дер. Головино и ряд других. В «Певкином бугре» выявилась настолько отчетливо характерная последовательность напластований, что здесь вырезан был и доставлен в Калужский музей уникальный в области изучения поймы экспонат-монолит как документ истории поймы, к тому же датированный археологическими находками.¹

В мае 1936 г. в процессе работ Калужского водоканала в центре г. Калуги найдены были при рытье траншеи остатки древнего крепостного сооружения, состоявшего из двойного и тройного рядов вертикально поставленных толстых рубленых сосновых бревен. По всей вероятности, эти сооружения относятся в XVII в., так как по старинным документам известно, что Калуга, древний пограничный с Литвою город, имел деревянные стены, не раз горевшие и восстанавливаемые. Может быть, указанные выше остатки относятся ко времени Болотникова, который, отступив от Москвы, засел в г. Калуге и здесь в 1607 г. держался 4 месяца против царских войск за деревянными стенами города. В связи с этими интересными находками Калужский музей и Районное бюро краеведения тщательно следили за производимыми Водоканалом работами, установив дежурства своих сотрудников. Сделаны были необходимые обмеры, чертежи, фотоснимки, записи. Взятые в музей предметы, найден-

¹ После того как настоящая заметка была сдана в печать, К. Я. Виноградовым в октябре 1936 г. произведены дальнейшие раскопки «Певкина бугра».

ные при рытье траншеи — старинные глиняные свистульки, нерасписные в виде птиц, несколько малых глиняных сосудов, осколки стеклянных штофов, остатки обуви; 12 сосновых бревен из предполагаемых остоков крепости также перевезены в музей.

По линии этнографии собирался М. Е. Шереметевой материал по пережиткам культа природы в калужской деревне. В связи с социалистической реконструкцией села и победой нового быта в настоящее время сохранилось уже мало как поверий, так и самих вещей, связанных с отмершими или угасающими старинными культами. Однако удалось приобрести ряд предметов и пополнить ими некоторые пробелы экспозиции Калужского музея, особенно по пережиткам почитания огня и солнца.

Приобретены магические свечи — венчальная, четверговая, «свеча на меду»; украшения внутренней избы, сделанные из соломы — «люстра» и так наз. «еж» из колосьев (подобие солнца), — пережитки

соляного культа; наличник деревянный с разными изображениями солнца, вышивка с рисунком «птицы и колеса». Сделаны записи по старинному обычаю сожжения колеса под Петров день (от участников обряда). По культу растительности взяты в музей троицкие сплетенные на корню березы, «веночки», через которые пропустили воду для умывания ею больных детей и овец, пучки пшеницы с божниц.

По пережиткам культа животных полотно с замечательной вышивкой «конями», птички, сделанные из яиц. Приобретены иконы, помещавшиеся на долбленых ульях крестьянина дер. Верховой, и ряд других предметов.

Собран также материал по быту современного колхоза (праздники, увеселения), отражающему материальное довольство и радость новой жизни.

К XIX годовщине Октября весь сбор за летний сезон 1936 г. был оформлен и введен в экспозицию.

М. Шереметева

Экспедиция среднеазиатского отделения Всесоюзного института экспериментальной медицины в Ягноб и долину Зеравшана

Летом 1936 г. среднеазиатским отделением ВИЭМ осуществлена экспедиция в долину Ягноба и Зеравшана. Экспедиция работала под руководством проф. Ошанина в составе 1 антрополога, 1 врача, 4 медицинских работников, 1 метеоролога и 2 лиц обслуживающего персонала. В долине р. Ягноб экспедиция провела около месяца (в июле и августе), занимаясь изучением влияния высокогорного климата на человека. Экспедиция собрала значительный

антропологический материал в селениях ягнобцев. Проводились наблюдения метеорологического состояния и климатического режима долины.

На ряду с широкой медицинской помощью населению, собраны сведения о заболеваемости, о санитарном состоянии селения и жилища. Через медицинские и антропологические наблюдения научного состава экспедиции прошло около 200 жителей ягнобских селений.

А. Кондауров

Коллекция предметов домашнего обихода XVIII — XIX вв.

В распоряжение Кутаисского Краеведческого музея недавно поступило несколько новых ценных коллекций. Большой интерес представляет коллекция предметов домашнего обихода XVIII—XIX вв. В коллекцию входят: металлические подсвечник и вертел, деревянные и роговые пороховницы в серебряной оправе и с украшениями, деревянные коробки с орнаментом, ста-

ринные музыкальные инструменты — чиа-нури с оригинальным смычком и фундури (вроде чонгури), наперсник для рукопашного боя, разные изображения из горного хрусталя и колчедана, национальная одежда ручной работы, разные кустарные изделия и пр. Многие предметы оригинальны, и их нет в коллекциях других музеев.

А. Журбенко

Международные конгрессы 1935—1936 гг.

В 1935—1936 гг. состоялись следующие международные конгрессы по этнографии, археологии; лингвистике и сопредельным наукам.

1. XXVI международный конгресс американистов (XXVI Congrès International des Américanistes) в Севилье с 12 по 20 октября 1935 г.

На конгрессе присутствовало свыше 300 членов. Работы конгресса проходили в трех секциях: 1) археологии и искусств, 2) этнографии, лингвистики и фольклора, 3) истории. Конгрессу было доложено 60 докладов. Следующий конгресс будет созван в 1937 г. в Мексике и в Лиме (Перу).

2. Мексиканский исторический конгресс (Congrès mexicain d'histoire) — с 20 по 30 ноября 1935 г. в Мериде (Юкатан).

Особое внимание конгресса было уделено древней истории Юкатана и археологии майя. Первый конгресс происходил в Оахаке (Мексика) в 1933 г.

3. XXII ежегодный конгресс Общества американской лингвистики (Société de linguistique d'Amérique) — в Нью-Йорке с 26 по 28 декабря 1935 г., совместно с Ассоциацией американской филологии и Институтом американской археологии.

4. Вторая сессия Международного конгресса доисторических наук (Congrès International de sciences préhistoriques et protohistoriques) — в августе 1936 г. в Осло. Первая сессия Конгресса состоялась в Лондоне в 1932 г.

5. IV сессия IV Международного лингвистического конгресса (Congrès International des linguistes) — с 27 августа по 1 сентября 1936 г. в Копенгагене. Первая сессия конгресса была созвана в 1928 г. в Гааге, вторая — в Женеве в 1931 г., третья — в Риме в 1933 г.

(Journal de la Société des Américanistes. N. S., T. XXVII, Fasc. 2, Paris, 1935).

Н. Ш.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

Е. Г. Кагаров

Новые иностранные труды по шаманству

Шаманство привлекает за последнее время большое внимание зарубежных исследователей. Вопросы о сущности и происхождении шаманства, об основных его формах и стадиях развития, о наличии элементов шаманства у индоевропейских народов и т. д. оживленно обсуждаются на страницах специальных изданий. Если Alexander Gahs и Менгин¹ выводят шаманство с юга, Volko v. Richthofen² и J. Stadling³ связывают его с «североевразийским культурным кругом», а K. Birket-Smith⁴ ищет родину шаманства по середине, то С. Широкогоров⁵ производит его из Индии и буддизма, а J. W. Hauer⁶ готов признать шаманство универсальным явлением, связанным с определенной стадией развития религии. Одни отыскивают следы шаманства у скифов, как K. Meuli,⁷ другие — у греков и римлян, как F. Pfister,⁸ третьи, как Fr. Flor, сближают сибирское шаманство с океанийским, основываясь на том,

¹ A. Gahs. Internationale Woche für Religionsethnologie IV, Tag, Paris, 1926, 222 сл.; Festschrift für P. W. Schmidt, 1928, 231 сл.; O. Menghin. Weltgeschichte d. Steinzeit, 503.

² B. von-Richthofen. Zur religionswissenschaftlichen Auswertung vorgeschichtlicher Altertümer. Mitt. d. Anthrop. Gesellschaft in Wien, LXII, 1932, стр. 116 сл.

³ I. Stadling. Shamanismen in Norra Asien, Stockholm, 1912.

⁴ K. Birket-Smith. Sibirske Trolmaend. Saertryk fra Nationalmuseet Arbeidsmark, 1933, стр. 32.

⁵ N. Mironov and S. Shirokogoroff. Šramana—Shaman. Journ. of the North China Branch of the R. Asiatic Society, LV, 1924, 105—130.

⁶ J. W. Hauer. Die Religionen, I, 1923, 460.

⁷ См. ниже.

⁸ Friedr. Pfister. Kultus. Pauly-Wissowa, Realencyklop. XI, 2113. Ср. Е. Г. Кагаров, Пережитки шаманства и религ. экстаза в греч. и римск. религиях, Изв. АН, ООИ 1934, 387—401.

что в основе обоих видов шаманства лежит деление общества на два класса.¹ В последнее время делаются попытки проникнуть в сущность идеологии шаманства. Friedr. Pfister усматривает эту сущность в идее «оренды», т. е. особой безличной чудодейственной силы, присущей некоторым лицам. Эта сила, у меланезийцев «мана», у ирокезов «оренда», у индусов — «брахман», может излучаться из данного человека или предмета и переходить на других людей подобно электрической энергии или особому флюиду.² K. Meuli подчеркивает «эгоцентризм» как психологическую и идеологическую основу шаманства и т. д.

В виду того интереса, который представляют для нас новейшие зарубежные труды по шаманству, я остановлюсь на некоторых из них несколько подробнее.

В журнале классической филологии 'Hermes' за 1935 г. (т. 70, кн. 2) помещено обширное исследование швейцарского ученого K. Meuli, посвященное вопросам истории скифского общества («Scythica», стр. 121—176). Первая глава трактует о «скифских шаманах у Геродота». Речь идет здесь об известном описании паровой бани, практиковавшейся по Геродоту скифами после обряда погребения. «После похорон скифы очищаются следующим образом (ἄψαντες δὲ οἱ Σκύθαι χαδαίρονται τριπλῶς τοῦδε): умащают, а потом обмывают себе волосы. Для очищения тела ставят три шеста, наклоненных друг к другу, натягивают на них войлок и плотно связывают их между собою. По середине юрты в плоском сосуде помещаются раскаленные камни (IV, 73). С семенами конопля в руках скифы пробираются

¹ Fritz Flor. Die Indogermanenfrage in der Völkerkunde. Festschrift f. H. Hirt, Heidelberg, 1935, стр. 97.

² Fr. Pfister. Blätter zur bayr. Volkskunde, X, 1925, 43 сл.; XI, 1927, 24 сл.; Völkerkunde, II, 1926, 38 сл.; статья «Kultus» в Realencyklopädie Pauly-Wissowa XI, 2113 сл., Bursians Jahresberichte, Bd. 229, 1930, 105 сл.

под юрту и бросают семена конопли на раскаленные камни; от этого поднимается такой дым и пар, что никакая греческая баня не превзойдет в этом отношении скифскую. Они испытывают наслаждение от такой бани и рычат от удовольствия (*ἀγυμνοὶ τῆ πυρίν ἄρῶντι* IV, 75).

К. Meuli подчеркивает четыре основных момента в рассказе Геродота: связь с погребальным обрядом и культом мертвых, паровая баня (потение), одуряющее действие конопли и рычание. Эти моменты, по мнению автора, определенно говорят о том, что скифская «баня» носила культовой характер и имела целью облегчить душе покойника путешествие в загробное царство: в бане скифы шаманили (стр. 125). Перед нами стадия семейного шаманства. Рычание, о котором упоминает Геродот, было на самом деле пение, но греческий наблюдатель не смог различить ¹ в нем отдельных слов. Meuli ссылается на сообщения многих исследователей о «нечленораздельном вое и диких выкриках шаманов» (Приклонский-Краусс, *Mitt. d. Anthrop. Gesellsch.*, Wien, XVIII, 1888, 175), об «истерическом крике, подражающем голосам духов и животных, завыванию ветра» и т. д. (В. Г. Богораз, *The Chukchee*, 1907, 435). Он мог бы привести также слова Л. Я. Штернберга о «бурном потоке воплей, завываний, рычаний, выкриков, бесований» будущего шамана Койныта.²

Конопля, по мнению автора, играла в скифском обряде роль возбуждающего средства, приводящего в экстаз, — предположение вполне правдоподобное: известно, что якутский шаман с этой целью наглатывался табачного дыма (Серошевский. Якуты, СПб., 1896, 640), чукотский шаман пьет настой из мухоморов, вызывающий галлюцинации (В. Богораз. Религиозные идеи первоб. человека, *Землеведение*, 1908, I, стр. 67), у гиляков шаман одурял себя дымом багульника (*Ledum palustre* — Л. Я. Штернберг, Гиляки, *Этногр. обозр.*, 1904, 2, XI, стр. 47) и т. д.

Но, тем не менее, сказать с уверенностью, что описываемая (IV, 75) сцена представляет собою камлание, мне кажется невозможным: для этого у нас слишком мало данных. Обрядовый характер скифской бани не подлежит сомнению: у восточных славян и у некоторых других народов Вост. Европы баня стоит в связи с культом предков: древние русские топили баню для душ предков (Жив. стар., 1891, IV, 229; Е. В. Анчиков. Язычество и древняя Русь, 1914, стр. 89, 237; Н. С. Тихонравов. *Летописи русск. литер.*, т. IV, 1862, 108; Владимир у А. И. Пономарева. *Памятники*

древнерусской церковноучительской литературы, 1897, III, 233, 238). Отсюда выражение «парить стариков» (М. Murko. *Das Grab als Tisch. Wörter und Sachen*, II, 1910, стр. 104). Правильно указание на одуряющее, наркотическое действие семян конопли (в частях конопли содержится каннабин или гашишин, действующий на центральную нервную систему). Но не всякий религиозный экстаз является шаманством, и то рычание или рев, о котором говорит Геродот, мог означать просто спазматический хохот, столь характерный для отравления гашишем. Сохранились свидетельства, что немцы и старину бросали семена белены (*Bilsenkraut, Hyoscyamus niger* L.) на раскаленные камни во время купания в бане с магической целью (*Handwörterb. d. deutsch. Aberglaubens*, I, 827 сл.), вызывая этим токсические галлюцинации (ср. Fühner, *Solanazeen als Berausungsmittel*, Arch. f. experiment. Pathologie und Pharmakologie, II, 1925, 281—294; Max Höfler, *Volksmedizinische Botanik d. Germanen*, Wien, 1908, стр. 91). Но не станем же мы на этом основании утверждать, что у немцев было распространено шаманство!

К. Meuli усматривает далее в *Ἐνάρεις* греческих писателей скифских профессиональных шаманов. Интерпретируя название *Ἐνάρεις* как «не мужчины» (ср. Herod., I, 105, IV, 67), автор трактата *περὶ ἀέρων ὕδατων τόπων* 22 сообщает некоторые подробности об их «женской болезни» (*ἄρῆλα νόσος*): она заключалась в том, что энареи надевали женскую одежду, приобретали женский характер и выполняли женскую работу; но, тем не менее, их боялись и чтили. К. Meuli сопоставляет античную традицию об энареях с тем фактом, что у многих сибирских народов шаманы как во время камлания, так и в обыденной жизни надевают женский костюм. Он ссылается на В. Богораз, К. Расмуссена, В. Иохельсона и мог бы еще сослаться на Серошевского (цит. соч., 631), Яковлева (*Этнографич. обозр. инородческого населения долины Южн. Енисея*, 1900, стр. 106), В. Ф. Трошанского (*Эволюция черной веры у якутов, Казань*, 1902, стр. 123) и т. д., но дело не в этом. Meuli делает грубую методологическую ошибку: вместо того чтобы всесторонне исследовать данное явление, напр. скифскую «баню» или предание об энареях, и рассмотреть его «во всех связях и опосредствованиях», он выхватывает отдельные признаки, разрозненные черты сравниваемых им комплексов и на основании совпадения двух-трех признаков провозглашает тожество изучаемых им явлений. Забывая «элементарное логическое отличие особенного от общего» (Ленин, *Соч.*, т. XIII, 422), Meuli готов во всяком факте обрядового обмена одеждой, всяком религиозном экстазе, всяком рассказе и приключениях во время путешествия в преисподнюю усмотреть признаки шаманства. А между тем обичай надевать одежду другого пола встречается у множества народов в самых различных случаях

¹ По мнению швейцарского исследователя, Геродот, вопреки Jacoby, Pauly-Wissowa, *Realencyklop. Suppl.* II, 432 сл., не был очевидцем описываемой им сцены.

² Л. Я. Штернберг. *Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора I*, 1908, стр. 51. Его же. *Гиляки (Этногр. обозр.*, 1904, 2, XI, стр. 51).

и приобретает в зависимости от конкретной обстановки самый различный смысл. У кашубов и немцев Тюрингии роженица надевает платье своего мужа с целью ввести в заблуждение злых духов, подстерегающих ее в это время. В Баварии и Швабии роженица в старину надевала мужской пояс и туфли, чтобы в силу симпатической (по сходству) магии облегчить роды (мужской пояс и туфли больше и шире женских и символически расширяют стенки родового канала матери). В древней Греции жених на о. Косе надевал женское платье, в Спарте невеста ожидала жениха в мужском одеянии, а аргосская невеста носила фальшивую бороду во время первой брачной ночи. В Германии на Троицу и в другие праздники парни рядились девушками и наоборот (см. подробнее в Handwörterb. d. deut-schen Aberglaubens, IV, столб. 1512—1518). Какие бы мотивы ни лежали в основе отдельных обычаев этой группы (большинство их, несомненно, восходит к борьбе матриархата с патриархатом), видеть в них черты шаманства столь же неправильно, как из слов Тацита: Praesidet sacerdos muliebri ornatu, т. е. «во главе стоит жрец в женском одеянии» (Тас. Germ., 43) заключать, что некоторым германским племенам свойственно было шаманство. Между тем Meuli, приводя описание ритуальной паровой бани у скифов и предание об энареях, заявляет: «Существование чисто скифского шаманства этим самым доказано» (стр. 131). Приходится лишь удивляться, как может Meuli обвинять пишущего эти строки в том, что он, анализируя пережитки шаманства в греческой и римской религии, «нашел чересчур уже много» (etwas reichlich viel, стр. 176, примечание). Не худо бы швейцарскому филологу вспомнить изречение: «Γατρί, Ξεράπειστον σεαυτο»

Такой же характер поспешности и беспочвенности носят остальные предположения указанного автора, напр. о происхождении эпической поэзии из шаманских песнопений, о Залмоксисе как шамане, и т. д., несмотря на большой ученый аппарат, привлеченный в статье.

Из частностей следует отметить, что автор неправильно усматривает в шаманском луке и стреле более позднее явление, сменившее собою древнейший инструмент шамана — бубен (стр. 151), между тем как развитие шло в обратном направлении, и бубну предшествовал прежний лук (ср., напр., Л. П. Потапов, «Лук и стрела в шаманстве алтайцев», Сов. этногр., 1934, № 3, стр. 70 сл.). Далее, автор без всякого основания, видит различие между сибирским (североазиатским) шаманством и родственными явлениями у других народов в том, что сибирский шаман не испытывает потемнения или изменения своего сознания и его собственное «я» сохраняет свою независимость, тогда как в других случаях дух «вселяется» в тело человека (стр. 144). На самом деле духи, согласно поверию туземцев, входят и в сибирских шаманов, и при лечении

больных они воспринимают в себя демонов болезней (Материал у Д. К. Зеленина, «Идеология сибирского шаманства», Изв. АН ООН. 1935, стр. 727 сл., 732 сл.).

Недостатки работы К. Meuli далеко не случайны: они характерны для всей буржуазной школы исследователей античности, которые обычно сопоставляют разнородные явления, относящиеся к различным стадиям общественного развития, а с другой стороны, изучают явления социальной жизни изолированно от анализа всего исторического процесса в целом. Разбираемая работа совершенно не учитывает социальных корней и функций шаманства, которые несомненно были различны у скифов и алтайцев (Meuli черпает свой материал главным образом у В. В. Радлова). Автор не считается с локальными и стадийными формами рассматриваемого им явления.

Фриц Флор посвящает несколько страниц своей работы: Die Indogermanenfrage in der Völkerkunde (Festschrift für H. Hirt, Heidelberg., 1936, стр. 70—129) вопросу о шаманстве (стр. 97 сл.). Исходя из предпосылок теории культурных кругов, он пытается установить культурно-исторические нити, связывающие индо-европейцев, уральские народы и австронезийские племена и именно в этом плане рассматривает проблему шаманства. По его мнению, семейное шаманство зародилось в арктическом первобытном культурном цикле и исторически засвидетельствовано для ненцев, центральных эскимосов, некоторых североамериканских индейцев (алгонкины и др.) и протоуральцев. Родовое шаманство развилось на основе скотоводческого деления на патриархальные роды и нашло себе специфическое выражение в Сибири. Профессиональное шаманство, вероятно, возникло в области более позднего контакта между земледельческой и скотоводческой культурами. Его связь с крестьянством внутренней Азии подтверждается многочисленными данными. Не исключена возможность, — пишет о профессиональном шаманстве Флор, — что эта форма при посредстве енисейской крестьянской культуры (Vaiernkultur) занесена была к тюрко-монголам, угро-финнам и т. д. Профессиональное шаманство в Океании, обнаруживающее поразительное сходство с азиатским (система двух классов, космогонические мифы, жертвоприношения и т. д.), не могло возникнуть здесь самостоятельно, но объясняется излучением центрально-азиатской крестьянской культуры, оказывавшей влияние, с одной стороны, на индо-европейцев, с другой — на Восток вплоть до Океании (стр. 100). Таким образом колыбель шаманства Флор видит не на Севере, как В. von-Richtofen, J. Stading и др., и не на юге, как Alexander Gahs, а во внутренней Азии, подобно датскому этнографу Birket-Smith'y (Sibirske Trolmaend. Saertryk fra Nationalmuseets Arbeidsmark, 1933, стр. 32) и В. В. Бартольду (ZDMG, XXXIII, 1929, стр. 138).

Концепция венского этнографа для нас совершенно неприменима уже потому, что она исходит из ненаучной и реакционной теории культурных кругов, тогда как на самом деле шаманство — явление стадильное, принимающее в зависимости от местных условий разнообразие конкретные формы. Три формы шаманства: родовая, семейная и профессиональная отражают собою стадии общественного развития и отнюдь не связаны с тем или иным этногеографическим ареалом. Сопоставление отдельных черт «шаманства» у ненцев, саамов, айну, индейского племени майду и бушменов пустыни Калахари в Африке (K. Meuli, *op. cit.*, 144) совершенно бесплодно.

Флор, подобно своим буржуазным коллегам из венской школы, исходит из учения о мигрирующих народах, которые распространяют по земному шару те или иные культурные явления, не понимая, что подпочвой последних служит не этнос, а общество. И все его рассуждения о колыбели шаманства, центре его излучения и пр. не имеют никакой научной ценности.

Я остановлюсь еще на одной работе, частично трактующей и о сибирском шаманстве: имею в виду статью немецкого археолога Bolko von Richthofen'a: *Zur religionswissenschaftlichen Auswertung vorgeschichtlicher Altertümer* (Mitt. d. Anthropol. Gesellch. in Wien, XII, 1932, стр. 110—144). Здесь автор, оперируя подобно Флору с различными культурными кругами, утверждает на основании археологических данных (неолитические изображения рыб из кости и камня, так наз. Fischidole и пр.), что североазиатский культурный круг неолитического периода характеризуется шаманством, сохранившимся в Сибири от той отдаленной поры «с необычайной стойкостью» отчасти до наших дней. В Европе эта культура представлена гребенчатой и ямочной керамикой, простирающейся от Одера до Сибири и от Украины до Финляндии и северо-востока Норвегии. Автор отвергает предположение А. Гаса и О. Менгина о южном происхождении сибирского шаманства (O. Menghin, *Weltgeschichte d. Steinzeit*, стр. 503; A. Gahz, *Festschrift f. P. W. Schmidt*, Wien 1928, стр. 231 сл., его же *Kult lunariziranoga praoca kod stocnih Paleosibiraca*, Zagreb, 1929). Б. фон-Рихтгофен полагает, что монголы, древнейшей религией которых было шаманство, также принадлежали к североазиатскому культурному кругу неолита (стр. 116). Концепция Ф. Рихтгофена, примыкающая к культурно-исторической школе, страдает всеми характерными для нее недостатками. (О взглядах Ф. Рихтгофена у нас писали В. И. Равдоникас, С. П. Толстов и др.)

Включение монголов в евразийский культурный круг ничем не обосновано.

Следует упомянуть еще, что предшественники венской культурно-исторической школы связывают происхождение шаманства с матриархальной культурой (W. Schmidt, *Ursprung der Gottesidee*, III, 1931, 336 сл.; F. Kern, *Anfänge d. Weltgeschichte*, 1933, 90).

К этим авторам и их «концепциям» шаманства всецело применимо то, что сказано выше при разборе воззрений Ф. Флора.

В органе Великобританского Антропологического института: *Journal of the R. Anthropological Institute of Great Britain etc.* LX, 1930, 525—550 помещена статья J. W. Layard: *Shamanism. An analysis based on comparison with the flying tricoters of Maleculu* (Шаманство. Анализ, основанный на сравнении с летающими факирами племени мелекулу). Опираясь почти исключительно на данные книги Szaplicka, *Aboriginal Siberia*, 1914, автор отмечает черты исторического состояния, наблюдаемые в жизни и деятельности сибирских шаманов, и, сопоставляя двойственный характер духов с раздвоением личности у эпилептиков, приходит к заключению, что в основе шаманства лежит ритуальная эпилепсия. Статья представляет собою образец крайнего психологизма в изучении шаманства; роль социального фактора автором совершенно не учитывается.

Таковы новейшие течения в вопросе о шаманстве в зарубежной литературе. Характерной чертой рассмотренных нами работ является полное незнание с советской этнографической литературой о шаманстве. Только на почве этого незнания и могло создаться такое положение, при котором в иностранной литературе публикуются диаметрально-противоположные сведения о «судьбе» (Schicksal) шаманства в СССР. В то время как Кай Доннер сообщает, что среди енисейских остяков шаманство после закрытия православных церквей начало распространяться (K. Donner, *Journal de la Société Finno-Ougrienne* XLII, 2, 1930, стр. 7), по W. Amshler (*Anthropos* XXVIII, 1933, 305), шаманство у теленгитов исчезло, а Генрих Уфер в предисловии к своей книге о религии ненцев (H. Ufer, *Religion und religioes Leben beiden Samojuden*, Erlangen, 1930) с трогательной наивностью, чтобы не сказать кретинизмом, выражает сожаление, что Наркомпрос РСФСР оставил без ответа его запрос, как протекает православно-миссионерская работа (sic!) в настоящее время среди туземных народов Сибири.

А. В. Мачинский

Новая литература по этнографии Центральной Америки

1. Shattuck, Georg Cheever and Collaborators. The peninsula of Yucatan. Medical, Biological, Meteorological and Sociological Studies (Carnegie Institution of Washington, Publications № 431), Washington, 1933, XVIII + 576 pp., 6 pl. and maps, 30 text-fig.

2. Redfield, Robert and Villa, Alfonso. Chan Kom, A Maya village (Carnegie Institution of Washington, Publications № 448), Washington, 1934, VIII + 387 pp., 15 pl., 6 tables, 15 text-fig.

3. Thompson, J. Eric. Ethnology of the Mayas of Southern and Central British Honduras (Field Museum of Natural History, Publication № 274; Anthropological Series, vol. XVII, № 2), Chicago, 1930, pp. 25—213, XXIV pl., 1 map.

4. Soustelle, Jacques. Notes sur les Lacandon du Lac Peljá et du Río Jetja (Chiapas) (Journal de la Société des Américanistes de Paris, t. XXV, fasc. 1), Paris, 1933, pp. 153—180.

5. Termer, Franz. Zur Ethnologie und Ethnographie des nördlichen Mittelamerika. (Ibero-Amerikanisches Archiv, Band IV, Heft 3), Berlin, 1930, SS. 303—492, IX Taf.

6. Schultze Jena, Leonhard. Indiana I, Leben, Glauben und Sprache der Quiche von Guatemala, Jena, 1933, XII + 344 S., 24 Taf.

7. Schultze Jena, Leonhard. Indiana II, Mythen in der Muttersprache der Pipil von Izalco in El Salvador, Jena, 1935, 364 S., XII Taf.

8. Conzemius, Eduard. Ethnographical Notes on the Black Carib (Carif), (American Anthropologist, vol. 30, № 2), Menasha, 1928, pp. 183—205.

9. Conzemius, Eduard. Los indios Payas de Honduras, Estudio Geográfico, Histórico, Etnográfico, Lingüístico, Partes Geográfica, Histórica y Etnográfica (Journal de la Société des Américanistes de Paris, n. s., t. XIX, Paris, 1927, pp. 245—302). Partes Lingüística y Bibliografía (idem, t. XX), Paris, 1928, pp. 253—360).

10. Conzemius, Eduard. Ethnographical Survey of the Miskito and Sumu Indians of Honduras and Nicaragua (Smithsonian Institution; Bureau of American Ethnology. Bulletin 106), Washington, 1932, 191 p., 10 pl.

Перечисленные работы посвящены ряду индейских племен Южной Мексики (полуостров Юкатан), Гватемалы, Гондураса и Никарагуа.

В эпоху открытия Америки испанцами Мексика и Центральная Америка были заселены большим числом индейских племен, принадлежавших к различным лингвистическим группам. В Мексике господствующее положение занимали ацтеки, относящиеся к уто-ацтекской (или шононо-ацтекской) группе языков. К этой же лингвистической группе принадлежали, из числа туземцев Центральной Америки, индейцы, говорящие на языке пипиль (живущие на территории современного Сальвадора) и никарао (в современном Никарагуа). Наиболее многочисленной лингвистической группой Центральной Америки является группа майя; она занимала территорию Южной Мексики, Гватемалы и Британского Гондураса. В ее состав входят племена майя (в узком смысле слова), лакадон, чол, мам, кекчи, киче, какчикель, тцутугиль и др. (см. карту). В Гондурасе и Никарагуа жили индейцы ленка, хикаке, пайя, матагальпа, улуа, сумо и мискито. На побережье Караибского моря в XVII в. выселились с Малых Антильских островов карибы (кариф). К началу XX в. некоторые из этих племен были почти совершенно уничтожены, другие значительно уменьшились в числе (исключение составляют только мискито) в результате жестокой их эксплуатации. Значительное число современных индейцев и метисов утратило свой родной язык и говорит в настоящее время по-испански. Еще в большой степени колониальная эксплуатация сказалась на социальном строе и материальной культуре местного населения.

Первая из перечисленных работ содержит в основном отчеты трех мексиканских экспедиций, организованных Carnegie Institution и работавших на полуострове Юкатан в 1929, 1930 и 1931 гг. Уже сами отчеты об экспедициях, составляющие II и III части книги, представляют значительный интерес, так как в них имеются не только узко-медицинские данные, но и материалы по антропологии и этнографии населения обследованных районов (в частности, что особенно ценно, даны планы некоторых поселений). Наибольший интерес для этнографа представляет вводная часть, содержащая географический, исторический, антропологический, этнографический и политический очерк Юкатана. Она является краткой сводкой современных знаний об этой области, основанной как на печатных работах, так, в значительной части, на полевых исследованиях, произведенных специальной этнографической экспедицией

Carnegie Institution (о работах этой экспедиции, частично опубликованных в 448 томе изданий Carnegie Institution, см. ниже). Главы III, IV и V содержат данные о численности и составе населения полуострова и описание современной культуры индейцев майя, живущих в провинциях Юкатан Кампече (Мексика). В северо-западной части провинции Юкатан туземная культура почти исчезла. Здесь в настоящее время почти нет индейских общин и господствует крупное землевладение, находящееся в руках испано-американцев. В городах и больших селениях, расположенных по железным дорогам, преобладает смешанное население, владеющее испанским языком. В центральной части провинции Юкатан и западной части провинции Кампече преобладающее место занимают индейские общины, образовавшиеся в их современном виде после революционного движения в 1910—1921 гг. Наконец, восточная часть обеих провинций, составлявшая раньше самостоятельную провинцию Кинтин-Поо, обладает очень редким, но сравнительно мало затронутым европейской цивилизацией населением. Эта часть полуострова Юкатан почти непригодна для разведения растений, имеющих промышленное значение (исключение составляют только каучуконосные растения, но разводить их стали лишь в последние годы). Земледелие является основным занятием населения, причем его техника почти не изменилась под европейским влиянием, так, например, плуг, даже в его самых примитивных формах, распространен на Юкатане очень незначительное количество и во многих районах попрежнему обрабатывают землю при помощи заостренной палки. Поселения индейцев отличаются обычно небольшими размерами; встречаются поселения, имеющие только шесть хижинок.

К сожалению, в то время как современное политическое и административное управление Юкатана описано в настоящей работе достаточно подробно, социальному строю индейцев не уделено почти никакого внимания. В целом книга содержит много интересного, но случайного и одностороннего материала, так как он собирался не специальными этнографами, а врачами или естествоиспытателями, к тому же в большинстве случаев не владевшими туземным языком.

Значительно более ценный материал дает книга Р. Редфильда и А. Вилья. Она является отчетом о работах Р. Редфильда в селении Чан-Ком (провинция Юкатан), произведенных им по поручению Carnegie Institution в 1930 и следующих годах. Большая помощь в работе была оказана Р. Редфильду школьным учителем селения Чан-Ком А. Вилья. Значение этой помощи тем более велико, что сам Р. Редфильд был незнаком с языком майя. Селение Чан-Ком расположено в той части Юкатана, которая в сильной степени затронута европейским влиянием (селение лежит примерно в 40 км от ближайшей железнодо-

рожной станции). В быт в значительном количестве проникли новые предметы, не только ножи, кастрюли, керосиновые лампы и другие мелкие вещи, но даже швейные машины; на строительстве новых домов также все в большей и большей степени сказывается влияние города: дома все чаще строятся из камня, штукатурятся и белятся. Несмотря на близость железной дороги, связывающей этот район с главным городом Юкатана — Меридой, и несмотря на то, что в Чан-Коме уже несколько лет существует школа, лишь 14% жителей селения владеют испанским языком. Чан-Ком является типичной современной мексиканской индейской общиной (ejido). Редфильд и некоторые другие авторы хотят видеть в ejido туземную сельскую общину, сохранившуюся с XV в. и лишь подвергнувшуюся некоторой трансформации под влиянием европейцев. Это утверждение не вполне верно. Уже сама система энкомьенд, введенная испанцами сразу после завоевания и быстро приведшая к фактическому укреплению всего туземного населения за белыми и цветными землевладельцами, не могла не изменить в сильной степени первоначальную общину. Ejido в их современном виде возникли очень поздно, лишь после освобождения индейцев, проведенного законодательным путем в результате революционного движения 1910—1921 гг. До этого их количество было чрезвычайно незначительно. Причем ejido смогли образоваться далеко не во всех районах Мексики. В тех местах, где широко распространено разведение растений, имеющих промышленное значение, сохранилось крупное землевладение, основанное на наемном труде. При этом, как это мы видим на примере Юкатана, ejido продолжают отесняться из этих районов и в настоящее время, так что, например, в северо-западной части Юкатана в 1929 г. не осталось почти ни одного ejido. Главной особенностью ejido является то, что вследствие чрезвычайной редкости населения и, в связи с этим, обилия свободной земли любой его член может обрабатывать землю в любом незанятом месте и в любом количестве. Кроме того, каждый член ejido может за соответствующую плату пользоваться казенной землей.

От прежнего социального строя почти ничего не осталось. Население Чан-Кома полностью подчинено мексиканским законам. Современная деревенская исполнительная и судебная власть в лице comisario не имеет ничего общего со старым деревенским вождем (batab), власть которого была не только пожизненной, но и в большинстве случаев наследственной. Comisario избирается собранием взрослых мужчин данной деревни на один год.

Одним из наиболее интересных разделов книги является глава, посвященная экономике (надо отметить, что подавляющее большинство этнографов-американистов не уделяет этому вопросу никакого внимания). В этой главе приводятся точные данные

Схематическая этнографическая карта Центральной Америки.

(для 1931 и отчасти 1930 гг.) по количеству обработанной каждым из 54 хозяйств деревни земли и размеру собранного урожая. Далее автор довольно подробно останавливается на характере торговли, отмечая, что она производится либо специальными странствующими торговцами, либо проходит через имеющуюся в селении единственную лавочку. Деньги не играют почти никакой роли: они необходимы только при

крупных покупках или покупках в городе. Обычным средством расплаты при покупке в местной лавочке являются яйца.

Частная собственность на землю, за исключением небольших участков земли, прилегающих непосредственно к дому, отсутствует. Каждый человек может засеять столько земли, сколько он в состоянии обработать. Каждый владеет тем, что он сам сделал или что он сам приобрел. Имущее

ство отца наследуется сыновьями. Переходя к семье, автор отмечает вытеснение туземных терминов родства испанскими и отсутствие ранее существовавшего перекрестно кузенного брака.

Глава, посвященная технике, дает очень мало. Так, мы в ней даже не находим сведений об орудиях обработки земли.

В области религии имеет место сращивание или, вернее, смешение христианства с туземной религией. Христианские обряды выполняются специальными лицами. На ряду с ними существуют жрецы (называющиеся на языке майя *h-men* или *h-menob*), являющиеся одновременно и колдунами и врачами; без их участия не может начаться ни посев, ни жатва. Среди более культурных жителей селения наблюдается критическое отношение к религии и ее служителям. Очень интересно заявление, которое сделало одно из влиятельных лиц селения в своей автобиографии: «Действительно *h-men* (жрецы) являются эксплуататорами работника... наихудшими врагами всех рабочих мира».

Книга снабжена ценными приложениями, заключающими: автобиографию одного из жителей деревни, сказки, легенды и молитвы. К сожалению, все тексты, кроме молитвы, даны только в переводе на английский язык. Большой интерес представляет опубликованный в этой же книге дневник жизни селения (сельскохозяйственные и строительные работы, поездки в соседние селения, праздники и т. д.), который вел школьный учитель А. Вилья в течение 20 месяцев.

Книга Э. Томпсона содержит сводку этнографических материалов, собранных автором в южной части Британского Гондураса во время археологических работ, которые он производил в Лубантуане (место древнего поселения майя) в течение 1927, 1928 и 1929 гг. Основной этнографический материал был собран им в селении Сан-Антонио или же среди индейцев этого селения, работавших на раскопках в Лубантуане. Первая, вводная, глава дает краткое географическое и этнографическое описание Британского Гондураса. Современное население колонии, исчислившееся в 1923 г. в 46 000 человек, чрезвычайно разнородно по своему составу. Основную массу составляют негры, в северной части колонии довольно много *ladinos* (потомков испанцев и индейцев); побережье заселено карибами; чистокровных индейцев сравнительно мало. К перечисленному нужно еще прибавить англичан, чистокровных испано-американцев и китайских кули. В южной части Британского Гондураса имеется довольно много развалин древних построек индейцев майя. Современное население, говорящее на языках этой лингвистической группы, состоит из иммигрантов из Гватемалы и Мексики, переселившихся в эти районы уже после открытия Америки.

Э. Томпсон изучил два селения — Сан-Антонио и Сокоц — оба заселены переселен-

цами из района оз. Петен-Итца. Уже сам факт переселения, вызванного притеснениями со стороны белого населения Мексики, говорит за то, что индейцы должны были в значительной степени утратить черты старого социального строя и быта. Деревня Сан-Антонио управляется старшиной (носящим испанское название *alcalde* или *taunog*), который выбирается ежегодно простым большинством голосов, причем сами выборы происходят путем поднятия рук. К сожалению, сведения, сообщаемые автором о социальном строе, чрезвычайно скудны. Так, например, совершенно нет данных по вопросу о собственности на землю. Несколько лучше освещены родственные и брачные отношения. Брак заключается по законам католической церкви. Запрещен брак между двоюродными братьями и сестрами. Интересно, что в то время как в Юкатане запрещается брак между людьми, носящими одно и то же туземное имя (этот интересный факт является несомненным пережитком родовой экзогамии), здесь это правило не соблюдается. Термины родства не носят никаких следов европейского влияния и почти полностью совпадают с записанными в XVI в. в Юкатане.

Основным занятием индейцев Сан-Антонио и Сокоц является земледелие, которому автор уделяет две главы. Сравнительно мало останавливаясь на технике земледелия, как и на технике вообще, он обращает главное внимание на сельскохозяйственные религиозные обряды. Помимо специальных глав, посвященных религии и магии, в главах, посвященных земледелию и технике, дано большое количество описаний различных обрядов и приведено много молитв и заклинаний. Религия этих индейцев испытывала значительные изменения под влиянием христианства, но при этом вера в старых богов сохранилась. Индейцы почитают христианского бога, которого они называют по-испански *Dios*, верховным божеством. Ниже его следуют туземные боги — бог утренней звезды, *Mam*, или *Huitz-Hok* (бог гор и долин), *Chac* (бог грозы) и *Ic* (бог ветра). Наконец, еще ниже следуют остальные туземные божества в перемешку с христианскими святыми. Главы, посвященные религии, особенно интересны, так как в них автор привлекает большой фактический материал не только по другим племенам майя, но и, являясь крупным специалистом по истории майя, использует испанские и туземные источники XVI—XVIII вв. В специальных главах автором приведен большой фольклорный материал, данный, к сожалению, только в переводах.

Статья Ж. Сустель посвящена племени лакандон, относящемуся также к лингвистической группе майя. Лакандоны мало затронуты европейским влиянием, и на основании материалов, приведенных *Tozzer* в 1907 г., можно заключить, что у них полностью сохранился родовой строй. Замечания исследователей, посетивших их в последующие годы, дают основание считать,

что они сохраняют его вплоть до настоящего времени. Мы в праве были бы ожидать от всякого исследования, посвященного лакандонам и, тем более, от основанного на личных наблюдениях, много интересного. Статья же Ж. Сустель может вызвать только разочарование. После работы Tozzer'a, вышедшей почти двадцать лет тому назад, в которой он показал, что племя индейцев лакандон состоит из восемнадцати экзогамных отцовских родов, странно читать наивные замечания Ж. Сустель. Так, например, он считает, что вождь, кроме своего жилища, владеет еще тремя домами (кухней, кладовой и храмом), но владеет он ими только для того, чтобы безвозмездно отдавать их в пользование другим. Между тем, этими домами, строящимися коллективно, всем родом, каждый член рода может пользоваться, в случае надобности, без какого-либо специального разрешения. Таким образом автор ошибочно принимает собственность рода за частную собственность вождя рода.

Ж. Сустель не дает специально никакого лингвистического материала, но он приводит в тексте целый ряд туземных слов курсивом, к сожалению, без всякого указания, какому языку они принадлежат. Например, он называет поселения лакандон словом *caribal*, причем это слово дается курсивом, как и все другие слова на языке лакандон. А между тем это слово вовсе не принадлежит языку лакандон, а служит у современного белого и цветного населения Мексики для обозначения поселений индейцев, не затронутых европейским влиянием и сохранивших еще в значительной степени старый образ жизни. Само же слово происходит от названия племени карибов (*carif*, *carifuna*).

В статье Ж. Сустель некоторый интерес представляет лишь описание быта индейцев и антропологические сведения о них.

Книги Ф. Термера и Л. Шульце посвящены индейцам, живущим на территории Гватемалы.

Ф. Термер, прежде чем перейти к описанию современных индейцев, дает в специальной главе краткое описание населения Гватемалы в период, предшествующий завоеванию последней испанцами. Автор с возможной точностью определяет территорию, которую занимало в то время то или иное племя. Гватемала почти целиком была заселена племенами, говорящими на языках лингвистической группы майя. Исключение составляют лишь два небольших племени, живущих в южной части страны — синка и пипиль (большая часть последнего живет на территории республики Сан-Сальвадор). Остановившись более подробно на племени киче, достигшем более высокой ступени исторического развития по сравнению с другими племенами Гватемалы, автор пытается дать краткую характеристику его социального и политического строя. По его мнению, киче образovali ко времени испанского завоевания развитое феодальное государство. Во главе государства стоял ко-

роль (*der König*), который сажал во вновь покоренные области в качестве подчиненных ему военных властителей (*militärische Machthaber*) своих родственников или низших начальников дворянского рода (*Untertäniglinge der Adelsgeschlechter*). В завоеванных областях устраивались крепости (*die Burgen*), развалины которых сохранились в большом числе до настоящего времени. Есть основание считать, что в XV в. в племенах киче, как кичель и тцугуиль действительно начался процесс образования феодального государства, но утверждение Ф. Термера, как и многих других ученых, что мы имеем здесь дело со сложившимся государством с феодальной политической организацией, нуждается в особо критическом отношении.

Недостатком этнографического описания является то, что оно ведется не по определенным племенам, а по значительной части страны сразу. Так что пропадают и особенности быта и жизни отдельных племен и связь между отдельными сторонами их, поскольку нет уверенности, что те или иные факты относятся к одному племени, а не к разным. Точно так же многие из приведенных данных недостаточны или односторонни. Так, например, автором приведен подробный список имущества, принадлежащего одной семье индейцев кекчи (все имущество, включая землю, домашнюю птицу и свиней, оценено автором в 75—50 американских долларов), но так как автор не указывает, к какому имущественному слою населения относится эта семья, то эти данные почти не имеют никакого значения. Между тем, если бы автор привел подробные данные по нескольким семьям различного достатка, указав, хотя бы приблизительно, их численное соотношение, мы бы имели очень ценный материал для характеристики современного положения индейцев Гватемалы.

В быт индейцев в большом количестве проникли фабричные изделия Северной Америки и Европы; большое распространение получило скотоводство, не известное до прихода европейцев. Из домашних животных преобладают свиньи, затем овцы, быки, лошади и мулы. Широко распространено пчеловодство, игравшее значительную роль и до открытия Америки. Основой хозяйства является земледелие, отличающееся большой примитивностью (преимущественно подсечное). Основным орудием производства до сих пор является заостренная палка из твердого дерева длиной около 1,5 м. В настоящее время она часто имеет железный наконечник. Идя по 8—10 человек в один ряд, индейцы взрыхляют при помощи этих палок землю; чаще же ограничиваются только тем, что делают в земле ямки, в которые затем бросают зерно. В тех районах, которые посетил Ф. Термер, никаких следов прежнего социального строя им, очевидно, не было обнаружено. Быть может, это объясняется отсутствием у автора интереса к этим вопросам.

Большая часть книги посвящена религии, обрядам и фольклору. К книге приложены записи театрализованных игр. Из самого факта, что они исполняются на испанском языке, можно судить о том, в какой степени здесь вытеснена туземная культура. Если же мы обратимся к их содержанию, то это станет еще более ясным — так, например, темой одного из этих представлений является легенда о святом Георгии. Большую ценность представляют записи одной сказки, заклинания и приветствий на языке кекчи с подстрочным переводом.

Книги Л. Шульце посвящены индейцам кичэ и пипиль. Они построены по совершенно иному плану, чем все остальные рецензируемые нами книги. В то время как в этих последних записи на туземных языках или вовсе отсутствуют или занимают ничтожное место, в книгах Л. Шульце они составляют основную часть книги. Тексты на языках кичэ и пипиль записаны не только в латинской или испанской транскрипции, как они записывались обычно до последнего времени, но по транскрипции, специально составленной автором для этих языков. Все тексты даны с подстрочными переводами. К обоим книгам приложены грамматики и словари этих языков. По существу, Л. Шульце впервые дал научные грамматики и словари языков кичэ и пипиль, и поэтому его книги являются большим шагом вперед в изучении языков Центральной Америки.

Что же касается содержания вводных статей этих книг, подбора текстов и системы расположения последних, то они представляются нам далеко не удовлетворительными.

Первая книга, посвященная индейцам кичэ, дает несколько больший материал, чем вторая, для изучения общественного строя и быта современных индейцев. Из нее мы узнаем, например, что индейцы кичэ юридически свободны в выборе руководителей своих общин. Эти выборные лица, однако, подчинены особым государственным чиновникам. Высшее лицо в общине носит название (в переводе с языка кичэ) «первый в судебном доме» или, по-испански, «*primer alcaide*», «*el primero del juzgado*». Он обычно является деревенским судьей. Мерами наказания является заключение и принудительные работы (проведение улиц и рубка леса для мужчин, растирание извести для женщин).

Почти не останавливаясь на описании общественных работ общины, на характере тех повинностей, которые несет та или иная община, Шульце ограничивается в этом отношении лишь указанием на обязанность общины содержать и обслуживать пастора (для чего выбираются несколько сменяющихся каждую неделю юношей, на которых возлагается обязанность следить за порядком и чистотой в доме пастора, а также доставлять дрова и мансовую солому для его хозяйства).

Из приведенного видно, что вводная часть дает более чем скудные данные об общественной жизни индейцев кичэ.

Что же касается самих текстов, то они по преимуществу религиозного характера; записи текстов в значительной степени обесценены отсутствием при них указаний, от кого, где и когда они были записаны. Тексты расположены автором в тематическом порядке: сначала молитвы и заклинания, относящиеся к жизни человека от рождения до брака, затем связанные с земледельческими работами, поездками, развлечениями (к последним, на ряду с питьем и танцами, отнесена охота) и, наконец, относящиеся к болезни и смерти.

Вторая книга Л. Шульце, как уже было отмечено, очень ценная с лингвистической точки зрения, в отношении распределения текстов вызывает большое недоумение: тексты разбиты на четыре части, в соответствии с установленными автором четырьмя основами («*Die vier Grundpfeiler*») мировоззрения индейцев пипиль. Эти четыре основы, по его мнению, следующие: «*Плоды земли («Die Feldfrucht»)*, которые превращаются в плоть и кровь, земля, из которой плоды земли получают свою силу, вода, без которой ничто не развивается, светила, которые господствуют над всем».

К сожалению, автор не приводит никаких доказательств в пользу основательности этого своего подразделения текстов, нигде не указывая, на основании каких данных оно им произведено, а так как приводимые тексты ни в какой мере не обуславливают это подразделение, то оно представляется нам произвольным и искусственным.

Очень интересен приводимый в книге конкретный материал по сельскому хозяйству. Так, например, дан список культивируемых растений на языке пипиль, с немецким и латинским их переводом; таблица, показывающая зависимость между годовыми колебаниями температуры, осадками, облачностью и временем посевов и созревания жатвы. Тексты, приводимые в первой части, также очень важны для изучения хозяйства индейцев; в них дается описание различных полезных растений, способов их разведения, полевых работ, способов приготовления пищи и различных изделий. Остальные три части содержат мифологические тексты и сказки.

Работа Э. Конземиуса, несколько лет прожившего на территории Британского Гондураса и республик Гондурас и Никарагуа, посвящена племенам индейцев, стоящих на более низкой ступени развития, чем те, о которых мы говорили выше.

Первая работа — это небольшая статья о карибах Центральной Америки, населяющих побережье Карибского моря (южную часть Британского Гондураса и побережье республики Гондурас до р. Черной, известных под названием черных карибов; сами себя они называют кариф или карифуна. Еще до прихода европейцев карибы выселились из Южной Америки на Малые Антиль-

ские острова, частью вытеснив оттуда ароваков, частью смешавшись с последними путем браков с аровакскими женщинами, причем аровакский язык до настоящего времени сохранился у карибов Центральной Америки в виде специального женского языка. В дальнейшем карибы подверглись сильному смешению с неграми. В 1675 г. недалеко от острова С. Винсент разбился корабль, везший негров-рабов, которые, освободившись благодаря крушению, образовали колонию на этом острове. Постепенно они смешались с карибами и приняли их язык и обычаи. Примесь негритянской крови в дальнейшем еще возросла благодаря постоянному притоку беглых негров. В настоящее время примесь негритянской крови у карибов Центральной Америки настолько велика, что они отличаются от остальных карибов даже в антропологическом отношении. После присоединения о. С. Винсент к Англии карибы восстали против англичан, и, когда восстание было подавлено, они были выселены на континент. В настоящее время в Центральной Америке насчитывается от 20 000 до 25 000 карибов.

Деревни карибов обычно расположены на побережье около устья рек или у лагун. Охота и рыболовство находятся целиком в руках мужчин. Земледельческие работы, за исключением требующих особой физической силы (очистка места, предназначенного для посева, от деревьев и кустов), целиком выполняются женщинами. Разводится преимущественно маниока; посевы маиса встречаются редко.

В области брачных отношений Конземиус отмечает существование у карибов полигамии и распространенность брака на двоюродных сестрах, дочерях сестры отца или брата матери.

Из сказанного видно, что небольшая по размерам статья Конземиуса содержит кое-какие интересные сведения по истории и этнографии карибов.

Вторая работа Э. Конземиуса, посвященная индейцам пайя, отличается значительно большей полнотой. Наиболее слабым местом (как это приходится повторять почти о каждой из разбираемых книг) и этой и следующей его работы, посвященной племен мискито, являются разделы, касающиеся социального строя.

Индейцы пайя живут в северо-восточной части Гондураса, причем с прибрежной полосы они были отгеснены сначала мискито, а потом карибами. Племя пайя быстро уменьшается в числе, смешиваясь с мискито или вымирая, будучи отнесенным в мало пригодные для жизни районы и подвергаясь жестокой эксплуатации со стороны управляющих ими чиновников. В 1921 г. их насчитывалось только 600 человек.

Район, занимаемый индейцами пайя, богат золотым песком и поэтому рано привлек к себе испанцев — уже в XVI в. пайя были покорены ими. В XVII в. здесь была учреждена первая францисканская миссия.

Индейцы пайя издавна были подчинены власти вождя (называвшегося по-испански — «геу», т. е. король) племени мискито. В 1860 г. правительство Гондураса освободило их от этого подчинения, и в настоящее время они сами выбирают своих старшин (gobernadores), фактически же власть находится в руках приставленных к старшинам секретарей (обычно метисов), так как, будучи неграмотны, старшины не знают законов.

В настоящее время каждая семья живет в отдельном доме, причем мужчина, вступающая в брак, переходит жить в дом родителей своей жены. Но еще в 1840 г. английским путешественником Юнгом было обнаружено поселение пайя, состоявшее из одного большого общинного дома, в пределах которого каждая семья имела свое собственное помещение.

Пайя занимаются охотой (с собаками), рыболовством и земледелием. Техника земледелия столь же примитивна, как и у описанных в книге Ф. Термера индейцев Гватемалы. Интересно, что для растирания маиса употребляются каменные зерноотерки (иногда поломанные), которые индейцы сами не умеют изготовлять, а собирают их на местах древних поселений.

О том, какова связь между современным индейским населением Гондураса и этими древними поселениями (в большом количестве встречающимися на его территории), установить трудно.

Статья снабжена грамматикой языка пайя и хорошо составленным словарем.

Последняя работа Э. Конземиуса посвящена основным индейским племенам Никарагуа — мискито и сумо. Мискито населяют побережье Караибского моря, сумо живут западнее их в центре страны. На занимаемой ими территории живет также большое количество мулатов и метисов, занимающихся добычей каучука и золота.

После падения испанского господства англичане установили протекторат над побережьем, провозгласив вождя племени мискито королем. В 1860 г. под давлением США они были вынуждены уступить побережье республикам Гондурас и Никарагуа. Правительство Никарагуа отвело для индейцев мискито специальную территорию.

Индейцы мискито постепенно ассимилируют окружающие племена и негров, благодаря чему численность их все возрастает; если в конце XVII в. их насчитывалось 1700 человек, то в настоящее время их уже около 15 000. Индейцев сумо насчитывается только 3000—3500 человек.

Индейцы сумо живут небольшими поселениями, от 6 до 25 человек. Поселения мискито значительно больше, от 100 до 500 человек. В настоящее время у этих племен общинных домов не существует, но известно, что прежде общинные дома у них имелись, причем в каждом доме жило до 400 человек.

В эпоху завоевания Америки у мискито существовал канибализм, хотя большинство пленных обращалось в рабство.

Сельское хозяйство развито на побережье гораздо слабее, чем в центральных районах Гондураса и Никарагуа. Разводят кассаву (вид маниока), ямс, бобы, рис, сахарный тростник (последние вошли в употребление недавно) и хлопок. В деревнях встречается довольно большое количество птицы (индюшки, утки и т. д.). Сильно развито рыболовство. Значительную роль играет также охота. Часть населения занята сборианием каучука и поденной работой в рудниках. Среди индейцев (особенно мискито) широко распространены европейские и североамериканские фабричные изделия. Интересно отметить, что если в момент завоевания ни сумо, ни мискито не знали употребления никакого металла, за исключением золота, и делали свои орудия исключительно из камня, дерева, раковины и кости, то в настоящее время каменные орудия настолько забыты ими, что они даже не знают их назначения и называют, например, каменные топоры «громовыми стрелами».

Как это мы видим по рецензируемым нами работам, центром внимания исследований последних годов по этнографии Центральной Америки являются племена лингвистической группы майя. Исследования также идут и по линии изучения других, до сих пор мало изученных, племен, например работы Конземиуса, посвященные племенам мискито, пайя и сумо.

Характерным для большинства этих работ является односторонность, с которой их авторы и выбирают этнографический материал и дают ему освещение. Будучи далеки от тех вопросов, которые прежде всего интересуют нас, вопросов экономики и социального строя, они естественно уделяют этим проблемам очень мало внимания. В этом отношении некоторое исключение представляет книга Редфильда, в которой значительное место уделено вопросам экономики, и некоторые ее стороны разобраны с большой тщательностью. Изучается преимущественно материальная культура, религия, мифология и фольклор. В некоторых работах большое место отводится языку изучаемых племен. К сожалению, однако, при изучении и собирании лингвистических материалов очень мало внимания уделяется собиранию терминов социального значения, в частности терминов родства.

В этом отношении особенно показательны книги Л. Шульце, в которых среди богатого словарного материала термины родства почти отсутствуют. Большой материал по этому вопросу дает работа Конземиуса об индейцах пайя, где в составленном им словаре языка этих индейцев имеется большое число терминов родства. К сожалению, однако, сам автор их никак не систематизировал и не сделал на основании их никаких выводов.

РЕЦЕНЗИИ

В. В. Антропова

ОКУНЬ С. Б. «ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В КАМЧАТСКОМ КРАЕ». Лгр. ОГИЗ — СОЦЭЖГИЗ, 1935, 150 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Работа С. Б. Окуня посвящена колониальной политике русского царизма на крайнем северо-востоке Сибири. Она охватывает период с конца XVII в., т. е. с момента официального завоевания Камчатки до Октябрьской революции. Кроме введения и заключения книга содержит девять глав; в них автор пытается выяснить социально-экономические причины завоевания и дальнейшей экспансии русского царизма, одновременно критикуя работы прежних исследователей по данному вопросу.

Свои выводы автор основывает отчасти на архивных материалах, в большинстве случаев на неопубликованных (материалы ЛОЦИА), а также на литературных источниках — работах Крашенинникова, Стеллера, Богоразы, и др.

Кризис конца XVII в. обусловил усиление экспорта товаров за границу и в первую очередь дорогостоящей пушнины, что вызвало введение в 1697 г. государственной монополии на соболиную торговлю. Погоня за пушниной и явилась, по мнению автора, экономической причиной завоевания Сибири, но только кризис, говорит далее автор, усилил активизацию русских на северо-востоке и в частности привел к походам Атласова (считающегося Ермаком Камчатки) и к первому сбору ясака с аборигенов Камчатки (ительменов).

С приходом завоевателей на Камчатку начинается в течение долгого времени, не прекращающаяся борьба русских с ительменами и коряками. Для сбора ясака правительство посылает на Камчатку одного приказчика за другим, наделяя их чрезвычайными полномочиями.

Вторая глава «Итоги русской колонизации» начинается с характеристики возможностей исхода завоевания. Приводя известную цитату К. Маркса из «Критики политической экономии» о трех исходах завоевания, автор находит совершенно неправильным утверждение некоторых историков о том, что в России имел место лишь первый исход завоевания, а именно навязывания своего способа производства. Дальше разбирается вопрос о влиянии русской колонизации на распад первобытно-коммунисти-

ческий отношений и родовой организации у камчадалов.

Главы III, IV и V посвящены вопросам борьбы народов северо-востока Сибири с русскими завоевателями. Ответом на всю систему эксплуатации камчадалов и попытки объяснения коряков в начале XVIII в. явились непрерывные разрозненные восстания со стороны как тех, так и других. Лишь в 1731 г. они вылились в массовое восстание камчадалов, которое после длительного сопротивления было подавлено. Завоеватели отметили свою победу массовым истреблением побежденных. Главари восстания были казнены, а для устрашения и обуздания остальных были повешены по два камчадала в каждом остроге. После этого, несмотря на некоторые волнения среди камчадалов, ведущая роль в освободительной борьбе переходит к корякам. Борьба коряков с русскими привела к длительной и упорной войне 1745—1756 гг.

По мнению автора политика русских среди коряков сводилась к их поголовному истреблению. Большое место уделяет автор доказательствам наличия плана у главарей восстания.

В 1756 г. эта дорогостоящая русским борьба в значительной мере ослабела, по мнению автора, благодаря некоторым уступкам со стороны русских, как то отказ от насильственного крещения и т. д. Вывод, который был сделан правительством из этих восстаний, — это необходимость создания надежной опоры среди местного населения, особенно среди камчадалов. Во исполнение этого в каждом острожке назначается тойон (староста, старшина), на обязанности которого лежало наблюдение за сбором ясака и поведением туземцев.

Автор считает, что борьба русских с чукчами велась в первую очередь из-за политических соображений, для обеспечения надежного тыла и создания территориальной базы для готовящихся захватов части американского материка. В отношении чукоч точно так же стоял вопрос о полном их истреблении, как и коряков. Походы против чукоч никаких реальных результатов не дали, и поэтому началась политика так наз. «замирения»; вовлечение их в торговые взаимоотношения, привлечение на свою сторону начавшейся создаваться местной туземной верхушки и т. д.

Влияние христианизации на местное население описано в главе VI. «Насильственное крещение народов Камчатки начи-

нается одновременно с появлением русских на полуострове. Крещение было обусловлено тем, что всякий крещеный туземец попадал в кабалу к своему приемному отцу. Это положение было узаконено в 1733 г. Политика правительства в деле крещения камчадалов, с одной стороны, сводилась к созданию препятствий к массовому крещению, чтобы не сократить количества ясашных жителей, с другой стороны — желанием иметь больше крещеных, в виду боязни перед «замирненными» камчадалами. Тот факт, что в половине XVIII в. все камчадалы были крещены, говорит за то, что вторая причина имела большее значение. Что касается крещения чукок и коряков, то насадить его среди них не удалось, за исключением единичных случаев.

С XVIII в. Камчатка как колония становится явно дефицитной, несмотря на хищническое ограбление туземцев. В то же время она начинает превращаться в плацдарм русского царизма на Дальнем Востоке. В связи с этим делаются попытки создания на полуострове собственной продовольственной базы для снабжения военных частей.

Продажа Аляски в 1867 г. привела к падению стратегического значения Камчатки, и с этого момента, говорит автор, Камчатка «предоставляется на полный произвол хищнической эксплуатации как российского, так и иностранного торгового капитала».

В конце XIX в. в связи с соперничеством на Дальнем Востоке вновь возрастает стратегическое значение Камчатки.

Далее автор переходит к вопросу о положении туземного населения перед Октябрьской революцией. В это время туземцы были обложены, кроме ясака, некоторыми земскими повинностями. Губительно отразилась на туземцах также экспроприация занятых ими угодий для нужд колонизации, хищническое облавливание рыболовных угодий как русскими, так и японскими предпринимателями и т. д. Вся эта система привела к резкому падению количества туземного населения. В таком состоянии застала народы Камчатки Октябрьская революция.

В заключение автор приводит коротко историю интервенции и гражданской войны на Камчатке.

Работа С. Б. Окуня отражает как экономическое положение Камчатского края, так и положение туземного населения и влияние на него русской колонизации более чем за 200 лет. Смелую попытку разрешить этот вопрос по-новому на основе марксистского анализа фактов можно только приветствовать. Очень ценным, конечно, в данной работе является использование неопубликованных материалов из фондов ЛОЦИА. Целый ряд положений, выдвинутых автором, звучит очень убедительно, и в частности центральное положение, характеризующее итоги завоевания Камчатки, как пример второго исхода завоевания (по определению Маркса). Правильно в основном охарактеризована экономическая причина завоевания

северо-востока Сибири как погоня за пушниной. Так же правильно отмечена такая сторона колониальной политики русского царизма, как стремление насадить туземную «аристократию», сделав из нее своего ретивого помощника, и целый ряд других более мелких фактов.

Но, отвечая удовлетворительно на целый ряд поставленных вопросов, работа Окуня не лишена в то же время и ряда существенных недостатков, а также и неправильных выводов.

Автор на протяжении всей книги проводит мысль о двух самостоятельно действующих силах в деле завоевания северо-востока Сибири, первая — это интересы феодального государства, выраженные в политике военно-феодального ограбления колоний, и вторая — интересы торгового капитала в захвате свободных территорий.

Эта мысль базируется на определении торгового капитала и его роли, данным М. Н. Покровским. В тех случаях, когда автор говорит о торговом капитале, он представляет его как нечто самодовлеющее. Например, говоря об академических экспедициях XVIII в., он пишет: «Перед нами (т. е. перед экспедициями) был поставлен вопрос о возможности дальнейшего колониального расширения империи, ибо американские берега и прилегающая цепь островов в этот период являлись уже тем объектом, куда стремился российский торговый капитал» (стр. 36) или: «В том же направлении все усиливающегося разорения туземного края действовал и торговый капитал, значительно усиливавший свою деятельность на Камчатке в связи с повышением цен на пушнину в начале XX столетия» (стр. 137) и др. Изображая торговый капитал как самостоятельно действующую силу, автор делает и неправильные выводы из фактического материала, напр. рассматривает экспедицию Беринга как попытку правительства вывести Российскую империю на широкий путь дальнейшей колониальной экспансии и активного соперничества из-за колоний с другими европейскими державами. Возникает вопрос, с какими же европейскими державами соперничал российский военно-феодальный империализм на Дальнем Востоке? На этот вопрос автор не дает ответа, и вряд ли на него можно ответить. Все указанные экспедиции, конечно, не ставили перед собой лишь чисто академические цели, а диктовались в первую очередь заинтересованностью военно-феодального государства в новых землях, богатых ценными мехами, а главным образом в исследовании производительных сил для дальнейшей эксплуатации края. Эта же мысль о самостоятельности действий торгового капитала сквозит и в главе VIII, где говорится о том, что Камчатка несколько позже 20-х годов XVIII в. начинает иметь значение «базы для внедрения русского торгового капитала морским путем в Китай, Японию и острова Тихого океана» (стр. 116). Автор подкрепляет свою мысль выпиской из работы капитана Головина. Между тем, эта

работа кап. Головнина относится к началу XIX в., како том говорит и сам автор, и, кроме того, не содержит тех данных, которые бы подкрепили высказанную мысль. В цитате говорится, что Камчатка смежна с Японией и Китаем и отстоит от таких-то островов в столько-то днях пути. Эта цитата скорее может относиться к описанию географического положения Камчатки, чем служить намеком на мотивы колониальной экспансии русского царизма на Востоке.

Завоевание Сибири диктовалось заинтересованностью русского правительства, в лице купцов и помещиков, в пушных богатствах Сибири; тем самым удовлетворялись и интересы торгового капитала. О двух самостоятельных действующих силах, как военно-феодалное государство и торговый капитал, говорить нельзя.

Другим из недостатков работы является не совсем удачная попытка разрешить вопрос о разложении социальной организации камчадалов, а отчасти и коряков, под влиянием русской колонизации. Автор, имея в своих руках лишь материалы старых исследователей, во-первых, подошел к разрешению этого сложного вопроса слишком поверхностно, а во-вторых, даже и высказывая правильные положения, не сумел подкрепить их достаточным фактическим материалом.

Позиция автора в этом вопросе базируется на правильном положении, что Камчатка является примером такого исхода завоевания, когда победитель довольствуется лишь данью (в данном случае ясаком). «В целом, — говорит автор, — русское завоевание оказывает разлагающее действие на господствующий у туземцев способ производства». Это звучит очень правдоподобно, но посмотрим, как же разбирается этот процесс на конкретном материале. Взимание ясака повлекло за собой изменение удельного веса различных отраслей хозяйства камчадалов. Если раньше основным занятием являлось рыболовство, охота на морского и мясного зверя (почему морская охота не является мясной — непонятно, но согласимся с терминологией автора) и первобытное собирательство, а вес пушной охоты был крайне незначителен, то с приходом русских на полуостров удельный вес пушной охоты сильно повысился, возросло ее товарное и фискальное значение. Этот вид промысла перестает носить случайный характер «и постепенно становится главной отраслью хозяйства камчадалов» (стр. 28). Изменение объектов хозяйствования повлекло за собой рост индивидуальной охоты, каковой в противоположность морской и мясной была охота на пушного зверя. Это первый тезис автора относительно влияния русской колонизации на распад первобытно-коммунистических отношений камчадалского общества. Конечно, значение пушного промысла усилилось с приходом русских, и пушная охота начала определять товарность хозяйства, но главным занятием камчадалов до последнего времени было и остается рыболовство, хотя оно наи-

менее товарно. В этом вопросе автор, конечно, не прав. Затем, какие есть основания считать мясную и морскую охоту обязательно коллективной? Охота на нерпу могла быть индивидуальной (с гарпуном). По мнению автора выходит, что соболь убивался камчадалами ради мяса — что являлось примером коллективной охоты, а ради шкуры — индивидуальной, это утверждение звучит довольно неправдоподобно. Принцип коллективности в первобытно-коммунистическом хозяйстве не следует понимать так упрощенно. Имеет значение не только характер производства, но и характер распределения — шел продукт охоты коллективу или индивидуальному; этого вопроса автор даже и не ставит.

С этим вопросом тесно связан тезис автора, говорящий о том, что русское завоевание усилило процесс возникновения частной собственности. К сожалению, этот процесс не прослеживается, и автор ограничивается только цитатой из Энгельса о возникновении частной собственности под влиянием изменившихся условий производства. Не отмечается роль новых средств производства, таких, как ружья, которые способствовали укреплению индивидуальной охоты и созданию излишних продуктов. Создание туземной верхушки не рассматривается в связи с возникновением частной собственности у последней; правда, упоминается о развитии торговли, но в какой связи стоит это с частной собственностью, также обходится молчанием. Далее, переходя к вопросу разложения родовой организации у камчадалов, автор говорит о причинах этого явления следующим: развитие пушной охоты и недоход рыбы создали невозможность селиться большими общественными единицами (видимо, нужно понимать — родами). Но может ли это явиться серьезной причиной разложения рода? Род может быть малочисленным, но все же сохранять свои характерные черты. Это утверждение не является достаточно аргументированным и, кроме того, выявляет механистический подход к вопросу разложения рода. Так же неубедительно звучит и второй довод об усиливающейся роли начальника в связи с постоянной борьбой против русских. Эти явления, если и имели место, вряд ли были в числе главных причин. Совершенно не отражено влияние русских на усиление возникновения частной собственности, а это последнее, конечно, имело немаловажное значение. В объяснение такого сложного процесса автор, по видимому, за неимением материала, пошел по линии наименьшего сопротивления.

Постановка вопроса о работе может внести в голову читателя только сумбур. Из того факта, что русское завоевание ускорило и «процесс формирования рабства» (слова автора) как первой формы эксплуатации — вывод напрашивается только один, а именно — о создании рабовладельческого уклада; какая же иная форма эксплуатации рабского труда может иметь

тут место? Соглашаясь с тем, что для завоевания Камчатки характерно ограбление, нужно признать, что русские не могли создавать своего собственного производства; как же могла создаться специфическая для рабства форма эксплуатации? В каком производстве могли быть заняты рабы? Преобладание женского рабства, использование женщин-рабынь в качестве наложниц, отсутствие наследственного рабства, отпуск рабов на свободу из-за невозможности прокормить их — говорит за то, что при наличии элементов домашнего рабства, русские экономически не могли использовать рабов. В тупик может завести и само понятие «раб», которое автор постоянно смешивает со словом «холоп», а эти два понятия не тождественны.

Освободительное движение туземцев представлено в книге как сознательная революция. Примерно такими же красками можно характеризовать революцию 1905 г. в России. В книге Окуня дана, например, такая характеристика восстания камчадалов 1731—1732 гг.: «Постепенно камчадалы начали осознавать, что выходом из создавшегося положения может быть лишь массовое восстание» (стр. 40). Описать восстание камчадалов 1731 г. как сознательное, а не стихийное, конечно, не соответствует исторической действительности. Это было стихийное восстание против угнетателей, против притеснений и поборов приказчиков.

В таких же, примерно, тонах описывается и восстание коряков 1745—1756 гг.

Из более мелких недостатков работы следует отметить слишком безответственное употребление автором некоторых терминов, как, например, «способ производства». Так, на стр. 25 автор пишет: «Поскольку Россия, в каждый хронологический отрезок времени являвшаяся носителем определенного способа производства, в процессе своих завоеваний сталкивалась с народами, находившимися на различных ступенях развития...» Невольно при этом напрашивается вопрос о том, сколько же способов производства пережила Россия за время колонизации Сибири, в течение 200 лет. Видимо, автор забыл положение Маркса о том, что определенный способ производства лежит в основе каждой общественно-экономической формации, а смена формаций каждые 10 лет, как известно, не происходила. На стр. 34 автор говорит «о формировании рабства»; можно формировать полк, батальон и т. д., но не рабство.

Нельзя не приветствовать появление работы Б. Окуня, но следует выразить сожаление, что автором допущены скороспелые выводы, без привлечения достаточного фактического материала.

С. Ш.

HALLIDAY, W. H., POTLATCH AND TOTEM AND THE RECOLLECTIONS OF AN INDIAN AGENT. LONDON AND TORONTO. 1935. 240 стр. + 24 табл. с иллюстрациями (30 фотографических рисунков).

Автор знакомит с празднеством потлэч, широко распространенным прежде среди северо-западных индейцев Сев. Америки, и отчасти с бытом и нравами группы племени квакиутл (официально kwakiutl), живущего в Британской Колумбии и на о. Ванкувера. Баос делит квакиутл на 3 лингвистических группы (haisla, heitlusk и собственно квакиутл), которые в общей сложности насчитывают 2000 чел. (вместо 5—6 тыс. чел. в 1750 г.).

Свой материал автор разделил на две части. Первая часть посвящена подробному описанию этих зимних празднеств потлэч, на которых он многократно присутствовал лично, ибо жил среди этого племени 38 лет, в том числе 7 лет в качестве учителя, а потом в качестве «агента» Департамента Индейских дел (Department of Indian Affairs). Празднества эти у квакиутл приняли чудовищные размеры. Автор дает детальное описание происходящих на потлэч день за днем в течение нескольких недель церемоний с их разнообразными плясками и песнями (каждый из съезжающихся многочисленных кланов этого племени имеет свою, запретную для других, пляску и свои песни), речами, в которых восхваляется богатство и знатность устроителя потлэча. Тут же дан перечень блюд, которыми устроитель потлэча неизменно угощает в течение ряда недель своих многочисленных гостей, и перечень тех разнообразных подарков (тысячи накидок, плюсовые костюмы, шкуры, маски, деревянные блюда, серебряные браслеты и пр., не говоря уже о деньгах), которыми награждаются гости соответственно их рангу и богатству. Кроме того, значительная часть таких ценностей даже просто бросается в огонь в целях поднятия престижа их владельца. Интересно также описание роли членов тайного общества ha'matsa, в котором до сравнительно недавнего времени при инициации новых членов практиковались пережитки религиозного каннибализма в виде поедания мяса трупа или кровавых укусов некоторых участников потлэча. Попутно автор знакомит с униженным положением женщины у квакиутл, которая была предметом купли и продажи: отец или дядя, брат и т. п. был полным ее господином и, не спрашивая ее согласия, продавал ее в жены тому, кто больше за нее платил, а если потом находился претендент на нее, предлагавший еще большую плату, ее без дальних разговоров передавали этому последнему. Мало того, иногда, чтобы собрать деньги на потлэч, с раннего детства девочек заставляли prostituiроваться (стр. 233). Интересно описание сцены взаимного соперничества между устраи-

телем потлэча и начальником другого клана, оспаривающим свое право на признаки первенства в отношении богатства и знатности.

В настоящее время институт потлэча, который с одной стороны, связан, как мы видели, с уничтожением огромного количества ценностей, а с другой — ведет нередко к разорению многих должников, ибо раздаваемое на потлэч, согласно обычному праву, имущество должно было быть возвращено с надбавкой от 100 до 200 и более процентов (потлэчи фактически свелись к открыто действующему кредитному учреждению), воспринят американским правительством.

Несмотря, однако, на такое близкое знакомство с жизнью квакиутл, автор не дает никакого объяснения ни генезиса потлэча, ни его социально-экономической и политической основы, на которой это празднество развилось здесь до таких чудовищных размеров. Равным образом напрасно читатель стал бы искать в книге объяснения роли и смысла тотемов и тотемных столбов в жизни этих индейцев, значения своеобразной росписи и резьбы на них и пр.

Что касается второй части, озаглавленной автором «Воспоминания индейского агента», то на ряду с некоторыми новыми штрихами из быта, нравов и пр. квакиутл, несколько дополняющими полное и детальное описание их жизни — в двух объемистых трудах Ф. Боаса (The Social Organization and the Sacred Societies of the Kwakiutl Indians, Annual Report of the Nat. Mus. of the Smithsonian Institution, 1897, и совместно с G. Hunt, Ethnology of the Kwakiutl, 35th Annual Report of the Bureau of Amer. Ethnology, 1921), мы находим в книге ряд фактов и рассказов, отнюдь не характерных, не имеющих никакого общего значения и подобранных автором, повидимому, тенденциозно, как бы для того, чтобы оправдать колониальную политику своего правительства в отношении этих индейцев, которые, как он надеется, скоро исчезнут, как таковые, и тем снимут с белых «тяжелую обязанность» заботиться об их благополучии (стр. 227).

С. Ш.

JEAN TIJM. DIE STELLUNG DER FRAU BEI DEN INDIANERN DER VEREINIGTEN STAATEN UND CANADA'S. Seiten 1—150 + Einleitung XI—XVIII, 1933.

Автор задался целью ознакомить с положением индейской женщины от рождения до ее смерти, включая ее роль в общественной жизни, и притом, как он говорит в предисловии (стр. XV), на основе экономического строя. В этих целях он, следуя классификации Штейнмеца (неопубликованные, но классифицированные и систематизированные таблицы и его работа «Classification des types sociaux»), расположил собранные им из разных литературных

источников данные по трем группам индейских племен в соответствии с основной формой их производственной деятельности.

Исходя из этого, он все рассмотренные им индейские племена делит на охотничьи, рыболовные и земледельческие. Основным материалом послужили ему труды, вышедшие до 1870 г., ибо, говорит он, все последующие работы главным образом пользуются этими старинными источниками, а из последних он считает самыми достоверными труды иезуитских миссионеров. Излишними он считает в настоящее время и новое личное обследование индейцев, поскольку их материальная и духовная культура и социальная организация подверглись сильным изменениям под влиянием белых колонизаторов.

Несмотря на заявление автора, что труд его базируется на экономической основе, мы в его изложении не находим никакого объяснения связи между положением женщины у той или иной группы и хозяйственной жизнью. Равным образом не делает автор никакой попытки систематизировать и объяснить собранные им данные на основе социальной организации; более того он тщательно обходит молчанием этот вопрос: нигде нет даже упоминания о групповом браке, что осветило бы приводимые им данные о добром и брачном периоде жизни индейской женщины, о ее «проституировании», за какое-то старые писатели могли принимать ту или иную форму группового брака. Нужно думать, что это сделано умышленно, ибо, хотя автор говорит в предисловии, что им использована главным образом лишь литература, вышедшая до 1870 г., мы в его книге находим целый ряд ссылок на работы, вышедшие и после, вплоть до 1933 г., но ни одной ссылки ни на «Древнее общество» Моргана, ни на «Происхождение семьи . . .» Энгельса. Не упоминает автор имени Моргана и в приведенной в приложении довольно обширной библиографии, за исключением «League of the Ho-de-no-sau-nee or Iroquios», вышедшей в 1851 г.

Нанизав факты из самых разнообразных источников, относящихся к разным периодам жизни индейцев, автор совершенно не учитывает вопроса о стадильности их социальной и семейной организации и связанных с этим изменений в положении женщины. Правда, на основании собранных им данных он приходит в конце к заключению (стр. 146—147), что ни материнет, ни даже матриархат не оказали заметного влияния на положение индейской женщины, но тут же прибавляет, что вопрос о материнском праве еще не выяснен достаточно и нуждается в дальнейшем изучении, непонятно только — на основании каких данных это будет сделано, раз он считает, что новейшее изучение индейцев, когда основы их бывшей социальной организации совершенно изменились, бесполезно.

Единственное, что можно вывести из рассмотренной нами работы, это то, что в общем положение индейской женщины сравнительно с мужчиной было довольно тяжелое.

В. В. Храмова

Перечень статей, помещенных в журнале „Советская этнография“ за 1936 г.

Передовые

На фронте исторической науки, № 1,
стр. 1—9.

От редакции, № 6, стр. 3—6.

Статьи

Акритас, П. Г. Свадебные обычаи абхазских греков, № 4—5, стр. 84—104.

Быстрянский, В. А. Дружба между народами СССР растет и крепнет, № 3, стр. 7—18.

Галунов, Р. А. Народный театр Ирана, № 4—5, стр. 55—83.

Генко, А. Н. Задача этнографического изучения Кавказа, № 4—5, стр. 6—20.

Гринкова, М. П. Родовые пережитки, связанные с разделением по полу и возрасту, № 2, стр. 21—54.

Глускина, А. Е. Японский теневой театр, № 3, стр. 36—58.

Деген-Ковалевский, Б. Е. Сванское селение как исторический источник, № 4—5, стр. 21—54.

Золотарев, А. М. Фриц Гребнер, № 1, стр. 73—80.

Кагаров, Е. Г. Маркс и Энгельс о древнекельтском обществе, № 6, стр. 9—19.

Кагаров, Е. Г. Новые немецкие труды по истории древнегерманской культуры, № 1, стр. 61—72.

Косвен, М. О. Из истории родового строя в Юго-Осетии, № 2, стр. 3—20.

Ольдерогге, Д. А. Население и социальный строй Эфиопии (Абиссинии), № 1, стр. 10—39.

Пульнер, И. Итоги и задачи изучения кавказских (грузинских и горских) евреев, № 4—5, стр. 105—121.

Степанов, Н. Н. К вопросу об остяковогульском феодализме, № 3, стр. 19—35.

Черняков, З. Е. К вопросу о статистике национальностей в современных государствах, № 6, стр. 20—49.

Шацкая, О. И. Туркменские колядные песни в связи с бытом и религиозными верованиями, № 1, стр. 45—60.

Юшманов, Н. В. О языках Эфиопии, № 1, стр. 40—44.

Материалы

Бурдуков, А. В. Значение молочных продуктов и способы их приготовления у монголов в Джаргалантуйском и Джабхалантуйском округах Монгольской Народной Республики, № 1, стр. 121—128.

Вильчевский, О. Л. Экономика курдской кочевой сельскохозяйственной общины Закавказья и прилегающих районов во второй половине XIX в., № 4—5, стр. 135—162.

Виноградов, Г. С., см. Попова, А. М. Вербов, Г. Д. Лесные ненцы, № 2, стр. 57—70.

Гафферберг, Э. Г. Формы брака и свадебные обряды у джемшидов и хезарэ, № 1, стр. 81—105.

Гинзбург, В. В. Кишлаки восточных районов Таджикской ССР и жилища горных таджиков, № 3, стр. 59—77.

Дыренкова, Н. П. Отражение борьбы материнского и отцовского начала в фольклоре телеутов и кумандинцев, № 6, стр. 70—84.

Иванов, С. В. Орнаментированные куклы ольчей, № 6, стр. 50—69.

Кагаров, Е. Г. Венчание покойников у немцев Поволжья, № 1, стр. 106—108.

Косвен, М. О. Об архивных материалах по этнографии СССР, № 1, стр. 132—135.

Лавров, Л. Из поездки в черноморскую Шапсугию летом 1930 г., № 4—5, стр. 122—134.

Левин, М. Г. Эвенки северного Прибайкалья, № 2, стр. 71—78.

Лисициан, Ст. «Святыня» у перевалов, № 4—5, стр. 200—212.

Маслова, Г. С. Материалы по этнографии карел Калининской области, № 2, стр. 79—100.

Оде-Васильева, К. В. Обычаи, связанные с засухой у палестинских арабов, № 1, стр. 129—131.

Оде-Васильева, К. В. Обычаи, связанные с родами и отношение к новорожденному у северо-палестинских арабов, № 3, стр. 93—98.

Панек, Л. Б. Скотоводческий праздник «Теодороба» у мтиулов, № 4—5, стр. 193—199.

Попова, А. М. и Виноградов, Г. С. Медведь в воззрениях русского старожилго населения Сибири, № 3, стр. 78—83.

Семенская, Е. М. Изучение групп крови народов Кавказа, № 4—5, стр. 213—215.

Шереметева, М. Е. Масляница в Калужском крае, № 2, стр. 101—121.

Шиллинг, Е. М. Ковроткачество Дагестана, № 4—5, стр. 163—177.

Шиллинг, Е. М. Кубачинская серебряная доска с выгравированным текстом, № 4—5, стр. 178—185.

Шпринцин, Н. Г. Экспедиция академика Г. И. Лангсдорфа в Бразилию в первой четверти XIX в., № 1, стр. 109—120.

Фонберг, О. Пережитке культа быка в с. Карачоле в Крыму, № 3, стр. 84—85.

Фрейман, Н. Придорожная часовня — пережиток древнего «погребения на столбах на путях», № 3, стр. 86—92.

Заметки

Бурдуков, А. В. Этюды по этнографии калмыков, № 2, стр. 122—124.

Косвен, М. О. Пережитки матриархата у народов Кавказа, № 4—5, стр. 216—218.

Пиотровский, А. Б. Новые материалы о горных племенах мандатной территории Новой Гвинеи, № 3, стр. 99—100.

Чернецов, В. Н. Чум, № 6, стр. 85—92.

Из архива

Андреев, А. И. Труды и материалы В. Н. Татищева о Сибири, № 6, стр. 93—103.

Данилин, А. Г. Два письма Н. Я. Марра, № 4—5, стр. 219—222.

Шпринцин, Н. Г. «Живописное описание путешествия из Порту Филис в Куяба» Г. Флоранса, № 6, стр. 104—110.

Отчеты экспедиций

Гринкова, Н. П. Экспедиция Государственного музея этнографии в Воронежскую область (1936), № 6, стр. 117—129.

Кондауров, А. Н. Отчет об экспедиции Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР по изучению жилищ ягнобцев и горных таджиков (1936), № 6, стр. 111—116.

По музеям

Краснуха, Э. В. Из опыта работы политико-просветительного отдела Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР, № 6, стр. 130—131.

Кондауров, А. Н. Центральный музей Таджикской ССР (Сталинабад, 1936), № 6, стр. 134—135.

Лавров, Л. И. Краеведческие музеи на Северном Кавказе, № 6, стр. 132—133.

Personalia

Богораз, Владимир Германович, № 3, стр. 3—6.

Горький, Алексей Максимович, № 4—5, стр. 3—5.

Меликсет-Беков, Л. М. Армянский этнограф-археолог Е. А. Лалаян, № 4—5, стр. 225—226.

Памяти В. Г. Богоразы, № 4—5, стр. 223—225.

Петров, Г. И. Я. И. Ярхо, № 1, стр. 136—138.

Хроника

Андреев, А. И. Новое издание трудов акад. Г. Ф. Миллера, № 6, стр. 136.

Астахова, А. Фольклорная секция института, № 1, стр. 147—149.

Аносов, С. Казбекский краеведческий музей, № 2, стр. 131—132.

Бломквист, Е. Издание трудов Л. Г. Моргана, № 2, стр. 125—126.

Вяткина, К. В. Работа Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР за 1935 г., № 1, стр. 139—141.

Г. Об издании этнографических и социологических трудов М. М. Ковалевского, № 4—5, стр. 127—128.

Гринкова, Н. П. Экспедиция Государственного музея этнографии в Северный край, № 1, стр. 160—165.

Геллах, Т. Жилище горнорабочего XVIII века на Урале, № 3, стр. 111.

Ермоленко, М. Кабардино-балкарский областной краеведческий музей, № 2, стр. 132—133.

Журбенко, А. Коллекция предметов домашнего обихода XVIII—XIX вв., № 6, стр. 139.

Журбенко, А. Г. По Закавказью, № 2, стр. 133—135.

Кагаров, Е. Г. Выставки, экспедиции, научные общества и конгрессы (за рубежом), № 3, стр. 111.

Кагаров, Е. Г. Съезды и конференции (за рубежом), № 1, стр. 165—167.

Кондауров, А. Н. Экспедиция среднеазиатского отделения Всесоюзного института экспериментальной медицины в Ягнуб и долину Зеравшана, № 6, стр. 139.

Краснуха, Э. В. Политпросветотдел Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР, № 1, стр. 149—150.

- Крихели, А. Музей евреев Грузии в Тбилиси (Тифлисе), № 4—5, стр. 228—229.
- Лев, Д. Н. Археологическая секция института антропологии, археологии и этнографии АН СССР, № 1, стр. 144—146.
- Лекомцев, И. М. Обзор этнографических работ по Советскому Союзу за 1935 г. по газетным сообщениям, № 3, стр. 101—105.
- Лекомцев, И. М. Поездка в Удмуртскую АССР, № 1, стр. 155—157.
- Лекомцев, И. М. Этнографическая секция Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР, № 1, стр. 142—143.
- Мальцева, Н. А. Алтайская экспедиция ГАИМК, № 1, стр. 153—154.
- Минлос, И. Экспедиция Центрального антирелигиозного музея в Хевсуретию, № 1, стр. 165.
- Н. Ш. Международные конгрессы, № 6, стр. 140.
- Панек, Л. Совещание по изучению Закавказья при отделении общественных наук АН СССР, № 2, стр. 125.
- Петров, Г. Н. Экспедиции и научные командировки Института народов Севера ЦИК СССР, № 1, стр. 157—158.
- Постановление Президиума Академии Наук СССР об итогах совещания отделения общественных наук с закавказскими филиалами Академии Наук, № 4—5, стр. 227.
- Потапов, Л. Государственный музей этнографии, № 2, стр. 126—129.
- Потапов, Л. П. Экспедиция Государственного Музея этнографии (Ленинград), № 1, стр. 158—160.
- Селиванов, Вл. XV Пленум ГАИМК, № 2, стр. 129—131.
- Сухарев, И. А. Работы по этнографии и археологии в Узбекском Государственном музее, № 3, стр. 109—110.
- Таланова, Е. В. Абиссинская выставка Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР, № 1, стр. 151—153.
- Форштейн-Мыльникова, К. М. Негидальский отряд Амурской комплексной экспедиции Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР, № 1, стр. 154—155.
- Храмова, В. В. Издательская работа Института антропологии, археологии и этнографии Академии Наук СССР в 1936 г., № 3, стр. 106—107.
- Шахнович, М. Первая сессия фольклорной секции Института антропологии, археологии и этнографии, № 3, стр. 108.
- Шереметева, М. Е. Работа по этнографии и археологии в Калуге (1935—1936), № 6, стр. 136—139.
- Юзюфович, А. Антропологическая секция Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР, № 1, стр. 146—147.

Обзоры

- Вишняков, А. Греческая этнографическая литература за 1931—1933 гг., № 2, стр. 140—143.
- Деген-Ковалевский, Б. Е. Обзор литературы по этнографии и археологии Кавказа за три года, № 4—5, стр. 277—303.
- Кагаров, Е. Г. Иностранная литература по этнографии Кавказа за последние 10 лет, № 4—5, стр. 274—277.
- Кагаров, Е. Г. К вопросу о оформлении исторического исследования, № 3, стр. 112—116.
- Кагаров, Е. Г. Новейшие труды Р. Корсо по этнографии Абиссинии и итальянских колоний в Африке, № 1, стр. 176—177.
- Кагаров, Е. Г. Новые иностранные труды по шаманству, № 6, стр. 141—144.
- Кагаров, Е. Современная румынская этнография, № 2, стр. 136—140.
- Лисициан, Ст. Армянская этнография за 15 лет, № 4—5, стр. 270—274.
- Мачинский, А. В. Новая литература по этнографии Центральной Америки, № 6, стр. 145—152.
- Пульнер, И. Материалы для библиографии библиографии Кавказа, № 4—5, стр. 230—270.
- Рыдзевская, Е. А. Литература по вопросу о пережитках тотемизма у древних скандинавов, № 3, стр. 121—127.
- Таланова, Е. В. Библиография по Абиссинии, № 1, стр. 168—176.
- Таланова, Е. В. Библиография по Абиссинии, № 2, стр. 144—151.
- Храмова, В. В. Перечень статей, помещенных в журнале «Советская этнография» за 1936 г., № 6, стр. 158—161.

Рецензии

- Абрамзон, С. М. А. В. Скобеева. Среднеазиатские республики. Библиотека по географии для средней школы, № 2, стр. 157—160.
- Антропова, В. В. Окунь С. Б. Очерки по истории колониальной политики в Камчатском крае, № 6, стр. 153—156.
- Богораз (Тан), В. Г. В. Г. Карцов. Народы Сибири — очерки прошлого, № 3, стр. 135—136.
- Богораз, В. Г. А. А. Ульянов и Е. Веймарн. Языки мира, № 1, стр. 180—182.
- Богораз-Тан, В. Г. Hans Findeisen. Menschen in der Welt, № 2, стр. 167—168.
- Волков, Н. Н., Золотарев А. и Левин М. «Саами (лопари)», № 3, стр. 136—137.
- Гелах, Т. Ф. Академия Наук СССР, XLV, академику Н. Я. Марру, № 2, стр. 156—157.
- Гелах, Т., Ольдерогге, Д. А. Выставка абиссинских коллекций Академии Наук СССР, № 1, стр. 178—180.
- Золотарев, А. G. Montandon. L'ogénése culturelle, № 2, стр. 165—167.

- Золотарев, А. М. Report of the Australian and New Zealand association for the advancement of science, № 2, стр. 164—165.
- Золотарев, А. М. В. J. Stern. The Lummi Indians of Northwest Washington, № 1, стр. 189—190.
- Кагаров, Е. Г. М. С. Альтман. Пережитки родового строя в собственных именах у Гомера, № 3, стр. 132—134.
- Кагаров, Е. Наукові записки Інституту історії матеріальної культури, № 2, стр. 161—163.
- Кагаров, Е. Г. Фридрих Энгельс, Франкский диалект, № 2, стр. 152—153.
- Кондауров, А. Н. Кисляков. Н. А. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло, № 3, стр. 128—132.
- Косвен, М. О. Congrès international des sciences anthropologiques et ethnologiques. Compte Rendu de la première session, № 2, стр. 163—164.
- Косвен, М. О. Trude Benz. Die Anthropologie in der Geschichtsschreibung des achtzehnten Jahrhunderts, М., № 1, стр. 192—193.
- М. К. Бельгийский ученый о советской науке, № 1, стр. 188—189.
- Пиотровский, А. Б. Oceania. A journal devoted to the study of the native peoples of Australia, New Guinea and the Islands of the Pacific ocean, № 3, стр. 142—145.
- С. Ш. Jean Tijm. Die Stellung der Frau bei den Indianern der Vereinigten Staaten und Canada, № 6, стр. 157.
- С. Ш. Halliday W. H., Potlatch and Totem and the Recollections of an Indian Agent, № 6, стр. 156—157.
- Старцев, Г. А. С. В. Бахрушин. Остяцкие и вогульские княжества XVI—XVII вв., № 2, стр. 160—161.
- Черняков, З. Е. Haack-Hertzberg. Die Völker Europas, № 1, стр. 190—192.
- Шаревская, Б. И. Ida Lublinski. Vom Mutterrecht zum Vatterrecht, № 2, стр. 168—169.
- Шпринцин, Н. Г. Revista del Instituto de Etnologia de la Universidad Nacional de Tucuman, № 3, стр. 138—141.
- Юзефович, А. Н. А. Быховский. Расы и происхождение человека, № 1, стр. 183—188.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Corrigenda к статье т. А. Вишняковой во втором номере „Советской этнографии“ за 1936 г.

В номере втором журнала «Советская этнография» за 1936 г. помещена статья т. А. Вишняковой под заглавием «Греческая этнографическая литература за 1931—1934 гг.»

Эта статья полна грубых ошибок, недопустимых ни в одном советском издании, а тем более — в академическом.

Вот несколько примеров.

1. «Король Велестины» — переводит (на 141 стр.) т. Вишнякова заглавие соответствующей греческой статьи «Ρήγας Βελεστινλής», которую написал афинский профессор К. Амантос.

Тов. Вишнякова, надо полагать, совсем не читала греческой статьи или не поняла ее содержания. В статье решительно нет никакой речи о «короле Велестины».

Велестинос или Велестин (а не «Велестина») — большое село в греческой области Фессалии, замечательное тем, что здесь в 1757 г. родился и жил знаменитый греческий революционер Рига Велестинли или Велестинский, казненный в 1798 г. турками за свою революционную деятельность. Профессор К. Амантос в отмеченной статье говорит о жизни и деятельности Риги Велестинского.

Рига в новогреческой литературе известен и как поэт. Он написал известный, поэтически оформленный, «Военный гимн», имевший громадное распространение в Греции, особенно в период греческой революции 1821—1827 гг., когда он приобрел значение национального гимна. «Военный гимн» Риги и теперь поется греками. Он давно известен и в переводе на русский язык, сделанном поэтом-революционером М. Л. Михайловым (1829—1865) и вновь изданном в его «Полном собрании стихотворений» (М., 1934). Вот начальные строки «Военного гимна» Риги:

«Что ж, братья паликары,
До коих будем пор
Мы словно львы, гнездиться
По кручам диких гор? и т. д.

Гимн Риги из Велестина был, несомненно, известен нашим декабристам, в восстании которых значение греческой революции 1821 г. еще не раскрыто советскими историками.

О революционной деятельности Риги и о «Военном гимне» его хорошо знал и Пушкин, как это видно из следующего его произведения:

«Восстань, о Греция, восстань...
.....
Страна героев и богов
Расторгла рабские вериги
При пеньи пламенных стихов
Тиртея, Байрона и Риги».

Вот о каком Риге из Велестина пишет греческий профессор К. Амантос в статье, отмеченной т. Вишняковой. А никогда не существовавший «король Велестины» придуман т. Вишняковой специально для прикрытия своих познаний в языке и истории Греции, а равно в русской художественной литературе.

2. «Спуск по реке в Салониках» — переводит (на стр. 141) т. Вишнякова заглавие греческой статьи ученого В. Мустакиди «Τὰ ἐσνάφια ἤτοι ρουφέτια τῆς Θεσσαλονίκης», не разъясняя, о каком спуске (?) и о какой реке (?) она ведет здесь свою речь.

Греческое заглавие статьи «Τὰ ἐσνάφια ἤτοι ρουφέτια τῆς Θεσσαλονίκης» значит «Цехи или корпорации Фессалоники». В статье речь идет о ремесленных цехах или организациях в известном и большом греческом городе Фессалониках или Солуни (Салоники), т. е. о предмете, весьма интересном и важном для этнографа. А. т. Вишнякова, не зная ни

языка, ни истории греков, вводит в заблуждение коллегую и читателей академического журнала диким и нелепым «переводом»: и ни о каком «спуске», ни о какой «реке» в греческом тексте и речи нет, да и быть не может.

3. «Тимария в Закинфе» — переводит далее (стр. 141) т. Вишнякова заглавие греческой статьи «Τιμαρία ἐν Ζακύνθῳ». И опять неверно! Надо перевести — «Тимарии на Закинфе». Закинф (Закинтос) или Занте — один из Ионийских островов, принадлежащих Греции. На этом острове до последнего времени сохранились тимарии (τ), τὰ τιμαρία, т. е. помещичьи усадьбы и земли, феодальные владения, образовавшие особую тимариотскую систему землевладения, которая существовала и в Турции до революции и находилась в связи с византийской феодальной системой, как это установлено в советской специальной литературе. В греческой статье и исследуются тимарии на острове Закинфе (а не «тимария в Закинфе», как переводит т. Вишнякова), с представлением важных для историков и этнографов данных. Т. Вишнякова не только не раскрыла содержания этой интересной статьи, но даже не сумела дать правильный русский перевод.

4. «Работа и научный энтузиазм Андреопула при описании греческих стран и песен» — переводит т. Вишнякова заглавие последующей греческой работы «Τὸ ἔργο καὶ ἡ προσπάθεια γὰρ τῆν κατὰγραφὴν τῶν Ἑλληνικῶν χωρῶν καὶ τραγουδιῶν» (стр. 141).

Здесь, прежде всего, допущена т. Вишняковой ученически-грубая ошибка, бросающаяся в глаза внимательному этнографу при одном сопоставлении «стран и . . . песен». Не «стран» надо перевести соответствующее греческое слово χωρῶν, а плясок или танцев. Тов. Вишнякова, плохо разбираясь в простом новогреческом тексте, спутала два орфографически и семантически различные слова χωρῶν и χορῶν и допустила неправильный перевод.

Затем, слово ἡ προσπάθεια значит старание, усердие, а вовсе не «энтузиазм», соответствующий общеизвестному греческому слову ἐνθουσιασμός, и эпитет «научный» также произвольно введен в перевод т. Вишняковой.

5. «Собрание (?) фольклорного и лингвистического материала (?), найденного (!) на современном Крите» — переводит т. Вишнякова заглавие греческой статьи «Βιβλιογραφία Κρητικῆς λαογραφίας καὶ γλωσσολογίας», т. е. «Библиография критской этнографии и лингвистики». Значит, в этом переводе т. Вишняковой нет правильности и точности, которые являются обязательными для высококвалифицированного академического журнала, каким, бесспорно, признается «Советская этнография».

Проф. И. И. Соколов

Письмо в редакцию

В 1924 г. в редактируемом мною журнале «Сибирская Живая Старина» был опубликован «Покойнишной вой по Ленине», в котором, как это для меня совершенно ясно в настоящее время, звучали троцкистские тенденции. В 1924 г. я не сумел распознать ни скрытого контрреволюционного смысла этого плача, ни того, что он являлся, в сущности, мнимо-народным. Я не понял этого и позже и неоднократно ссылался на него в своих работах как на пример подлинно-народного памятника, в частности и в статье: «Ленин в фольклоре» (Сборник памяти В. И. Ленина. Акад. Наук, Л., 1934); тем самым я объективно способствовал распространению текста, имеющего по своему существу, как я уже сказал, контрреволюционную направленность.

Я выражаю глубокое сожаление, что с таким запозданием осознаю значение допущенной мною грубой ошибки, и признаю совершенно правильными сделанные мне по этому поводу упреки со стороны представителей партийной и советской общественности Академии Наук СССР.

М. Азадовский.

9 апр.
1937

ОТ РЕДАКЦИИ.

1. В статье Е. М. Шиллинг «Кубачинская серебряная доска с выгравированным текстом» в № 4—5 за 1936 г. подпись к рис. 3 на стр. 180 следует читать: Слева — Ника Магомедов, справа — Хаджи Мурат Ганиев.

2. В статье Б. Е. Деген-Ковалевского «Сванское селение как исторический источник» в № 4—5 за 1936 г. подпись к рис. 3 (внизу полосы) на стр. 25 и рис. 4 на стр. 26 следует читать: Селения и поля Мулахского общества; при транскрипции языков все знаки і должны читаться i.

3. В статье того же автора «Обзор литературы по этнографии и археологии Кавказа за три года» в № 4—5 за 1936 г. замечены следующие опечатки: стр. 282, лев. колонка, 9 строка сверху, напечатано: отливные, следует читать: италийские; стр. 285, прав. колонка, 7 строка снизу, напечатано: повезло, следует читать: не повезло.

Содержание

	Стр.
От редакции	3

СТАТЬИ

Е. Г. Кагаров. Маркс и Энгельс о древнекельтском обществе	9
З. Е. Черняков. К вопросу о статистике национальностей в современных государствах	20

МАТЕРИАЛЫ

С. В. Иванов. Орнаментированные куклы ольчей	50
Н. П. Дыренкова. Отражение борьбы материнского и отцовского начала в фольклоре телеутов и кумандинцев	70

ЗАМЕТКИ

В. Н. Чернецов. Чум	85
-------------------------------	----

ИЗ АРХИВА

А. И. Андреев. Труды и материалы В. Н. Татищева о Сибири	93
Н. Г. Шпринцин. «Живописное описание путешествия из Порту Филис в Куяба» Г. Флоранса	104

ОТЧЕТЫ ЭКСПЕДИЦИЙ

А. Н. Кондауров. Отчет об экспедиции Института антропологии, археологии и этнографии Академии Наук СССР по изучению жилищ ягнобцев и горных таджиков	111
Н. П. Гринкова. Экспедиция Гос. музея этнографии в Воронежскую область (1936 г.)	117

ПО МУЗЕЯМ

Э. В. Краснуха. Из опыта работы политико-просветительного отдела Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР	130
--	-----

Sommaire

	Page
Avis aux lecteurs	3

MÉMOIRES

E. K a g a r o v. Marx et Engels sur la société celtique ancienne	9
E. Č e r n i a k o v. Sur la statistique des nationalités dans les États modernes.	20

MATÉRIAUX

S. I v a n o v. Les poupées ornementées des Oïtches	50
N. D y r e n k o v a. Le reflet de la lutte des principes matriarcal et patriarcal dans le folklore des Téléoutes et des Koumandines	70

NOTES

V. Č e r n e ě o v. Le tchoum	85
---	----

ARCHIVES

A. A n d r e e v. Travaux et matériaux sur la Sibérie de V. N. Tatistcheff	93
N. S p r i n c i n. G. Florence. Description pittoresque du voyage de Porto Felice à Cuyaba	104

COMPTES RENDUS DES MISSIONS

A. K o n d a u r o v. Étude de l'habitation des Yagnobis et des Tadjiks montagnards	111
N. G r i n k o v a. La mission de Musée Ethnographique de l'État dans la région de Voronéje (1936)	117

À TRAVERS LES MUSÉES

E. K r a s n u c h a. La section d'éducation politique de l'Institut d'Anthropologie, d'Archéologie, d'Ethnographie	130
---	-----

	Стр.
Л. И. Лавров. Краеведческие музеи на Северном Кавказе	132
А. Н. Кондауров. Центральный музей Таджикской ССР (Сталинабад, 1936 г.)	134

ХРОНИКА

А. И. Андреев. Новое издание трудов академика Г. Ф. Миллера	136
М. Е. Шереметева. Работа по этнографии и археологии в Калуге (1935—1936 гг.)	136
А. Н. Кондауров. Экспедиция Среднеазиатского отделения Всесоюзного института экспериментальной медицины в Ягноб и долину Зеравшана	139
А. Журбенко. Коллекция предметов домашнего обихода XVIII—XIX вв.	139
Н. Ш. — Международные конгрессы 1935—1936 гг.	140

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

Е. Г. Кагаров. Новые иностранные труды по шаманству	141
А. В. Мачинский. Новая литература по этнографии Центральной Америки	145

Рецензии

В. В. Антропова. Окунь С. Б. Очерки по истории колониальной политики в Камчатском крае	153
С. Ш. Halliday W. H. Potlatch and totem and the recollections of an Indian agent	156
С. Ш. Jean Tijm. Die Stellung der Frau bei den Indianern der Vereinigten Staaten und Canada's	157
В. В. Храмова. Перечень статей, помещенных в журнале «Советская Этнография» за 1936 г.	158
Письма в редакцию	164

	Page
L. L a v r o v. Les musées d'Études régionales dans le Caucase du Nord	132
A. K o n d a u r o v. Le musée central du Tadjikistan (Stalinabad) en 1936	134

CHRONIQUE

A. A n d r e e v. Une nouvelle édition des travaux de l'académicien H. F. Miller	136
M. Š e r e m e t e v a. L'ethnographie et l'archéologie à Kalouga (1935—1936)	136
A. K o n d a u r o v. La mission de la filiale centrale asiatique de l'Institut de Médecine Expérimentale dans le Yagnôb et la vallée du Zérafchan (1936)	139
A. Ž u r b e n k o. Une collection d'objets domestiques du XVIII—XIX-e siècles	139
N. Š. Les congrès internationaux de 1935 et 1936	140

CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE

Revue s

E. K a g a r o v. Nouveaux travaux étrangers sur le chamanisme	141
A. M a ĉ i n k i j. Les nouveaux travaux sur l'ethnographie de l'Amérique Centrale	145

Analyses

V. A n t r o p o v a. Okuni S. Études sur l'histoire de la politique coloniale au Kamtchatka	153
S. Š. H a l l i d a y W. H. Potlatch and totem and the recollections of an Indian agent	156
S. Š. J e a n T i j m. Die Stellung der Frau bei den Indianern der Vereinigten Staaten und Canada's	157
V. C h r a m o v a. Liste des articles parus en 1936 dans «l'Ethnographie soviétique» dressée	158
Lettres à la Rédaction	164

139945